

Священник Тимофей Алферов

Апост ол Тимофей

Опыт историко-
художественной реконструкции

Издательство «Перо»
Москва 2020

Читатель Нового Завета обычно не в силах самостоятельно соединить в единое связное повествование деяния св. Апостолов и их послания. Библейская наука помогает это сделать, а предлагаемая книга достигает той же цели, но в художественной форме, более доступной широкому читателю. Как рождались основные темы и идеи апостольского благовестия, с какими трудностями сталкивались, и как послужили спасению иудеев и эллинов, - об этом наш рассказ.

Предисловие

Предлагаемая книга есть историко-художественная реконструкция событий, связанных с проповеднической деятельностью апостола Павла и его учеников и сподвижников на Балканах и в Малой Азии. Сведения об этом содержатся в книге апостола Луки «Деяния святых Апостолов», а также в посланиях самого Павла и некоторых других документах древности.

Историками Нового Завета предпринималось немало попыток собрать все эти сведения в единый сюжет. И он найден задолго до нас. Большинство посланий Павла встроены в рассказ Луки о его путешествиях и достаточно точно датированы. Однако всякое научно-историческое исследование остается суховатым для восприятия современным читателем. К сожалению, современные христиане самых разных конфессий в большинстве своем вовсе не чувствуют для себя нужды знать весь этот «Блок Павла» в Новом Завете в его последовательности и взаимной связи. Если апостольское учение и интересно кому-то само по себе, то оно используется не в целом, соединенном, а в полностью разобранном виде. Берется Павлова цитата для обоснования чего-то, нужного в данный момент, и к ней привешивается вводная конструкция, типа: «Слово Божие учит нас, что...». При таком навыке прочтения апостольского наследия, конечно, не нужны никакие исторические работы по собиранию «Блока Павла» в нечто единое. Но нам думается, что при таком использовании

Павловых цитат, он в целом, как религиозный мыслитель, так и остается неизвестным и непонятым для тех, кто его цитирует. Библия вообще отражает некий целостный исторический сюжет, где люди ищут Бога, а Бог открывается им последовательно, по мере их готовности и по своей благой и разумной воле. Библия не есть картотека афоризмов и цитат. И вот, мы здесь воспроизводим восстановленный учеными небольшой фрагмент общего библейского сюжета, в центре которого проповедь апостола Павла и его учеников.

Опыт показал, что современный читатель легче усваивает литературу в художественной форме. Это оказалось настоящим открытием для автора книги, в силу чего и выбрана здесь именно художественная форма. Впрочем, только форма! Ни повести, ни романа вы здесь не найдете, потому что главная цель автора остается исторической: увязать, раскрыть и донести реальные события, а не свои сюжеты или свои какие-то нравственные уроки.

Художественное, связанное повествование разворачивается и представляется глазами Тимофея – одного из самых ближайших Павловых учеников. Почему выбран именно он? Не только потому, что сам автор когда-то назван в его честь, но главным образом потому, что именно Тимофей чаще других служил писцом и письмоношцем Павлу от самого своего обращения и до конца Павловых дней. Предсмертное письмо Апостола языков обращено именно к нему. Так что возникновение «Корпуса Павла» в Новом Завете происходило при самом активном участии Тимофея. Сравнимым по близости к Павлу с ним является только Лука, личный врач Павла, но скорее всего, он был менее задействован

Павлом при написании посланий. У Луки была своя огромная письменная работа над двумя его знаменитыми книгами.

Поэтому избран Тимофей. Но важно было вместе с ним показать еще целую когорту Павловых учеников и сотрудников. Почти все они включены в список т.н. Апостолов от 70, но сведений о них у нас настолько мало, что, по сути, они просто преданы забвению. До какой-то степени исправить это положение и призвана настоящая работа. Эти люди достойны благодарной памяти от нас – хотя бы в той мере, как их любил и ценил сам Павел! Сюжет потребовал ввести и еще минимальное число героев, прототипы которых непременно должны были существовать, но их имена до нас не дошли. В итоге книга, конечно, получилась перегруженной именами, что затрудняет ориентацию в них. В помощь читателю составлен именной указатель в конце книги.

Восстанавливая историю Павловой проповеди, ни один ученый не обходился без собственных предположений, исторических гипотез. Обоснования этих гипотез порой представляются весьма шаткими. Обойтись без повторения старых догадок и без своих домыслов, конечно, не удастся и автору книги, - иначе просто невозможно написать единый гладкий сюжет. Считаю своим долгом каждое, скольконбудь значимое, собственное предположение отметить в примечаниях и по возможности обосновать. Без этих примечаний, строго говоря, книга вообще не должна рассматриваться.

Богословие Павла рождалось по ходу его миссии и проповеди. Крайне маловероятно, что какие-то важные его идеи родились у него сами по себе, без связи с теми вопросами и сомнениями, которыми с

ним делились его слушатели, его противники, его друзья. Когда же мы читаем послания Павла, то не слышим этих задаваемых ему вопросов. Основная задача реконструктора как раз в том и состоит, чтобы восстановить этот диалогический процесс, от которого в документах у нас имеется только одна половина. Мы, можно так сравнить, слушаем разговор Павла в комнате по телефону. Его реплики нам слышны, но о репликах собеседника остается только гадать. Нет сомнений, что до какой-то степени эту вторую половину Павлова диалога восстановить все-таки можно. До какой же? Вопрос не легкий, но в любом случае, самого Павла, представленного нам в диалоге, понять будет легче.

Реконструируя мысли и слова людей того времени, мы всячески избегаем «перевода» Павла на смысловой язык отцов Церкви. Это было бы исторически недостоверно. Наши герои говорят так, как говорили именно в их, апостольском веке. По крайней мере, автор к этому стремился. Тринитарных формулировок времен арианских споров, или христологических формулировок времен Халкидонского собора у Павла быть не может, - и это тоже должно быть ясно заранее. Сама тематика, сама богословская повестка того времени очень не похожа на все более поздние времена, но восстанавливаем мы именно апостольскую тематику и повестку.

Поэтому пусть никто не пытается вкладывать автору некие современные богословские подтексты: особенно конфессионально-поленические. Хотел ли, дескать, автор книги тайно покритиковать православных или протестантов или католиков? Сразу говорю: не хотел! Даже к IV веку церковная повестка очень изменилась. Ее тоже нужно нам знать,

принятое наследие Церкви, тройческое и христологическое богословие принимать – это достойно и праведно. Одним только наследием апостолов Церковь последующих времен просто не смогла бы обойтись – и это очевидно. Но недостойно и несправедливо будет мысли последующих отцов впихивать прямо в уста апостолов! Мои герои, надеюсь, говорят в понятиях своего века.

Добавим еще, что осмысленное чтение книги практически невозможно без постоянного обращения к карте (лучше всего просто ее запомнить и держать в голове) и к ленте времени. За исключением истории написания Послания к Галатам, о которой в примечании⁷ идет особый разговор, остальные Павловы послания согласно и давно расставлены библиеистами на ленте времени в свои «карманы», относительная их последовательность и связь с Книгой Деяний является общепринятой. С нее мы и рекомендуем начинать чтение, и по ходу обращаться к ней не раз.

Хронология описываемых событий. Звездочкой указаны даты точные, поверяемые по Иосифу Флавию и Светонию. Прочие даты приблизительны, с точностью плюс-минус год или полтора. Между ними сохраняется лишь указанная относительная последовательность событий.

44* г – посещение апостолами Павлом и Варнавой Иерусалима из Антиохии.

47 г – первое путешествие апостола Павла в Южную Галатию (она же Ликаония и Писидия). Обращение Тимофея к вере.

48 г – Послание к Галатам? (см. подробнее примечание⁷).

49 г - Апостольский собор.

50-52* г – посещение Павлом, Силуаном, Лукой и Тимофеем Македонии и Ахаии (Эллады). Второе путешествие Павла. Написание обоих посланий Фессалоникийцам из Коринфа. Проконсульство Галлиона в Ахаии. Павел возвращается оттуда в Иерусалим и затем в Антиохию.

54-58 г – третье путешествие апостола Павла. Просвещение Эфеса и всей Азии и Фригии. Первое послание Коринфянам. Переход из Эфеса через Македонию. Второе послание Коринфянам. Пребывание в Коринфе и Послание к Римлянам.

58 г – арест Павла в Иерусалиме.

60* г – Префектом Иудеи становится Порций Фест. Павла в качестве арестанта отправляют в Рим.

61-62 г – пребывание Павла в Риме под домашним арестом. Послания Ефесянам, Колоссянам, Филиппийцам и Филимону. Конец книги Деяний.

62* г – В период смены префектов Иудеи (Феста сменяет Альбин) мученически погибает апостол Иаков, брат Иисуса. И это очень вероятная дата и повод для написания Павлом из Рима Послания к Евреям.

62-67 г - Написание Павлом посланий к Титу и Тимофею. Не поддающийся подробной датировке последний период жизни Павла.

По установившейся традиции все цитаты из Писания, в каком бы переводе они ни приводились, мы выделяем *курсивом* и оставляем без кавычек.

Глава 1

В Листре

Наша история начинается в 47 году н.э. в городке под названием Листра на юге полуострова Малая Азия. Через полторы тысячи лет там зазвучит турецкая речь, а пока это – юг римской административной провинции Галатия. Здесь живут отдаленные потомки древних хеттов, которых пришлые греки именуют ликаонцами. У них свое наречие, но почти все понимают и по-гречески. Жил здесь и один грек, который женился на еврейке и привез в эти края и жену, и тещу. Здесь он имел свое хозяйство и дом. Родился у них и сын, которому дали интересное имя. Супруги, вероятно, уважали веру друг друга, а потому и сыну подобрали такое имя, которое устраивало обоих. Назвали его почитателем Бога – Тимофеем. Для отца не слишком требовалось уточнение, о каком именно из богов идет речь, а для мамы это выражало надежду, что он все-таки будет чтить ее Бога, единственного, сотворившего небо и землю. Мама верила, что именно ее религия будет усвоена сыном, а не отцовская. Свою веру мама Тимофея хранила крепко, хотя и сама уже носила греческое имя – Евника, что значит: добропобедная. В городке не было синагоги. Вообще, из евреев здесь,

кажется, были только две женщины: сама Евника и ее мать, престарелая Лоида. Конечно, мальчик воспитывался вне еврейского закона и традиций, даже не был обрезан, но, тем не менее, мама и бабушка много ему рассказывали из еврейской истории, что сами слышали в своем детстве в синагоге.

К началу нашего рассказа отец мальчика уже умер, а самому Тимофею было примерно пятнадцать лет. Он продолжал ремесло отца, его гончарное дело, и вообще, работал с глиной, начиная от кирпичей и кончая глинобитными печами. Тем и кормилась эта маленькая, неполная семья¹.

Городок был захолустным, единственная его ценность заключалась в дороге. Когда-то римские легионеры расчистили, отсыпали и местами вымостили ее. И соединяла эта дорога западное побережье Малой Азии с самой Сирией. В городке бывали гости и путники, шла и соответствующая торговля. Со стороны дороги до дома Тимофея доходили все новости. Так было и в этот раз.

Евника держала свой лоток с горшками недалеко от гостиницы, как вдруг услышала какой-то шум в гостиничном дворе. Вокруг двух новых странников собрались местные жители и слушали их удивительные, вдохновенные речи. Соседка позвала Евнику:

- Иди сюда, евреи пришли, что-то про своего Бога говорят. Это по твоей части.

Евника тотчас присоединилась к слушателям.

Пришельцев было двое. Один высокий, длинноволосый, с окладистой бородой. Другой пониже, лысеющий, стриженный, лет тридцати пяти на вид, с короткой бородкой, в общем, не яркой

внешности. Но говорил именно он. И видно было, что он хорошо владеет словом. Это владение происходило не от особого обучения ораторским приемам (их он как раз не применял), а от давнего опыта обращения к большому количеству слушателей.

- ...Ну а что же вы так спокойны, если обо всем этом слышали? Для вас это новость, а ведь уж пятнадцать лет прошло. Может быть, не так уж много времени вообще осталось. Да пусть и много осталось, но ведь Бог действует. Он не молчит, Он послал людям спасение, Он приблизился к ним. Он равно начал призывать всех людей, из всех народов. Как же молчать об этом? Надо, чтобы услышали все. Ведь все мы нуждаемся в его помощи, в его благодати и милости. А Он не просто послал помощь, он сам пришел. Люди думали приносить Ему жертвы, делиться с Ним или умиловать Его. А Он, видите, - приносит в жертву Сына своего. Скажите, разве вы еще не слышали обо всем этом? Первый раз от меня слышите?

Люди в толпе переглядывались, недоуменно пожимали плечами, переспрашивали друг друга. Казалось, кто-то что-то припоминал. Но вразумительно ответить они не могли. Однако, воспользовавшись остановкой оратора, хозяин гостиницы, человек грамотный, спросил проповедника:

- Ну, если Бог помогает теперь всем, то не может ли Он помочь тому, кому Его помощь нужна больше всех? Вот у нас тут есть один парень. Пожалуйста, подойди, посмотри.

У гостиницы сидел, собирая милостыню, один юноша. Он с детства не имел возможности ходить. И

сейчас он напряженно слушал то, что мог расслышать из речи проповедников. На него-то и обратил их внимание хозяин гостиницы. Путники подошли к нему, за ними и все слушавшие их. Высокий спросил его первым:

- Ты слышал, о чем он говорил? Веришь, что Бог Израиля послал своего Сына?

Тот только кивнул.

Тогда первый, говоривший всю речь, вдруг воскликнул:

- Тебе говорю, во имя Господа Иисуса Христа встань на ноги твои прямо.

Больной удивленно хлопал глазами, а в это время высокий осторожно поднял его за подмышки и поставил на ноги. Затем тихонько опустил руки. Хромой стоял на ногах, сам не веря происходящему. Затем, опираясь на протянутые к нему чужие руки, попробовал сделать первые шаги. И получилось! Вопль удивления пролетел по толпе. Через минуту вся улица (она же – римская дорога) оживилась. Отовсюду сбежался народ.

- Славьте Бога Израиля и Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего! – возгласил громогласно высокий из двух проповедников.

- Аллилуйя! – раздался из толпы голос на родном для них наречии, - Шма Исраэль...

Это была, конечно, Евника. На родном языке она не говорила уже давно, но самые святыя слова, конечно, не забыла. Проповедники обернулись к ней и заметили ее, узнав родную речь, но сейчас вступить с нею в разговор было совершенно неуместно. Между тем и Тимофей оказался уже рядом.

Нарастающая толпа окружала проповедников и исцеленного юношу, шумно приветствовала их.

Возгласы на греческом смешались с ликаонским наречием – родным языком местных жителей. Впрочем, проповеди у пришельцев уже не получалось. Их приветствовали, но больше не слушали. Совершенное ими действие было важнее любых слов. Но хуже было другое: большую часть из произносимого в толпе проповедники не понимали. Толпа повлекла их в сторону. Они еще не поняли, куда и зачем, пока не увидели статуи, жертвенник и лишь тогда догадались, что находятся в местном капище. Туда уже подвели бычка, увитого цветочной гирляндой.

Каким-то невероятным усилием поближе к пришельцам пробралась Евника и сумела им прокричать:

- Они приняли вас за богов, за Зевса и Гермеса, и хотят принести вам жертву!

Видимо, предстоящее действо ей самой было глубоко омерзительно и страшно. Евника все-таки верила в Бога отцов своих, и понимала, что именно его силою пришельцы совершили исцеление хромого. Те, наконец, сами понявши, что происходит, обратились к людям с той же горячностью:

- Мужички, что это вы делаете? Мы не боги, мы подобные вам люди, мы столь же немощны, как вы, мы так же терпим боль и болезни, как вы. Мы смертны, в конце концов. А юношу вашего исцелил Бог, а не мы. Это Бог Израиля, которого чтут евреи. Он сотворил небо и землю, море и все, что в них. Это единственно истинный Бог. Обратитесь к Нему! Он один только может помочь. Других богов, кроме него, не существует!

- Тогда мы принесем жертву Ему! – прокричали в толпе.

- А Ему можно в одном только месте приносить жертву, - отвечал высокий, - и место это — в Иерусалиме, где стоит единственный на земле Храм в Его честь. — И добавил, чувствуя, что люди этого не понимают. — Так требует Его собственный закон.

Но и это разъяснение не добавило ясности.

- Что ты говоришь, человек? — обратился к проповеднику муж из толпы, облаченный, как подобало жрецу. — Небеса явили нам великую милость. Ты призываешь нас остаться неблагодарными? У нас сегодня праздник. У нас божественное посещение, - и мы должны его ознаменовать богохульством? Отрицанием бессмертных богов?

Тут взял слово другой из пришельцев, лысоватый:

- Мы призвали имя нашего Бога, Бога Израиля, который явил всем народам милость через Сына своего, Иисуса, Царя и Помазанника над Израилем. Его именем этот человек был исцелен. Сколько вы прежде ни приносили здесь жертв вашим богам, ничто не помогало этому юноше. Рассуди же сам, кто тут Бог.

- Значит, вы имя того же бога узнали как-то лучше, - парировал жрец.

- Нет. Разве ваш бог сотворил небо и землю? Подлинный Бог сотворил все, и видимое, и невидимое. Он сотворил и человека. Он сотворил наши руки и ноги. Он же и выправил ноги этому юноше. Кто их творил, тот их и исцелить может, правильно?

Жрец немного растерялся. Пришелец закреплял успех:

- Издревле предки всех людей знали одного Бога. Но потом многие отступили от Него, и поклонились

другим богам, солнцу, луне, стихиям. Представили Бога в виде птиц или четвероногих, жующих траву или поедающих плоть четвероногих жертв. И Бог попустил людям это, но Он не перестает свидетельствовать о себе. Во всех творениях видна его премудрость.

- И все-таки, тебе не страшно остаться неблагодарным? Если ты сам не бог, - не сдавался жрец.

- Наш Бог сотворил всех скотов полевых. И этого бычка. И Ему не нужно кушать бычков. Он не кровожаден. Он щедр и дает дожди и плодоношение земли всем людям, даже если они Его уже забыли. А хотите быть благодарными – верьте в Него и прославляйте имя Его.

- И все на этом? Так что ли? – жрец, похоже, искренне не понимал, как Бога может удовлетворить одна словесная благодарность.

- А что еще может дать человек Богу, если и сам человек от Бога получил все? Начиная от своего тела и кончая каждым вздохом и глотком воды? – пришелец укладывал все свои слова как бы стрелы, каждую точно в свою цель. – Вот всякий раз, как садитесь за трапезу, благодарите Господа, Творца неба и земли, за то, что посылает нам пищу. Нам и не только нам, но и всем людям, по лицу всей земли, во всей ойкумене, варварам, индийцам, скифам и гиперборейам – всем-всем. И скотов, и зверей полевых, и птиц, и рыб – всех питает Его щедрость. На всех у Него хватает благодати. Вот и благодарите Бога об этом каждый раз.

- Мы и собирались здесь благодарить бога, - пробурчал жрец уже как-то неуверенно, - но благодарить при всех, чтобы все слышали и видели.

- Но ведь вы же сами и скушаете этого бычка, которого вам послал тот же Единый Бог, ведь нет другого. Ну и скушайте бычка с благодарностью и с целомудрием, без всяких плясок в честь богов не существующих. Если нас и посетил Бог сегодня, то это Бог не сего жертвенника. Бога этого жертвенника мы не призывали.

Последние слова проповедника прозвучали отчетливо в наступившей тишине, и, похоже, дошли до разумения слушателей. Тишину нарушил вопль исцеленного юноши, который оказался в толпе поближе к проповедникам:

- Слава и величие Богу, сотворившему небо и землю! Он дарует нам урожай, а мне подарил сегодня ноги ходячие!

- Аллилуйя, - воскликнули Евника и Тимофей.

Радости и энтузиазма в толпе сильно поубавилось. По сути, получалось так, что у людей отобрали намечавшийся шумный и веселый праздник, который обещал быть чем-то более значимым, нежели даже исцеление хромого юноши. Тут слово вставил высокий пришелец, который, похоже, догадался о причинах общего разочарования людей:

- Мужи и жены! Все равно у вас сегодня праздник. Бог посетил ваш город, Он явил свою благодать вашему соседу и всем вам. Благодарите его, поздравляйте друг друга. И пищу кушайте с благодарением. Если желаете, то и бычка этого приготовьте и скушайте, благодаряще Бога. Только не здесь, ладно? Богу, Который помог вам, не понравится, если вы чтите здесь другого бога. Давайте с миром разойдемся пока по домам. Обдумайте, что вы здесь видели и слышали. На сегодня с вас хватит, а нам тоже надо пока отдохнуть.

Праздник был испорчен, но делать было нечего. Люди стали расходиться. Спорить с пришельцами, обладающими таинственной духовной силой, местным жителям, включая жрецов, не хотелось. Мало ли что может им не понравиться? Одного хромого сделали ходячим, - разве не смогут они десяток ходячих сделать хромыми? Той же самой силой. Ведь испортить здоровье наверняка проще, чем его поправить. Логика этих рассуждений, должно быть, была примитивной, но в этом примитиве заключалась та спасительная разумность, тот элемент здравого смысла, без которого никогда не добраться до чего-то более высокого.

Тут только Евника, схватив сына за руку, представилась пришельцам:

- Меня зовут Евника, а это мой сын Тимофей. Я иудейка, чту Бога отцов наших. Хотя и давно уже живу здесь. Войдите в мой дом, будьте гостями.

- Меня зовут Шауль, а по-римски, Павел, - отозвался тот из пришельцев, что был пониже ростом, - а это — Иосиф. В Иерусалиме благочестивые мужи дали ему прозвище Варнава, сын утешения.

Высокий поклонился, а Евника улыбнулась ему:

- Ну вот, и принесете утешение нашему дому.

С ними же двинулся к дому Евники и исцеленный юноша. Его звали Гермас. По дороге он пояснил некоторые подробности происшествия.

- Видите ли, гости-иудеи, здесь получилась такая история. Вот Иосиф, своей внешностью и осанкой напомнил здешним жителям известную статую Зевса, работы Фидия. А меня называли в честь греческого бога Гермеса. Вот и решили местные, что один из вас

– Зевс, а другой – Гермес, раз помог названному в его честь.

- Видишь, Шауль, мы с тобою теперь ожившие статуи, - засмеялся Варнава. – Кажется, в такой роли нам бывать еще не приходилось.

Шауль, улыбнувшись, отозвался более серьезным тоном:

- Главное, чтобы из этих камней, - он обвел рукой расходящихся людей, - созидались дети Аврааму. Нам это было обещано, не помнишь?

В дом Евники собралось несколько человек. Соседки успели сбежать домой и принести кое-какие угощения для гостей. Павел и Варнава непрестанно рассказывали им об Иисусе и его новой вере, которая была исполнением старых пророчеств. Собравшиеся внимательно слушали. Разошлись только под вечер. Увели и Гермаса, поддерживая его еще пока под руки. Ноги его не болели, но он еще только учился ходить.

Наутро Павел взялся помочь Тимофею месить его глину. Дело это долгое и требует терпения. Глина в земле всегда лежит полусухая, смачивается она медленно. Две-три недели в одном и том же корыте нужно мешать ее каждый день. Только после этого можно будет из нее что-то лепить. При этом нужно удалить прочь все мельчайшие камешки и все комочки извести. Малое вкрапление извести при обжиге – и весь глиняный сосуд непременно разорвется прямо в печи.

- Вот видишь, - говорил Павел, терпеливо перебирая и растирая комочки руками, - и мы с тобой такая же глина в руках Творца. Он может из нее делать разные сосуды, какие захочет сам. Наше дело – выдержать жар печи и не взорваться при обжиге.

- Мы все разные, потому что Он нас делает такими разными? – спросил Тимофей, отжимая из глины лишнюю воду.

- Конечно. Но мы – сосуды живые. Выдержим и круг гончарный, и обжиг – будем полезными для Него сосудами. Для почетного употребления. А кто-то и для низкого. Все в Его воле.

- А ты говорил, что Бог примет нас своими сынами?

- Да. Но это будет только с теми, кто сможет прежде осознать себя глиной в руках Всемогущего Гончара. Вот видел, как мы вчера говорили им, что Бог послал своего сына, что Он любит их, как детей. Нас самих произвели в ложные боги. Потому что они Божьей глиной себя никогда не чувствовали. Ходили в похотях сердец своих, не замечая, как от Творца зависят и путая Творца с Его творениями.

- А как же нам почувствовать себя Божьей глиной? – спросил Тимофей.

- Я думаю, - отвечал Павел, - людям помогал в этом Закон. Только на Законе останавливаться нельзя. Человек все-таки дороже Богу, чем тебе твои горшки. Ты отдашь их маме, чтобы продала на базаре, а Бог нас не продаст и не бросит. Он за нас уже заплатил дорогую цену – своего Сына. Горшок не станет тебе сыном, а мы с тобою станем детьми Божиими. Чтобы сообщить это людям, мы и посланы самим Иисусом.

Тут Павла пригласили к гостинице. Оказалось, что пришли некие иудеи из того же соседнего города Иконии, откуда днем ранее явились посланники Иисуса. Теперь они, так сказать, вызвали Павла на состязание. Тимофей, отмыв руки от глины, последовал за своим гостем.

Пришедших иудеев было пятеро. Но они были достаточно горластыми и наглými. Говорили и наперебой, и по очереди. Вставить слово кому-то другому не давали. И все их речи были направлены против посланников Христа.

- Нечего слушать этих лжецов, - обвиняли новые пришельцы Павла, - они сами не знают, что проповедуют. Да, был такой человек, Иисус из Назарета. Да, он выдавал себя за Сына Божьего. Ну и что? Его же распяли, как смутьяна, - и жизнь идет своим чередом. Он претендовал на царство, а в царстве ничего не изменилось после его смерти. Антипа и Филипп, местные цари в Палестине, царствовали и при нем, и после него, пока их не сместил Гай цезарь. Цезарей тоже Иисус не смещал. Даже римского прокуратора в Палестине не сместил. Все шло без него. Какой же он царь? Он самозванец. А этот Шауль - он вообще двойной самозванец. Он с Иисусом даже не ходил. Он его при жизни вообще в глаза не видел. И несколько лет проповедовал против него. Теперь он об этом вам не сказал? И не скажет. А мы знаем, мы в Иерусалиме были. Иисус - отщепенец, осужденный нашим синедрионом. А Шауль - просто шарлатан и предатель. А может, такой же колдун, как Иисус. Теперь он ходит по всем синагогам рассеяния и отвращает людей от Божьего закона.

- Вчера он говорил нам, что наши боги не существуют, а есть только Бог иудеев, - вставил жрец.

- Да, - охотно согласились иудеи, - вам он говорит, что нет ваших богов. А в синагоге нашей он говорит, что наш Бог сам свой закон отменил. Бог без своего закона - вообще, уже не Бог. Так что все ясно: Шауль

– колдун и безбожник. Гнать его надо отсюда взащей. А вы еще его тут слушаете, уши развесили. Это враг всей вселенной, всех порядочных людей. Он всем богам насолил, какие только есть, и каких нет.

Тщетно Павел пытался их перекричать:

- Братья, я не скрывал, что Иисус был распят, но Он воскрес из мертвых, и я видел его живым. Я, как и они, не поверил бы Иисусу, если бы Он не явился мне живым. Он выбрал меня для этой задачи: нести весть его всем людям... - закончить Павлу не дали.

Не успел Тимофей тут вспомнить про то, что глиняные сосуды делаются для разного употребления по выбору горшечника, как тут выступил хозяин гостиницы Афродисий.

- Подождите, выслушайте, - прокричал он, - прекратите галдеж, я с самого начала тут был, все речи слышал. Вот вчера, на этом самом месте, - он показал рукой, - у нас сидел Гермас, хромой юноша, с детства не ходивший. И вот, этот Павел именем Иисуса при мне поставил его на ноги, так что все видели, как больной пошел своими ногами. Вот вы, - обратился он теперь к иудеям, - можете сделать то же самое? Да еще проще! Вот скажите прямо здесь у меня перед глазами, чтобы именем вашего Бога или каких-то других богов, пусть этот лжец Павел, если он лжец, охromeет вот на этом месте! Прикажите именем каких угодно небес, чтобы он сел вот сейчас на место Гермаса. Пусть милостыню собирает, и кончит лгать на весь свет! Тогда уж будьте покойны, он от моей гостиницы далеко не уйдет. И вам не придется за ним гоняться. Согласны? Давайте!

Толпа загудела со спортивным азартом. Предложение показалось ей занимательным. Иудеи

на мгновение запнулись, но тут старший из них собрался с мыслями и ответил:

- Мы не можем и не должны упражняться в колдовстве и подражать колдуну. Иначе завтра в колдовстве обвинят нас самих. Для борьбы с колдунами хороши человеческие средства. Колдунов надо бить. Бить чем попало: ногами, камнями, палками. Они не могут противиться простым человеческим средствам. И это правильно! Так Бог устроил, чтобы люди колдунов не боялись и сопротивлялись их чарам. Сами посудите: если эти люди посланцы богов, то боги за них заступятся.

Пока он кричал, четверо других уже окружили Павла. Афродисий, видя, к чему дело идет, закричал, обращаясь, в основном к своим:

- Дураки, не вздумайте послушаться этих пришлых евреев! Не хотите сами охрометь? Не лезьте! И потом не жалуйтесь, если у вас что случится. Свои ноги переломаете, или молния в крышу попадет. Они призвали вас Бога побояться – так вы и побойтесь. Если они сами при этом не боятся – это их дело, а не наше.

Но Афродисия многие не послушались. По-видимому, большим авторитетом пользовался жрец, вполне согласный сейчас с иудеями, которые его самого, безусловно, тоже считали колдуном, но пока его так не называли.

Павла потащили куда-то, выкрутив руки. Тимофей попытался броситься на помощь, но получил такой удар по голове, что на какое-то время отлетел в сторону и потерял ориентировку. Придя в чувство через несколько секунд, он сообразил, что нужно предупредить Иосифа Варнаву, потому что и ему грозит то же самое. Афродисия рядом он не увидел.

Насколько позволяла боль в голове, он поспешил домой. Но его опередили. У порога он увидел Варнаву и с ним еще двух мужчин, вооруженных палками, которые выбегали из дома. Все вместе бросились на выручку Павла.

Тимофей бежал-ковылял, отставая, поскольку никак не мог еще оправиться от удара по голове. Когда он все-таки догнал остановившихся Варнаву и его спутников уже у самой околицы, те стояли над поверженным и бездыханным телом Павла, и не знали, что делать. Тимофей заплакал и опустился на колени. Видно было, что Павла сильно избили, голова его заплыла от удара камнем. Дыхания не было заметно. Тимофей с Варнавой перевернули его лицом к солнцу. Похоже, жизнь покинула его тело. Нападавшие тоже скрылись куда-то, заметив погоню.

В одно мгновение перед Тимофеем прошла в памяти фигура исцеленного Гермаса. «Господи, за что же так получается, что исцеленный здоров, а исцеливший мертв?» И вдруг Тимофей воскликнул вслух сквозь слезы:

- Боже, если Ты и вправду воскресил Твоего Сына, если он и вправду являлся Павлу, то оживи его, воскреси его самого! Ведь он нужен Тебе, он нужен всем нам.

Рядом опустился на колени и взмолился Варнава. Он шептал на незнакомом Тимофею языке. Лишь по отдельным словам Тимофей отгадал родной язык своей матери.

Вдруг Шауль застонал и зашевелился. Варнава ткнул Тимофея в бок:

- Быстро неси сюда воды!

Пока Тимофей соображал, как местный житель, где тут поближе до колодца, Варнава поднял Павла

на руки и поволочил его к дому Евники. Он был значительно выше и сильнее Павла, так что мог нести его на себе.

Павел смог заговорить лишь к утру. Конечно, Евника сделала все возможное. Вместе с местным знахарем приложила все примочки, травы и растирания. Милостью Божией обошлось без переломов костей. Но было ясно, что человеческих сил тут бы не хватило. Заодно помогли и Тимофею с его ушибом головы. И Варнава, и Тимофей, и Евника, и даже бабушка Лоида всю ночь по очереди дежурили возле пострадавшего.

Когда Павел открыл глаза, рядом был его спутник. Отпив воды, Павел спросил:

- Где мы?

- У Евники, - ответил Варнава.

- А где Тимофей?

- Да здесь он. Это он тебя молитвой своей вытянул.

- Я знаю, - простонал Павел. (Тимофей был уже рядом с постелью; кстати, это была его кровать, сам он последние две ночи спал в сарае).

- Спасибо, Тимофей, - продолжил Павел. – Да хранит тебя Господь и воздаст тебе за доброту. Я потом тебе отвечу... Потом скажу...

Тимофей молча глотал слезы. Он встретился взглядом с учителем и подивился тому миру, спокойствию и ясности, что струились из глаз Павла.

Между тем именно с глазами Павлу было труднее всего. Один глаз совсем заплыл от удара, то ли кулаком, то ли камнем. Но Павел упорно обращался именно к Тимофею так, словно тот только что донимал его какими-то расспросами и сомнениями.

- Все хорошо, Тимофей, все так и должно было быть. Не сомневайся, Бог с нами.

- Я не сомневаюсь, - только и выдавил Тимофей, вытирая слезы, - уже не сомневаюсь.

Весь день Тимофей работал во дворе со своей глиной, тщательно следя, чтобы не пришел никто лишний. Впрочем, было спокойно. Приходил только Гермас, причем на своих ногах, уже никем не поддерживаемый. Благодарил и не знал, чем только мог бы послужить своему благодетелю.

- Больше всего за глаз его опасаемся, - сказал Тимофей. – Кажется, его сильно повредили.

- Если бы я мог, я бы свой ему отдал, - отозвался Гермас, - за свои две ноги.

Потом еще тихонько пришел Афродисий. Он сообщил, что эти иудейские разбойники бежали, и больше пока не появлялись.

- Как ни суди, но они же понимают, что это убийство, и при поимке пришлось бы отвечать.

- Да кто бы тут хватился о пришельце? – удивился Тимофей.

- Не говори, тут не так все просто. С ними был Димас, мой сосед, он потом говорил, что слышал, как они, переговаривались между собой. Оказывается, этот Павел – римский гражданин. А убить римского гражданина – штука опасная. Они и постарались все чужими руками сделать. – И помолчав, Афродисий добавил, - если что понадобится, обращайся.

Вечером Павел смог говорить уже яснее. Жар у него прошел, сознание прояснилось.

- Вы знаете, - говорил он Евнике, Лоиде и Тимофею, - эти злодеи сказали частично и правду. Я

был гонителем этого пути, я гнал учеников Иисуса. Как-то в Иерусалиме был суд над одним из них. Его звали Стефан. Суд закончился расправой без приговора. Стефан сказал, что он видит открытые небеса и Иисуса одесную небесного престола. За это его стали бить камнями, как меня вчера. Но его убили насмерть. А я тогда одобрял его убийство и стерег одежды его убийц.

И вот, теперь я прошел через то же испытание. Я ведь, по-видимому, действительно умер. Когда меня ударили последний раз, я уже не помню, что было. Но вдруг я увидел себя на прекрасной поляне, а надо мной склонился этот самый Стефан. С тем же лицом, как у Ангела, как тогда на суде. И говорит: «Мир тебе, брат Шауль. Вот и ты здесь. Бог простил тебя и я прощаю. Мы будем вместе, но не теперь. Тебе еще Бог судил потрудиться в благовестии. Да и Тимофей оттуда тебя зовет». И вновь на меня навалилась боль, которой я какое-то время не чувствовал. Я понял, что я вновь в своем избитом теле.

И он добавил с каким-то особым теплом:

- Тимофей, Бог вернул меня тебе по твоей просьбе. Чтобы ты не сомневался, что Он воскресил и Иисуса. Теперь ты веришь?

- Верю, - твердо ответил Тимофей.

- А чему ты веришь?

- Что Он воскресил и Иисуса, и тебя.

- Это хорошо, - сказал Павел, - но это не все. Верь, что любящим Бога все содействует ко благу. Хочешь быть учеником Иисуса – ты будешь исцелять других, ты будешь раздавать жизнь. Один воскресенный из мертвых на твоём счету уже есть, - он слабо улыбнулся. – Но при этом тебя тоже будут бить, а сам себе ты здоровья не выпросишь.

- Это почему? – удивилась Евника.

- Потому что здоровье ему вымолишь ты, - снова улыбнулся Павел. И добавил очень серьезно. – Таков путь самого Христа в славу. Он исцелил массу людей, но ни разу Его чудодейственная сила не пришла на помощь Ему самому. Так о нем было сказано пророком: Он носит наши немощи, он болеет нашими болезнями. Он страдал за наши грехи. Боль ему причинили наши беззакония. Он пострадал за меня еще до того, как я причинил зло его ученикам. Когда мы помним об этом, мы сами несем и веру, и благую весть, и исцеление другим. А они понесут еще дальше. Так что, когда Он скоро вернется, все люди во всех концах услышат весть о нем.

- Скажи, Павел, - спросил Тимофей, - а как же ты был гонителем христиан и вот этого Стефана, а потом сам стал верующим в Иисуса? Что произошло у тебя?

- Меня призвал сам Господь Иисус. Дело было так. Я шел с письмом от синедриона из Иерусалима в Дамаск, чтобы в местной иудейской общине тоже начали преследовать учеников Иисуса. И вот уже на подступах к Дамаску внезапно перед нами засиял неопиcуемый свет, от которого я потом потерял зрение на какое-то время (оно и до сих пор не восстановилось). Но в этом свете передо мною предстал сам Сын Божий. Он сказал: «Шауль, что ты гонишь меня? Это так же трудно, как самому на острие лезть». Я спросил: «кто ты?». Он ответил, «Я – Иисус, которого ты гонишь». Он говорил со мною, как Господь с рабом, но Он не упрекал меня, не угрожал. Казалось, Он даже пожалел меня. Я понял, что это Он сам, воскресший из мертвых. И Он повелел мне стать свидетелем всего, что я видел.

После этого видения я ослеп и лишь с поводырями добрался до Дамаска. А там меня нашел один местный верующий брат, рассказал мне об Иисусе все, что знал сам. И тогда же он меня крестил. После крещения я снова стал видеть, но хуже, чем прежде. Но главное, в памяти моей навсегда запечатлелся его кроткий взгляд, Его неизмеримая милость. Я был врагом Ему – и этим вредил самому себе. А он избавил меня от моей же собственной злобы. Его доброта навсегда изменила меня.

Он помолчал и добавил:

- Ты понял, Тимофей? И теперь не произошло ничего необычного. Произошло то, что и должно было произойти. Я был в долгу перед Стефаном. Теперь мы увиделись с ним. Он простил меня. И поверь, мне стало гораздо легче. Я верю, мы увидимся снова. Будем все вместе. А пока знай, что нужно не просто поверить, что Иисус – Сын Божий, то есть Царь Израиля. Нужно поверить, что за Его страдания нам простятся старые грехи, и сами мы обновимся. В том и оставление наших согрешений, когда мы оставим свои грехи, а грехи эти оставят нас. Когда такое случается, это и значит, что человек стал Христовым, а во Христе – Божиим.

Слова эти запали Тимофею в душу. Память еще не раз подсказывала ему прошедшие грехи юности, а совесть обличала за них. И он молился вместе с апостолами, чтобы Бог простил его через страдавшего Иисуса Христа.

Павел поправлялся еще несколько дней. В городке было спокойно. Кроме Афродисия и Гермаса, вообще, никому не говорили, что он еще жив. Те разбойные иудеи перед своим бегством из Листры

сами растрясали по городу новость, что Шауль убит, причем, разумеется, руками местных жителей. И чтобы не навлекать подозрений, все местные словно воды в рот набрали о его судьбе.

Впрочем, это было на руку нашим героям. Варнава потихоньку проповедовал в мастерской Тимофея, но не во всеуслышание на площади, а среди тех, кто к нему приходили сами. Это были люди, уже слышавшие проповедь апостолов в первые дни. Обычно у них хватало такта не расспрашивать о судьбе Павла, об обстоятельствах его погребения.

Тимофей и сам нередко слушал разговоры Варнавы с жителями. Вскоре он уже много знал о жизни и проповеди Иисуса, об обстоятельствах суда над ним, о свидетелях Его воскресения. Мать и бабушка тоже верили Павлу и Варнаве. Они особо оценили ревность апостолов о том, чтобы верующие их проповеди уклонялись от жертв и всякого иного служения мертвым богам.

У Тимофея подошел тяжелый и торжественный день в его ремесленном расписании: день обжига. Предварительно выжатая на круге и высушенная глиняная посуда проходила испытание и закалку огнем. Чтобы создать в печи нужный жар, заранее запасали дрова и уголь, а во время обжига требовалось непрерывно качать мехи. Помощь Варнавы оказалась очень кстати.

- Огонь испытает дело каждого, каково оно, - говорил Павел Тимофею, сидя рядом с печью и пока еще не имея сил помогать гончару. – Из одной бадьи взята глина, на одном круге и одним мастером превращена в посуду, но только огонь разберет, какой сосуд годен. Одни сосуды станут прочными и

потребными на все, другие разобьются. У тебя обычно много ли горшков трескается при обжиге?

- Да, случается, - отвечал Тимофей с дрожью в голосе. Он понимал аналогию, но ему сейчас было не до нее.

- Ну вот, так и люди. Пока в печку не сунули – два горшка одинаковы, не отличить друг от друга. Огонь все покажет. Так и нас проверяет огонь. Одних утверждает, других разломает. Так и день Господень. Да и любой день испытания нашего.

- Все так, я согласен, - ответил Тимофей. – И все-таки, отцы мои, помолитесь об успехе нашей работы сегодня. Уголь добыть дорого, глины ушло много. Уж сама работа не в счет. Если много посуды испортится, тяжело нам всем придется.

Он подбрасывал уголь, качал меха посменно с Варнавой, поглядывал одним глазком в щелку печи, как делал это прежде отец, чтобы оценить степень жара в камере обжига. И все время с трепетом прислушивался, не раздастся из камеры зловещий треск. Но и Павлову мысль он прогнать не пытался.

«Да, в тот день будет еще более беспокойно и трепетно», - думал он.

Он продолжал работу, глядя за тенью колышка и заранее отметив на земле угол, на который она должна повернуться. С полдороги Тимофей прикинул, что угля может не хватить на все время топки, подсунул дрова посуше и потоньше. «Выдержала бы печь, выдержала бы посуда, вот уж право, судный день для любого горшечника».

Вот, наконец, можно было остановиться и перестать качать. Угля хватило. Слава Богу! Вытерли пот, омыли руки и лица. Но результат можно будет увидеть только поутру. Посуда всю ночь остывает

вместе с раскаленной печью. Тимофей на ощупь проверял, как она нагрета. Вроде, как обычно. Но это еще мало о чем говорит.

Утром, когда с трепетом открыли печь, вздохнули с облегчением. Все получилось вполне удачно, брака почти не было.

- Вот, Тимофей, благопотребен ты и для труда твоего, и для Царства Божия, - похвалил мастера Варнава, и юноша расплылся в улыбке. Немного было у него самостоятельных обжигов на счету, и этот был самым удачным.

Через несколько дней, когда Павел уже шел на поправку, Варнава предложил им всем креститься во имя Господа Иисуса Христа. Афродисий, Гермас и еще человек десять мужчин и женщин тоже уверовали и захотели креститься.

Чтобы не привлекать внимания, Варнава разделил их на две группы. В два разных дня отдельно крестил мужчин и отдельно женщин в источнике за городом. Теперь в Листре появилась христианская община.

После крещения Павел сообщил и нечто новое для всех. Он сказал:

- Братья и сестры, нам с вами надлежит еще сделать одно важнейшее дело. Мы рассказывали вам о страдании Господа Иисуса и его воскресении, но не сказали о том, что было позже, и что очень важно для всех нас. Теперь мы, несмотря на опасность, идем по всем тем общинам, где благовествовали, чтобы помолиться о верующих и чтобы Господь дал всем вам дар Святого Духа.

- А что это такое? – спросили сидевшие.

Ответил Варнава, поскольку он был непосредственным свидетелем и участником.

- Когда Иисус воскрес и отошел от верующих на Небеса, то через десять дней, в праздник дарования закона, он послал своим ученикам чудесное знамение. Когда они были собраны вместе, внезапно над ними появились как бы языки пламени, и они внезапно стали благословлять Бога на тех языках, которых никогда не учили. Случившиеся рядом пришельцы, иудеи, собравшиеся в Иерусалим на праздник из разных стран, слышали речь на языках тех народов, где они живут. Это было знамением того, что теперь люди, говорящие на всех языках земли, будут на этих языках славить Бога и придут в Его царство. Я тоже сам видел это знамение. Важно, что Иисус, еще до вознесения на небо, предупреждал учеников, что они получают особую силу, когда сойдет на них Дух Божий.

- И вот, - продолжил теперь уже Павел, - те, у кого есть этот дар Святого Духа, они получают и особые дары, потребные каждому для созидания всей церкви. Когда вы получите этот дар, вы сможете свидетельствовать о своей вере более ярко. Сам Дух будет направлять вас, учить вас, что и как кому-то рассказать, где подсказать, кому открыть что-то важное, кого исцелить. Дух Святой через вас и мертвого может воскресить, и беса изгнать. Вы будете всегда под его особым покровом.

- Поверьте, - снова взял слово Варнава, - ваша община не должна кончиться вами. Глядя на вас, на ваше доброе житие и на ваши новые духовные силы, со временем к вам присоединятся и другие жители. Нужно, чтобы всякий поверивший во Христа Иисуса нес весть о нем другим людям. Возможно, времени у нас совсем не много. Иисус вернется, и, возможно, довольно скоро. Мы пойдем еще в иные города, в

страны подальше отсюда, где еще никто не рассказывал об Иисусе. А здесь вы продолжите наше дело, нашу проповедь. Дух Святой будет вам и помощником, и наставником, и утешителем.

- Нужно, чтобы вы захотели принять этот дар, приняли его и пользовались им, - продолжил Павел. – В наших общинах повсюду, куда пришли апостолы Иисуса Христа, они возлагают руки на верующих с молитвою. И Дух сходит на тех, кого изберет, и всякому дает свои дары, нужные на свое служение. Одному – одно, другому – что-то другое. Каждому по воле Бога.

- Мы согласны, - сказал за всех Афродисий.

Апостолы, помолившись, возложили руки на голову каждому по очереди из собравшихся. Тимофей сначала не почувствовал ничего особенного. Что-то вроде того, что принято называть хорошим настроением, и не больше.

Павел и Варнава рассказали далее общинникам, что у них должен появиться свой отличительный знак – свое собрание. Раз в неделю христиане собираются вместе и совершают священное воспоминание о страданиях и воскресении своего Господа над хлебом и вином. Так должно продолжаться до тех пор, пока Он не вернется во славе. По своему опыту апостолы уже знали, что христианская община жива лишь до тех пор, пока в ней совершается это таинственное действие – евхаристия. А если нет ее, то нет и общины. И кроме того, никакой отдельный христианин не живет отдельно. Длительное время сохранять свою веру вне общины он просто не сможет. Листринской общине надлежало жить и набирать новых верующих.

Так ставил им задачу Павел.

Затем принесли хлеб и вино, и Павел вслух обратился к Отцу:

- Благодарим тебя, Отче и Господи небесе и земли, сотворивший небо и землю, море и все, что в них, посылающий с высоты свет солнечный и дожди к плодonoшению земли, свидетельство о себе вложивший в сердца всех людей земли! Благодарим тебя об откровении твоём, которое Ты открыл праотцам, даровал Моисею закон, а пророкам слово утешения и обличения. Когда же пришли сии последние дни, явил ты миру Сына Твоего, Господа нашего Иисуса, Которого поставил Помазанником, даровал Ему власть над всяким языком, народом и племенем. Благодарим Тебя, что Его, вождя нашего спасения, ты вознес и возвеличил через унижение и страдание, образ дал и нам, чтобы мы следовали по стопам Его. Благодарим и Господа нашего Иисуса, вспоминаем его святую заповедь. Приближаясь к своей добровольной смерти, вкушая с учениками последнюю вечерю, Он взял хлеб, благословил, подал ученикам, сказав: «примите, это – тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов».

Павел поднял и благословил хлеб, опустил, и потом поднял чашу:

- Затем благословил и чашу, сказав: «Это кровь моя, за вас изливаемая во оставление грехов». Мы, Господи, помним эту заповедь. Ты повелел нам творить сие воспоминание, пока не вернешься собрать свою Церковь во святые обители Отца Твоего. Господи, мы ждем и приближаем этот день. Господи, мы верим, что Он настанет. Господи, мы просим силы от Святого Твоего Духа, Которого ты даровал верующим во имя Твое. Да придет он на нас,

на сии приносимые тебе дары, и да соделает каждого из нас достойным вечной жизни с Тобою.

Затем он преломил святой хлеб, все подошли, получив по кусочку. Подавая каждому частицу, Павел говорил:

- Тело Христово.

И каждый отвечал, как научен: аминь. Затем по очереди все отпивали из чаши, и Павел вновь обращался к каждому:

- Кровь Христова, чаша жизни.

Потом он вновь призвал всех помолиться о Церкви Божией во Христе Иисусе, рассеянной уже по всему лицу земли.

Тимофей, охваченный необъяснимым чувством, не сразу ухватывал каждое слово. Но запомнилось самое важное сравнение:

- ...Как хлеб сей, прежде чем возлечь на нашу трапезу, был в зернышках рассыпан по полям и горам, а собран во едино и в огне печном совершен благопотребным для жертвы сей, так и Церковь Твоя, Господи, да соберется в Твое Царство от четырех ветров, от каждого края земли. И да пройдя всякие искушения, каждый из нас да станет благопотребным для трапезы Твоей...

Каким-то внутренним взором Тимофей видел это собрание Церкви, это огромное единение множества людей, собираемых словно на самую высокую гору, восходящих непрерывными потоками в самое Небо. Никогда ничего похожего доселе он не переживал. Казалось, он слышал то Павла, то Самого Господа.

- ...Да придет мир сей, да придет благодать! Маранафа, аминь². – Павел завершил этими словами священную вечерю.

По мере того, как он поправился, они с Варнавой намеревались отправиться дальше. Путь их лежал дальше по дороге, которой они пришли, в город Дервию.

С радостью и горестью проводили христиане своих учителей, надеясь, что еще увидятся. Жизнь возвратилась в привычное русло. Но это не значит, что она осталась прежней. Одна и та же комната может быть освещена солнцем или свечою. В том и другом случае одни и те же люди делают в этой комнате одни и те же дела, но они не могут воспринимать обстановку одинаково. В комнате Евники и Тимофея солнышко засияло раз и навсегда.

Сохранить в тайне выздоровление Павла, конечно, не удалось. Иначе пришлось бы показывать место его погребения. Но никому из местных жителей не хотелось охотиться за апостолами. Все-таки большинство из них приняло апостольскую проповедь достаточно равнодушно. Иудейские противники Павла поневоле успокоили многих, убедили, что в политическом пространстве ничего особенного не произошло, а, следовательно, и вообще ничего значимого не случилось. Пока живем по старинке, а там увидим. Прекрасная логика для тех, кому ничего особенного в духовной жизни не нужно.

Спустя месяц как-то вечером в дом к Евнике все же постучали. Павел и Варнава возвращались обратно тем же путем, как пришли. Павел объяснил, что получил откровение и наказ от Господа, чтобы во всех новых общинах рукоположить пресвитеров. И вот, в день Господень, следующий после субботы, вся община собралась у Афродисия. Более

просторного помещения никто из верующих предоставить не мог бы. Здесь уже после отшествия апостолов верующие совершали свою вечерю. Совершили ее и теперь. Затем слово теперь взял Павел и предложил собранию выбрать хотя бы одного старейшину, по-гречески, пресвитера. Широкую предвыборную кампанию никто разводить не собирался. Выбор, возможно, заранее ясен и вам, читатель. Конечно, это оказался Афродисий, держатель дома, человек, постарше других, и, так сказать, повыше социальным положением. Апостолы возложили руки на него и еще помолились о даровании ему сил на несение нового служения³.

Когда, наконец, собрание завершилось, апостолы не пошли в дом Евники, остались у Афродисия, преподавая ему необходимые наставления. И прежде всего, это касалось порядка совершения вечера Господней.

Глава 2

Визит новых апостолов

После отбытия Апостолов некоторое время община жила своей жизнью. Рассказы о новой вере постепенно заполнили весь поселок. Буквально каждый житель знал, что приходили новые проповедники, рассказали какие-то вести из Иерусалима и основали новую общину. Но присоединяться к общине они особо не торопились. Условие было все-таки довольно жестким: нужно было полностью оставить служение другим богам. Этого опасались. Даже если человек обычно и сам не

приносил никаких жертв Зевсу, или Артемиде, или Аполлону, он всегда знал, что в случае чего эта возможность у него есть. Отрезать себе эту возможность, одним взмахом на всю жизнь большинству листрян не хотелось. Христиан терпели пока, как чудаков, как захотевших принять еврейского Бога. Тимофею и Евнике это прощалось в наибольшей степени, как имевшим еврейские корни. Остальных воспринимали как отступников от веры своих отцов. Впрочем, кроме, пожалуй, местного жреца, никто из соседей не воспринимал христиан враждебно. Более того, к ним и обращались иногда с просьбой помолиться об исцелении или какой-то иной помощи. На вопрос: а веришь ли ты в Бога-Творца и Сына Его Иисуса? – легко отвечали утвердительно. В замешательство таких просителей привел бы другой вопрос: а будешь ли ты отрицать всех иных богов? Но обычно наши общинники на этом внимание не заостряли, и помощь просящим иногда приходила.

Спустя несколько месяцев в гостиницу к Афродисию пришли двое евреев (он опознал их уже по одежде), и прямо спросили его, верует ли он в Иисуса Христа. Афродисий, менее всего ожидавший такого вопроса, ответил утвердительно.

- Нам говорили о тебе в Икони, - сказал старший из них, именем Захария, - там община больше вашей, там много иудеев живет, и верующих из них немало. А мы посещаем общины верующих в Иисуса и вообще иудеев рассеяния. Проповедуем о Нем всем, кто еще не слышал. А идем из самой Иудеи.

- Как хорошо, - обрадовался Афродисий. – К нам до вас приходили Саул-Павел и Иосиф Варнава. Вы, должно быть, знаете их?

- Как же не знать, - ответил Захария каким-то очень не радостным тоном. – Вот нам и приходится бывать в тех местах, где они прошли.

- Ты так говоришь, словно собираешься переделать всю их проповедь заново?

- А ты угадал. Что-то вроде этого. Но об этом нужно будет поговорить со всей общиной сразу. Для вас очень важно все это узнать.

- Ну, давайте соберемся хотя бы сегодня вечером. Я оповещу всю общину.

- Хорошо. А кто у вас тут есть из евреев?

- Да вот, сестра наша Евника и ее сын Тимофей.

- Хорошо, мы тогда у них остановимся.

Евреи пошли к Тимофею. Афродисий стал оповещать людей. В душе его роилась смутная тревога.

Евника несказанно обрадовалась новым гостям, приняла их, как родных. Особенно ее радовало то, что они исповедуют Иисуса Господом и несут весть о Нем по городам и весям. Значит, - думала она, - нас, христиан, не так уж мало. Гости снова напомнили ей молитвы и благословения на родном языке, уже крепко подзабытом ею. Тимофей тоже слушал внимательно, обучаясь языку матери. Впрочем, вставить ему и полсловечка не удалось. Захария тихонько спросил Евнику, смогла ли она обрезать в детстве сына, и, узнав, что нет, укоризненно покачал головой. Угощая новых учителей, Евника после этого предусмотрительно не посадила Тимофея с ними за один стол. Впрочем, все основные свои слова и новости, гости явно приберегали для общего собрания.

В собрании всей общины у Афродисия Захария начал речь для всех:

- Братья, мы рады, что вы приняли весть об Иисусе, и веруете Отцу Его, Богу Израиля. Это важнейший и лучший шаг в вашей жизни. Бог подлинно возвеличил и прославил Иисуса, помазав Его Святым Духом в качестве вечного Царя Израиля. Вы об этом слышали, вы понимаете важность этой вести для вас?

Собрание утвердительно загудело.

- Тогда помните слова пророков, что во времена Машиаха, то есть, Христа-Помазанника, разные народы будут призваны для участия в Царстве Израиля. Бог посетил свой народ. В Иисусе Он прославит свой народ, и в славе его народа примут участие люди других народов. Собственно, вы все и есть как раз такие. И прежде, со времен блаженной Руфи – вот Евника знает, кто это такая – приходили разные иноплеменники в стан Израиля и исповедовали: твой Бог – это мой Бог, твой народ – это мой народ. Так они становились израильтянами и по плоти, и по духу. Но раньше это было довольно редко. А в Иисусе Бог совершил то, чего не было прежде. Иисус благодетельствовал людям разных народов, кто изредка встречались на его пути. И Он дал наставление своим ученикам, чтобы они привели разных иноплеменников в Его Царство. Мессия, Царь Израиля, покорит Богу весь мир. Но это будет не путем войны, а путем проповеди. Верующие в Иисуса через Него покорятся Богу Израиля и полюбят Его. А полюбив, войдут в Его народ.

Листряне утвердительно кивали. Захария продолжил:

- Главнейшим благословением для Израиля служит закон Бога. В том числе и для Израиля в широком смысле, включающем и вас – пришельцев,

присоединившихся к святому народу через Иисуса Христа. Если вы хотите с народом Божиим принять все предлежащие ему благословения, на земле и на небе, вам тоже нужно подчиниться закону, исполнять закон. Один молодой человек как-то спросил Иисуса: что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус ответил просто и кратко: соблюди заповеди. Юноша даже переспросил, какие именно? Может быть, он думал, что Иисус имеет в виду что-то особенное. Но нет. Иисус сказал ровно то, что записано еще от Моисея, что знает и соблюдает любой еврей. Ну, по крайней мере, пытается соблюдать. Есть, конечно, те, кто не хочет соблюдать эти заповеди, но эти души истребятся из народа.

- Мы знаем эти заповеди, - вставил Афродисий. - Чтить Бога, не поклоняться чужим богам, не колдовать, помнить седьмой день.

- Молодцы, что знаете, - ответил Захария. - Но для вас закон Божий начинается со вступления в народ Божий. Правильно?

- А это... как? - искренне не понял Афродисий.

- Через обрезание, - спокойно продолжил Захария. - Обрезание - это знак завета. Так Бог открыл еще праотцу Аврааму, еще задолго до тех заповедей, что он дал своим людям через Моисея. И предупредил, что всякий муж, кто не обрежет крайней плоти своей, истребится его душа из народа Божия. Вот буквально так и написано в первой книге Моисея⁴. И от Авраама до Моисея Божий народ хранил этот завет, хранил и позже, и до сего дня.

- Но прости, отец, - возразил Афродисий, не слишком вдохновленный сделанным предложением, - это болезненная операция. Чем старше человек, тем это более и больше риска. Можешь ли ты по

такому случаю сказать, каков смысл этого действия? Если это символ, то символ чего?

- Символ вашей отделенности от народов земли, - быстро ответил Захария и запнулся на секунду, сообразив, что передним сидят вовсе не евреи, а эти самые «народы земли». Спohватившись, он немножко уточнил свою мысль:

- Ну, то есть, отделенности от тех, кто не чтит Единого Бога.

- А для чего мы тогда крестились? - вдруг вставил свое слово Тимофей, которому подлежащая операция тоже не нравилась. – Когда нас крестили, то Варнава и Павел сказали, что это именно знак вступления в народ Божий. Мы уже приняты в этот народ.

- Видишь ли, - Захария не смутился нисколько, - это совсем другое действие. Крестились и мы, как повелел еще Иоанн на Иордане. Но он крестил обрезанных людей, приготавливая их к принятию приходящего Машиаха – Христа. И не ставил под сомнение обрезание. Обрезан был и он сам, обрезан был и сам Иисус, конечно. И никто не помнит, чтобы Иисус утверждал, что обрезание нужно упразднить. Иосиф Варнава и Шауль, тоже, конечно, обрезаны в младенчестве. Если вы хотите подчиниться Богу в полноте, сделать все правильно, по закону, по порядку, - ну вот, вам путь, с чего надо начать.

Женщины одобрительно зашумели. Мужчины глядели весьма кисло и не спешили вставить свое слово. Лишь Афродисий не сдавался:

- Я не спорю, что, наверное, евреям нужно это делать, я не покушаюсь на обычаи ваши. Вашим праотцам Бог это повелел. А нашим отцам ничего такого не велено. Поэтому вполне законен мой

вопрос: какой в этом смысл? Смысл молитвы я понимаю, смысл благовестия – понимаю, смысл нашей вечери во имя Господа – тоже, конечно, понимаю, и мы совершаем ее каждую неделю. Но в обрезании для нас я смысла не вижу. Да и не говорили нам об этом Павел и Варнава. А Бог был с ними. Да! Вот заметь: этот юноша, - он показал на Ермаса, - был с детства хромым и ходить не мог. Павел помолился о нем, а Варнава своими руками поставил его на неходячие ноги, - и вот смотри, он ходит.

Ермас встал и, сделав несколько шагов, вернулся на место.

- Слава Богу, - Захария вновь не дрогнул ни одной черточкой лица, - слава Богу за его милосердие, что Он исцеляет людей прежде нашего прошения, прежде нашего разумения. И все же, это не отменяет главного. Закон дан Богом, а не человеком. Отменить его может только Бог. У Бога есть народ. У Бога нет двух народов. Вступление в народ Божий идет через послушание закону. Вы же не против тех заповедей закона, которые знаете?

- Нет, не против.

- Ну вот. А кто же в таком случае дал вам право судить и разбирать: вот это мы будем исполнять из Божьего закона, а того не будем, а сие будем исполнять, только когда нам захочется? Где вы проведете границу: что из закона Божьего относится к вам, а что не относится? А если даже вы ее как-то проведете, то, допустим, в той же Иконии эту границу проведут иначе, а в Дервии – еще по-своему. И все вы будете жить ничем не лучше язычников, которые вообще в Единого Бога не верят.

- Ну, а почему же Бог благословил их проповедь?

- А кто тебе сказал, что Бог ее благословил? – вновь не смутился Захария. – Это Он Сам тебе открыл? Или Павел? Бог помог страждущему человеку. А нам всем дал веру и голову, чтобы понимать и соображать. Перед этим дал закон, установил его, как светильник ногам нашим на каждый наш шаг. Вообще, брат Павел – это предмет особого долгого разговора. С ним тяжело, и понимать, что это за человек все-таки нужно. Пожалуйста, не перебивайте меня, я вам все расскажу по порядку.

Люди притихли, настроившись слушать. Захария продолжил:

- Он вам говорил, как поначалу он был гонителем верующих в Иисуса? Самого Иисуса на земле он не видел, не встречался и не говорил с ним. А я Иисуса видел. Я, правда, не был в числе Его учеников при Его жизни на земле, но я был в Иерусалиме при самом конце Его служения. Я выслушал многих свидетелей о Его воскрешении из мертвых. А Шауль всего этого не видал. Он стал замечен, как такой организатор наших гонителей. Однако очень быстро, в результате какого-то видения, бывшего ему, он изменил свою точку зрения. До этого он был ревнителем закона, записанного и устного. Кое-что из поздних устных преданий Иисус не одобрял. Шауль же в этом был просто погружен с головой. Но после этого видения с ним что-то случилось, и он как-то совершенно переменялся. Ударился в другую крайность. Он стал отрицать спасительную роль Божьего закона. И много ходит в окрестностях своей родной Киликии и Антиохии и там проповедует необрезанным. Ну, как вам. И везде всевает недоверие к Божьему слову. Учит принимать из него

то, что ему хочется. Он не соотносил свое учение с проповедью остальных апостолов. Не знаю, может быть, он видел кого-то из двенадцати, из главных учеников Иисуса, но если и видел, то только мельком. Всю свою деятельность он строит на свой страх и риск. Зачем ему это надо, я не могу понять. Но самый большой от него вред в другом. Как вы знаете, в Иерусалиме, во всей Иудее полно противников пути Господня. Павел их раздражает и провоцирует. Он отрицает закон, - и это обвинение возвращается не только на его голову, но и на всех нас, живущих в Иудее.

- Прости, перебью, - вставил Афродисий, - мы видели, как здесь обвинение пришло на его собственную голову. Его здесь едва не убили.

- Убили, - коротко поправил Тимофей.

- Но вот, как-то он ожил или выжил, - продолжил Афродисий. — Кстати, еще один знак Божьего благословения над ним. А били его, кстати, иудеи, пришедшие тоже из Палестины и говорившие против него почти те же самые обвинения, что ты сейчас, хотя они ругали и Иисуса. Прости, продолжай.

- А это и не удивительно! — впервые оживился в речи Захария. — Я об этом вам и говорю. Даже хорошо, что вы из первых рук, от неверующих в Иисуса иудеев слышали обвинения против Шауля. Это хорошо, что вы слышали! Теперь понимаете, что я не лгу. Поверьте теперь только в самую последнюю и важную деталь. Обвиняя Шауля, они это обвинение переносят на нас всех. Понимаете? Они учат, будто мы все противники и отступники от своего народа, что мы развращаем израильтян, где бы они ни жили, что мы побуждаем их отступать от закона Божьего, а, следовательно, что все мы — противники Богу. Этим

Шауль не только провоцирует гонение на нас, но и крайне мешает нам проповедовать иудеям рассеяния. Во всем еврейском рассеянии уже знают, что все, кто признают Иисуса, первым делом, как этот знаменитый Шауль, отрицают Божий закон. Но ведь это неправда, мы с Шаулем здесь не согласны! И вот, что вы нам теперь посоветуете делать и думать? Как переубедить людей? Мы любим наш народ, мы желаем ему спасения. И вот тут такое препятствие.

Он закончил на этой высокой ноте. Воцарилось мрачное молчание. Общинники поникли головами. Мужчинам весь этот разговор не нравился по вполне понятным причинам. Никому из них не хотелось проходить кровавое вступление в народ Божий. (Современному читателю стоит напомнить, что речь идет об операции, которую сейчас делают под общим наркозом, но и после выхода из наркоза болевых ощущений вполне хватает, а в те времена ни наркоза, ни антибиотиков, столь необходимых в хирургии, еще не знали). Женщины тоже скисли. Они были бы не против разобраться на своей кухне, изгнать с нее так называемую нечистую пищу. Не считали бы это за труд. Но наличие в зарождающемся движении такой ужасной внутренней распри повергало в уныние и их. Трудно было сказать, доволен ли сам Захария произведенным впечатлением, но все-таки он решил подытожить:

- Ученики Иисуса были гонимы от неверующих в Него иудеев с самого начала, когда Шауль был сам еще гонителем. Теперь он не содействует этим гонителям прямо – они его точно так же ненавидят, как и нас. Да, он трудится в проповеди необрезанным братьям. Но при этом именно он волею судеб несет

ответственность за продолжающиеся гонения на своих братьев в Иудее.

Снова тяжелое молчание воцарилось в комнате. Афродисий, поймав на себе взгляды и понимая, что слово за ним, с трудом выдал:

- Ну и что нам теперь делать?

- Да я же все сказал, - ответил Захария. – Вступайте в народ Божий, исполняйте закон Божий, становитесь полноценными членами этого народа.

Женщины отозвались первыми:

- Да, мы согласны, так и будем. Вы уж только разъясните, что требуется от нас.

Тут вдруг второй из иудейских гостей, ждавший до сих пор молча, взял слово:

- Мы уже побывали и в Иконии, и в Антиохии, Пергии и Памфилии, где ходил Шауль со своими помощниками. В отличие от вашей общины, там больше уверовавших иудеев, они помогают и нам, и братьям из необрезанных. Там мужи лучше и быстрее поняли, что нужно делать, там найдутся и умелые руки иудеев, которые смогут им помочь в такой операции. А здесь, как я понял, нет ни одного мужа-еврея. В таком случае я могу сам вам помочь. Да, это больно, но ради Господа потерпеть стоит.

Такая назойливость показалась уже очень раздражительной. Афродисий решил постепенно завершить собрание:

- Спасибо, мы все поняли, мы обсудим ваше предложение. Не сейчас же нам здесь раздеваться. Еще раз благодарим вас, давайте мы сегодня на этом закончим. Если вы погостите у нас, хорошо. Если нужно будет, мы позовем кого-нибудь из братьев в Иконии.

Проповедники остановились на ночлег у Евники. Опять Тимофей должен был отправиться на ночь в сарай, но на этот раз он сделал это даже с удовольствием. С вечера его спасало темное время суток, но он понимал: и мама, и бабушка вцепятся в него поутру мертвой хваткой. У них был неотразимый аргумент: закон обрезания, быть может, не писан для таких, как Афродисий, ему, греку, простительно, но для сына еврейки... Тимофей чувствовал к этим пришельцам скрытую антипатию, и, конечно, страшился самой операции. Встал он до рассвета взял заступ и тачку и тихо ушел за околицу. В этой горной местности найти в земле качественную глину было очень не легко. Глиняная яма была довольно далеко, Тимофей рассчитывал вернуться к обеду и надеялся, что гости его уже не дождутся.

Его надежды оправдались, путники не стали задерживаться, посчитав свою задачу выполненной. Они успели обучить женщин, какую пищу нельзя готовить и вкушать. Те легко приняли все наставления. Евника набросилась на Тимофея со слезами и чуть не с кулаками:

- Я все пятнадцать лет мечтала об этом дне, я не имела возможности при отце сделать тебя полноценным еврейским мужчиной, - и ты в последний момент такие хитрости придумываешь! Когда еще будет такая возможность?

- А зачем она мне? – отбивался Тимофей. – Я по-прежнему верю Павлу. С ним был Бог. Никто из этих или тех евреев не исцелял хромого. Никого из них не били перед моими глазами. Ни один из них не восстал после побития камнями. И вообще: зачем мне обязательно быть евреем, если у меня родители вот такие? Меня приняли в Божий народ через крещение.

Вот если Павел сочтет меня евреем и повелит мне обрезаться, ну, тогда...

- Да когда ж мы его еще увидим! – убивалась мать, но вдруг спохватилась, - Хорошо, я поймала тебя на слове. Если уж и сам Павел повелит, отказаться я тебе не дам.

- Ну, а что ты так переживаешь из-за этого? – продолжал отбиваться Тимофей. – Неужели тебе понравились эти еврейские бродяги? Разве можно сравнить их с Павлом? Смотри, они даже со мною за один стол сесть не могут, тем более – с другими общинниками. Они были у нас и даже не совершили преломления святого хлеба. Они, кстати, ни разу не сказали о воскресении Христа или о Его страданиях. Если уж видели его на земле, могли бы. А они говорят почти то же самое, чего требовали те убийцы Павла. И почему мы должны за ними так сразу пристраиваться? И о Духе Святом, кстати, ничего они не вспомнили.

- Закон не они придумали. И смотри, не смей у меня больше по субботам глину месить.

На такое требование Тимофею пришлось повиноваться. Ближайшая суббота превратилась для них просто в пытку бездельем. Посреди дня Тимофей сказал матери:

- Обычный еврей в субботу хоть имеет возможность в синагогу сходить, проповедь послушать, Богу помолиться. Если нет синагоги, так хотя бы дома что-то почитать. А у нас даже ни одной еврейской книги дома нет. Да и в собрании у Афродисия тоже ничего нет. Вот и приклеиваешь только зад к табуретке. Какой смысл? Одно безделье и праздность. Разве это получается день, посвященный Богу? Да и то, к этой своей субботе ты

приучаешь необрезанного язычника, - обрати внимание.

У Евники не нашлось, что тут возразить. Эта суббота измучила и ее саму.

На следующий день рано утром они были в собрании у Афродисия. Тот за эту пару дней осунулся и посерел. Видно было, насколько тяжело напрягли его эти дни. Тимофей вспомнил первую вечерю Господню, которую совершил сам Павел, и заметил, что это радостное воодушевление, царившее в общине, улетучилось полностью. Все мужи были совершенно подавлены, и не знали, что делать. Женщины, попробовавшие внедрить приготовление только кошерной пищи в свой быт, тоже потеряли всякий энтузиазм к этой затее. Верить Захарии не хотелось никому. Но никто не находил хоть какого-то весомого аргумента против всей его системы доводов.

Афродисий начал совершенно убитым голосом:

- Возможно, вы решите, что я трус. Ну, да, конечно, есть и это. За бессмысленные вещи, которых я не понимаю, а объяснить мне их никто не может, проливать кровь и терпеть боль я не хочу. Да. Простите мне такой грех. Но еще хуже другое. Если мы примем это наставление Захарии, то наша община, боюсь, просто вымрет. Точнее, она рассыплется. Понимаете почему? Потому что проповедовать все, что он тут наговорил, мы могли бы только евреям. Греки и ликаонцы даже слушать не станут нас дальше сообщения об обрезании. Нас вообще будут считать какими-то оборванцами и отщепенцами, которые не евреи и не греки, и вообще не поймешь что. Нам, в конце концов, самим все это надоест, и мы разбредемся по домам. В Икони у

меня есть друзья, они знают, что в синагогу там похаживают и некоторые греки. Слушают, верят в одного Бога. Но обрезание не принимают. И ничего. Сами евреи к таким относятся с пониманием. Называют их пришельцами или боящимися Бога. Да, евреи с ними за одним столом не едят. Но все-таки уважают, в быту общаются. Спрашивается, а почему нас-то потерпеть евреи, братья во Христе, не могут?

- Да они терпят, - возразил Евстафий, один из тех, что помогал Варнаве прогнать убийц Павла. - Ну, точно так же вместе не едят. Но принуждать-то нас не принуждали ни к чему.

- Ну, я не знаю теперь, что делать дальше. Вот смотрите: Павел назначил меня пресвитером, руки возложил. Поначалу я чувствовал, что со мною Дух Божий. А сейчас у меня руки трясутся и ноги подкашиваются, - он проглотил комок в горле, - я не знаю, как благодарить Господа за спасение наше, если никакого спасения нет, если мы еще и не начали делать то, что от нас требуется. Если наставлял нас, оказывается, мошенник от религии, который почему-то хромых на ноги ставил... В общем, я не могу. Какой я теперь пресвитер? Я такой же младенец и невежда во всем. Мне помощь нужна, мне настоящий вожатый нужен. Я не чувствую больше присутствия Духа. Боюсь, отошел от меня Божий Дух. Я не знаю, можно ли было что-то возразить этому Захарии по существу дела, вероятно, он прав. Но я чувствую, что его правота нашу первую веру просто убьет.

Он уронил голову на руки. Собрание молчало. Первым нарушил молчание Евстафий:

- Хорошо. Я пойду в Иконию, у меня там знакомые есть. Выйду на христианскую общину и

узнаю, что решили они. За день дойдем с Божьей помощью.

На том и порешили. Вечерю Господню все-таки совершили: собрание уговорило Афродисия. Но тяжесть на душе не утихла. А Евстафий с вечера собрался в дорогу.

Вернулся он лишь к субботе. И принес неутешительные новости.

- Там община больше нашей, - рассказывал Евстафий листрянам. - Евреев там достаточно. Они, конечно, с радостью приняли Захарию, не так, как мы. И меня сами убеждали, что надо послушаться его. Четверо у них там в лежку лежат прооперированные. Ну, женщины все, конечно, полностью за еврейство. Собрание у них теперь назначено на субботу. Просто они становятся евреями. Точнее - пришельцами, прозелитами. Знаете, как у них теперь женщины друг друга называют?

- Ну и как?

- Не сестрами, а Руфями. Руфь Феодора, Руфь Олимпиада. Представляете? Ужас!

- А что про Павла говорят?

- Да так. Рукой машут. В общем, по поводу него они согласны с Захарией.

- Ну, а сам-то ты для себя что вынес: надо нам всем в евреи переходить?

- Шел я на обратном пути и думал. Похоже, там вообще, просто какое-то иное учение, иное благовестие проповедано. Там вообще об Иисусе перестали говорить. Я не понимаю теперь, зачем им Иисус. Что такого Он им принес? Такое впечатление, что Он где-то там, в далекой Палестине, просто дал какую-то команду всем этим Захариям, и они дружно

отправились рассказывать грекам да сирийцам и всяким египтянам, что им теперь нужно просто стать евреями. Вот, допустим, сейчас они лягут спать, а во сне у них отнимется память о Павле и его проповеди. Проснутся – ничего не помнят об Иисусе. И что? Их жизнь от этого уже ничуть не изменится.

Еще больше расстроились листряне, выслушав все это. И все-таки решили собраться на следующий день.

В ту ночь Тимофею приснился странный и страшный сон. Приснился ему сам распятый Иисус. Как будто стоит он, Тимофей у подножия небольшого холма, а на нем водружен крест. И знает Тимофей, кто на нем распят, а глаза поднять не смеет. От лица распятого исходит поразительный свет. И не может Тимофей увидеть ничего выше перекладины креста. И вдруг прорисовывается в его сонном сознании простая мысль в три слова: это все – для тебя.

Еще перед началом собрания Тимофей с порога рассказал свое видение братьям и сестрам. Тут, кстати, подоспел и Афродисий и тоже поделился откровением:

- Сегодня Господь сказал мне, что нужно кому-то из нас пойти в Антиохию Сирийскую и найти Павла. Он должен все знать. И дальше мы увидим. Что-то Господь откроет нам через Него. Или наоборот, его поведение покажет нам, что прав Захария, а не Павел.

- Ты соображаешь, что говоришь? – возразили пресвитеру. – Это ж больше недели пути, через перевалы, там разбойники всякие на дороге. Сам Павел не пошел домой по этой дороге, морем, кружным путем возвращался.

- Морем будет долго и дорого. Да, кстати, уже осень приближается, может не быть навигации. Да и идти до Атталии, до порта не меньше, чем до Антиохии посуху. Надо будет просто дожидаться римского военного отряда и кому-то завербоваться к ним в качестве носильщика. Возьмут бесплатно – просто за безопасность. Только вот кто пойдет?

- Я пойду, - вдруг сказал Тимофей. – Для меня это крайне важно. Потому что мои мысли сейчас пополам, как моя кровь. Я один среди нас всех такой, сам не знаю, грек или еврей. Только по одному по этому мне и нужно пойти. Лишь бы вы о моих родных позаботились за это время. Бог даст, за месяц обернусь.

Евника с Лоидой, конечно, запротестовали.

- Давайте молиться, - твердо сказал Афродисий. – Сегодня у меня в душе мелькнул какой-то лучик. Если Господь хочет, Он нам подскажет, как быть.

В этот раз Тимофей молился как тогда, в первую вечерю, когда благодарение возносил сам Павел. Казалось, все вернулось. Его сон вспоминался ему постоянно. Его желание идти искать Павла, чего бы это ни стоило, облеклось в твердую решимость. Когда Афродисий преподавал ему святой хлеб со словами «Тело Христово» и чашу, они встретились глазами и без лишних слов поняли друг друга. Закончив служение, пресвитер сказал:

- Верю, что есть на это воля Божия. Будем ждать ближайшего римского конвоя. Евника, мы все тебе поможем. Не переживай. Здесь еще не слышно было, чтобы разбойники напали на римский отряд. Давайте лучше особо помолимся об успехе нашего предприятия.

Глава 3

В Антиохию

С неделю Тимофей провел в полной готовности. Сделал всего по дому, сколько мог. Сдал мастерскую дяде, брату своего покойного отца, попечениям которого препоручил и мать. Вскоре прибыл и конвой: около сотни римских воинов и примкнувший к ним целый караван таких же путешественников, как и Тимофей.

Тимофея взяли с трудом. Не очень-то требовалась его помощь. Во всяком случае, нанимать его никто не собирався, и питаться ему предстояло своим иждивением. Община собрала ему кое-что на дорогу.

Во дворе Афродисия караван задержался ровно на одну ночевку. Рано утром выступили на Дервию. Переход предстоял долгий, облегчало лишь отсутствие палящего зноя. Осень вступила в свои права.

Афродисий и мать напутствовали Тимофея, чтобы он кому попало не болтал о цели своего путешествия. Но прямого запрета на благовестие ему предписать никто бы не смог. Тимофей, конечно, присматривался к старшим, помалкивал, но удобного случая все же ожидал. Прежде он еще не бывал в Антиохии, знал только, что город это большой и шумный. Конечно, ему хотелось найти кого-то из антиохийцев еще по дороге. А лучше бы и христианина, - тот, глядишь, точно привел бы его к цели.

На ближайшем привале Тимофей начал свои расспросы. Антиохийцы в караване были, и про наличие христиан в городе все знали, само слово это

слышали, но про самих христиан только посмеивались и руками махали. Похоже, никто не принимал их всерьез. Впрочем, на долгие и серьезные беседы вообще никто не настраивался.

В Дервии оказались только к вечеру. Воины привыкли к долгим переходам и совершали их в довольно быстром темпе. Угнаться за ними гражданским людям было трудно. Тимофей был молод и достаточно силен, прочие же путники сильно отставали. Пришли в Дервию позже, встали раньше и двинулись по дороге чуть не затемно, впереди отряда, который неизбежно должен был их обогнать. Главное для них было ночевать под надежной охраной. Короче сказать, при таком способе передвижения у Тимофея совершенно не оставалось времени на разговоры. Даже в Дервии он не сумел выйти на общину братьев-христиан.

В такой гонке прошла целая неделя. У центуриона был план расположения стоянок для ночлега. Иногда это были городки вроде Листры и Дервии, а порою бывшие воинские лагеря. Точнее просто обвалования, рвы, места для палаток, выючных животных, кострища. Эти ночлеги стояли здесь чуть ли не со времен Помпея и Красса, лишь слегка подновляемые легионерами очередного конвоя. Несколько таких лагерей путники миновали в горной местности. Ночевки там были уже весьма холодными, мест у костра гражданским не хватало, палаток не было. Ночи получались бессонными, но все знали, что это – достойная и единственная приемлемая плата за безопасность.

Горная и извилистая дорога повсюду имела нужные мостики через бурлящие потоки, местами части скалы были снесены, чтобы дорога была

достаточно широкой. Видно было, что не один легион за сто лет поработал над этой дорогой. Но ведь и цель ее была в том, чтобы целые легионы по ней перебрасывать быстро. А это было бы невозможно, если бы легион гуськом, по одному пробирался по какой-то горной козьей тропе.

За отставшими никто, конечно, не следил. Переключка касалась только воинов. Но гражданские спешили изо всех сил, особенно вечером, чтобы не отставать. По милости Божией отряду так и не встретилось никаких разбойников. Вероятно, те наблюдали за ним из своих укрытий, но сразу понимали, что это не их добыча.

Прошли перевалы, спустились в долину. Потеплело. Ночлеги уже не были столь мучительны. Отряд приближался к морю. Последние три дня прошли в приморской зоне, хотя и в некотором отдалении от берега. Наконец показалась сама сирийская столица.

Поблагодарить центуриона, конечно, пришлось, и не только словами. Но здесь никто не протестовал, потому как никто не решился бы идти этой дорогой в одиночку. Антиохийцы указали Тимофею хотя бы место расположения синагоги, сказав, что там он легко найдет и выход на христиан. Впрочем, на самом деле ничего легкого в этой задаче не оказалось. Начать с того, что синагога была просто закрыта. До субботы еще оставалось три дня, ждать, пока здесь кто-то появится, не имело смысла. Тимофей наткнулся на сторожа, но тот в ответ обозвал всех христиан нехорошими словами и едва не накинулся на самого Тимофея, так что оттуда пришлось быстро удалиться.

Тимофей сообразил, что гораздо больше толку будет, если необходимые справки навести на базаре. День уже клонился к вечеру, нужно было спешить. Он нашел только само торжище, и возле него гостиницу, где для него нашлось место только в сарае. Хорошо, хоть под крышей и под охраной. Наутро он продолжил поиски. Медленно и спокойно он обходил ряды, прислушиваясь к тем, кто ведет себя поскромнее: меньше кричит, ругается и не клянется. Тимофей смекнул, что христианин или сочувствующий христианам не станет клясться именами греческих богов, и только таким можно будет задать свой «контрольный» вопрос. Да и то, конечно, не сразу, а попробовав товар, похвалив его и купивши немножко, поторговавшись для порядка. Поэтому Тимофей предусмотрительно начал с продуктовых рядов, где ему все равно требовалось купить себе что-нибудь на обед.

Со второго или третьего раза его поиск увенчался успехом. Торговка показала ему, как найти дом Феофила, человека знатного, работавшего в городском казначействе. У него и собирались антиохийские христиане.

Не прошло и часа, как Тимофей добрался до заветного дома и сказал привратнику такой своеобразный пароль, слова, которые запомнил от Павла:

- Христос анести! – Тимофей понимал, что христианин на эти слова точно отреагирует.

- Алифос анести! – улыбнулся в ответ сторож. – А кого тебе нужно?

- Мне нужно Павла Тарсянина, волей Божией апостола Христова.

- А он тебя знает?

- Знает. Скажи, что пришел Тимофей из Листры.

- Ну, подожди немного. – И дверь захлопнулась перед носом Тимофея.

Не прошло и пяти минут, как она вновь открылась, и сам Павел буквально втянул Тимофея внутрь и заключил его в свои объятия. Сторож только дивился, как важен оказался этот невзрачный пришлый юноша для уже столь знаменитого проповедника Христова.

В помещении для слуг Тимофею омыли ноги и накормили, между тем, как Павел не сводил с него глаз. Синяки на его лице уже сошли, но вид его был помятым и весьма печальным, несмотря на искреннюю радость встречи. Когда Тимофей уже подкрепился и допивал сок, Павел наконец задал вопрос:

- Ну, рассказывай, что там у вас.

- У нас плохо, - ответил Тимофей. – Через недели две после вас с Варнавой пришли к нам еще два апостола, Захария и второй какой-то с ним, и сказали, что всем нам должно обрезываться и соблюдать полностью Моисеев закон.

- И что вы?

- Мы в растерянности. Мы не знаем, что думать и как поступать. Затем меня к тебе и послали: спросить обо всем. Афродисий даже дал мне вот такое собственноручное письмо.

Тимофей достал клочок папируса.

- Читай, - сказал Павел. – Для меня эти буквы уже слишком мелки.

- «Афродисий из Листры Павлу, апостолу Христову радоваться, – прочел Тимофей. – С большой скорбью сообщаю тебе, что после вашего отбытия приходил к нам Захария, еврей из Иудеи, и

учил, что Иисус повелел всем верующим в него, кто не суть евреи, делать обрезание и соблюдать весь закон Моисея. Для нас это трудно. Почему ты не говорил нам об этом? И что нам теперь делать? Пожалуйста, ответь нам через Тимофея. Здравствуй».

Тимофей от себя рассказал, как мог вспомнить, все, что мы уже знаем. Упомянул и про поход Евстафия в Иконию и расположение людей там. Рассказал и свой сон, и терзания Афродисия. Отвечая на вопрос Павла, рассказал и о мнении своей матери на этот счет.

Павел слушал, все мрачней. Наконец, спросил прямо:

- А что ты сам обо всем этом думаешь?

- Что я думаю? – переспросил Тимофей. – Я думаю, мое мнение никого у нас не интересует. Я шел за мнением твоим. Но сам-то я понимаю Афродисия, который говорит, что не чувствует больше присутствия Божьего Духа, что нуждается в помощи, в руководстве. А еще я согласен с ним, что проповеди нашей в Листре придет неминуемый конец. Нам больше не станут верить, за нами никто не последует. Афродисий прав, в Единого Бога верует немало пришельцев и при синагогах, но обрезываться и соблюдать закон соглашаются очень немногие.

- Да. Нужно будет написать вашим общинам письмо. Ты и напишешь, ты же умеешь писать? А я тебе продиктую. А пока слушай, я расскажу тебе, что было здесь, совсем недавно перед твоим приходом. По сути, это касается того же самого. - Да! – воскликнул Павел. – Именно с этого я начну. Я тебе просто расскажу, как та же самая история протекала здесь, в Антиохии, а ты уж сам посуди.

Он уселся поудобнее и начал свой рассказ.

- Здесь, в Антиохии, общину основали неизвестно кто. Приходили какие-то братья из Иудеи по торговым делам или как, не знаю. Но рассказывать об Иисусе начали грекам и сирийцам. Тоже не знаю, собирались ли они это делать заранее. В общем, оказалось, что независимо от местной синагоги в Господа уверовало немало людей, не связанных с Израилем. Весть об этом дошла в Иерусалим. Оттуда прислали сюда Варнаву. Кстати, он сегодня к вечеру вернется, ты его еще увидишь. Так вот, надо отдать ему должное, Варнава отнесся к ним с большим теплом и участием, и не принуждал их к обрезанию и соблюдению закона. Ему удалось всю общину собрать вместе: и обрезанных и необрезанных, и иудеев, и греков, и сирийцев. Вечерю совершал одну для всех, - и все это спокойно приняли. Потом ему рассказали обо мне, я был тогда на родине, в Тарсе. Он туда сходил, причем, кажется, без римского конвоя, нашел меня и привел сюда. Он был единственным, кто помнил меня, потому что с самого начала поверил моему обращению к Господу Иисусу. И вот целый год мы собирались со всей общиной вместе, ходили проповедовать по окрестностям. Община здесь была прекрасной, дружной. Многие верующие были исполнены Святого Духа. Через них совершались знамения и чудеса. Нас замечал весь город, нам дали здесь имя христиан. И нас эта же община в прошлом году отправила в то путешествие, когда мы посетили вашу Листру. И еще, забыл сказать. Здесь был пророк Агав, который заранее предрек голод, который был в первые годы правления Клавдия. Антиохийцы собрали заранее помощь для братьев в Иерусалиме. И мы с Варнавой

отнесли ее туда. Тогда я во второй раз увиделся с главнейшими учениками Христа: с Кифой-Петром, Иаковом, братом Иисуса, и Иоанном, который считался Его любимым учеником. Со мной был и Тит, тоже добрый христианин, из необрезанных. Его приняли, как и меня, он участвовал в собрании и в священной трапезе. И никто даже вопроса не ставил, чтобы ему принимать обрезание⁵.

Павел перевел дух, выпил воды и продолжил:

- И представляешь, именно в тот год царствовал там Ирод Агриппа. Он первый получил власть в Иерусалиме вместо римского наместника. Римляне по старой памяти о Тиберии не поощряли там гонений на наших братьев, не разрешали евреям казнить никого. Синедрион расправлялся с верующими тайно. Уж я-то знаю, прости меня Господи! А тут этот Агриппа впервые начал гонение на братьев уже по суду. Быстро провел процесс над Иаковом, братом Иоанна. Это тоже один из любимых учеников Христа. Его казнили. Затем на пасху арестовали и Кифу-Петра, хотели и его казнить. Но тут особым чудом Бог его спас и вывел из темницы. Все апостолы покинули Иерусалим. И в тот же самый год, когда всю вселенную Бог наказал голодом, наказал он и этого Агриппу внезапной смертью. В тот год мы и оказались в Иерусалиме⁶. Но представь себе: и Стефана, и Иоанна обвиняли и казнили не за признание Иисуса Христом. Ну, то есть, по сути, конечно именно за это, но формально, по судебному обвинению им вменялось нарушение закона. Проповедь о том, что Храм больше не нужен, и обрезание не нужно, и жертвы больше не нужны. Вот что ставилось им в вину. Надо думать, что братья в Иудее напугались. Апостолы из двенадцати вслед за

Петром разошлись из Иерусалима в другие места, кто куда, но недалеко. Остался только Иаков, брат Иисуса Христа. И вот, он взял такую линию поведения, чтобы быть по закону безупречным. Он постоянно проповедует незыблемость и нерушимость закона, никто не может его упрекнуть в каком-либо нарушении. Он постоянно в Храме, он четко соблюдает субботу и все прочее. Много молится за народ и братьев верующих. Он пользуется большим авторитетом и у верующих в Иисуса и у неверующих в него иудеев. Он своим авторитетом покрывает братьев. Это очень ценное служение для Иерусалима. Понимаешь?

- Понимаю, - ответил Тимофей. – Захария говорил о том же самом, получается, просто другими словами. Обвинениями в твой адрес.

- Ну, так вот. Все верно, но дело в том, что Иаков за пределы Иерусалима не выходил. Как привлечь язычников к Богу и сделать их христианами, он не видел. Здесь в Антиохии он не был. И если он хоть раз войдет к язычникам, как мы, - обратно в Иерусалим ему лучше не возвращаться. Точно, что с прежним авторитетом он туда уже не вернется.

- Убьют?

- Может, не сразу убьют, но даже если не убьют, многие от него отвернутся. Потому что они, действительно, смотрят на дело Иисуса, как этот ваш Захария.

- Скажи, Павел, а как на это смотрел сам Иисус?

- В том-то и дело, что никто толком этого сказать не может. С одной стороны, Иисус жил только в среде Израиля. За пределы Галилеи, Иудеи и Перее, то есть, собственно, Израильской земли, Он не выходил. И действительно, ничего, выходящего за

рамки закона, Он не делал. Но с другой стороны, Он говорил, что в него уверуют многие и вне пределов Израиля. Он поручил проповедовать другим народам. Он сам исцеления подавал не только израильтянам, но даже римским воинам, как я слышал. И не слышно, чтобы кому-то из них велел обрезываться. В общем, из слов Иисуса не дашь здесь точного ответа.

- Как же быть? – спросил Тимофей.

- Иисус учил, что после Него Дух Святой научит учеников. Надо прислушаться к его голосу. А Дух свидетельствует успехом проповеди. Самому Петру Дух указал принять в церковь необрезанных, да еще и римского центуриона с родней и сослуживцами. Это было в Кесарии. Петра за это сильно обвиняли ревнители закона. А это было еще при Тиберии и Пилате. А теперь они, ревнители закона, после гонений из-за Стефана и Иакова, набрали еще большую силу. Это проявилось и здесь, в Антиохии. Я все никак не дойду до этих событий.

- Да-да, - отозвался Тимофей, - я слушаю.

- Так вот, пришли мы тогда в Иерусалим, с приношениями от антиохийцев для пострадавших от голода. Рассказали, как Бог действовал через нас среди необрезанных братьев. Нам с Варнавой предложили руку общения. И Кифа, и Иоанн, и даже сам Иаков согласились, что Бог благословляет наши труды для проповеди эллинам. Тита, повторю, приняли, как брата, не принуждая к обрезанию. Возвратились мы в Антиохию. Все вроде было хорошо. Вся Антиохийская церковь по Божьему призыву отпустила нас с Варнавой в путешествие в ваши места. Предварительно мы заехали еще и на Кипр, и весь его прошли. Ну, как мы были в ваших краях, ты знаешь. Вот вернулись мы обратно, еще

совсем недавно. И тут приходит к нам Кифа. Все, конечно, несказанно были ему рады, слушали его об Иисусе, казалось день и ночь. Он рассказал, как и сам приводил необрезанных к вере. И совершал вечерю для всех, что очень утешило и ободрило христиан. И буквально вслед за ним приходят из Иерусалима вот эти ревнители, как твой Захария. Представляются, как посланцы Иакова.

- И что?

- Ну, собираемся мы в день Господень, здесь собираемся, как договаривались. Ждем, ждем, нет Петра. Присмотрелись: вообще никого из обрезанных нет. Как так, что делать? совершать ли нам вечерю, кому благодарение возносить? – ничего не понимаем. Послали, спросили, часа через два выясняется, что они, видите ли, собрание устроили накануне, в субботу и только для обрезанных. А сюда ни слуху, ни духу. Вроде нас не разгоняют, не запрещают собираться, никакого обвинения не выдвигают – а просто вот так: сами исчезли, и все.

- И как у вас люди это восприняли?

- Да как еще? Ужасно. Обиделись, конечно. А здесь-то ведь еще одно обстоятельство. Тут полно обрезанных сирийцев. Обрезание имеют по памяти от Авраама (ну ты знаешь, мама тебе рассказывала). А закон остальной иудейский никогда не соблюдали, и даже не слышали. Вот они кто? Они в завете Божиим или нет? Никто понять не может. Голова у всех раздваивается. Вот ты что скажешь про этих сирийцев: они состоят в народе Божиим или нет?

- М-да, я прежде думал, что бывают только необрезанные евреи, - мрачно пошутил Тимофей, указав на себя пальцем, - а, оказывается, есть еще и обрезанные не евреи.

- Конечно! А ты не знал? И как вот эти все клубки распутать? Из одной церкви сделать три? Или может, уж сразу четыре? Сирийцы с евреями не дружат, хотя язык-то у них один, общий.

- И что же ты сделал?

- Ну, я пошел, узнал, в чьем доме они собираются отдельно. И там при всех так и сказал Кифе, что это лицемерие. Только что, пока не пришли ревнители, сам с язычниками в трапезе участвовал, а теперь их чуждается. Наговорил ему все такое. Они мне все хором про мое прошлое твердят. И оно верно, конечно. Даже Варнава за них заступаться начал. Это меня совсем подкосило. Все говорят, что мы тут вроде как куем смерть нашим братьям в Иудее.

- Может, стоило с Петром наедине поговорить, а не при всех?

- Может быть. Но как мне его застичь одного, когда они там все вместе?

- И что мы, действительно, навлекаем опасность на братьев? – еще раз спросил Тимофей.

- Мы все навлекаем опасность, навлекаем ненависть лишь тем, что верим в Иисуса Христа, распятого и воскресшего. От того, что вы в Листре вдруг все обрежетесь, никто в Иудее верующих в Иисуса не полюбит, - из тех, кто Его раньше ненавидел. Ты сам-то это понимаешь?

- Понимаю. И как же нужно было бы?

- Я считаю, что нужно как-то всем договориться. Чтобы у обрезанных и необрезанных обычаи оставались свои, а вечера была все-таки общей. Вера в Иисуса, Его путь должен соединять, а не разъединять людей. Они все считают закон благословением для Израиля, но я вижу, что, будучи не к месту примененным, при таком использовании,

как теперь, он становится просто проклятием вместо благословения.

- Ну, а нам-то что делать? – спросил Тимофей конкретнее.

- Лучше вам ничего не делать. Оставаться, как есть, и не увлекаться этим поветрием. Поверь мне, вы еще не знаете, что это такое: неистовое стремление выполнить невыполнимую задачу. Я знаю, что такое закон, я пытался его соблюдать. Все до конца выполнить все равно невозможно, но исполнение закона совсем не избавляет человека от тяжелейших грехов. Я вот, сам проливал кровь братьев, а с точки зрения закона делал все верно. И те, кто до сих пор гонят верующих в Иисуса, - мужи кровей, по сути своей, а по виду своему – ревнители закона. Нам Бог во Христе дал Духа Святого и его закон запечатлел в сердце. Вот и нужно жить так, как Дух Божий велит в сердце твоём.

В это время пришел Варнава и тоже с радостью обнял Тимофея. Присел и тоже подключился к разговору. Когда Павел с Тимофеем ввели его в курс обсуждаемых вопросов, он высказал и свое мнение:

- Братья, я полностью с вами, всем сердцем, но при этом я все-таки понимаю Петра, и понимаю наших братьев в Иерусалиме. Действительно, гонения на них существуют. Действительно, там много полностью обнищавших ради Христа людей. Павел, ты же сам собираешь пожертвования на их нужды, и знаешь, что это не выдумка. Петр тоже согласен с нами. Но он совершенно измучен уже этими бесконечными распрями о законе. Его именуют первым из апостолов, а на деле упрекать, распекать его может любой вот такой Захария. Петра можно понять. Я его понимаю и прощаю. И то, что ты,

Павел, тогда на него обрушился при всех... Ну, ладно. Не обижайся. Но ты был неправ.

Павел махнул рукой, не стал спорить. Возможно, он считал этот разговор неуместным при Тимофее. А тот постарался немного сменить тему, сойдя с личностей:

- Евстафий, ходивший в Иконию и выдавший тамошнюю общину, считает, что, решивши соблюдать закон, они почти позабыли о Христе, о Его страдании и воскресении!

- Как хорошо, что хотя бы он это заметил, - оживился Павел. – Именно это и происходит. Перестают христиане чувствовать дар благодати. Я понимаю и его, понимаю и Афродисия. Я и здесь это все видел. Наваливают на человека гору всяких обязательных дел, смысл которых он совсем не понимает. Зачем это обрезание, почему это мясо можно есть, а вот то никак нельзя? Ему это всю жизнь было без разницы. Мы тут говорим про милость Божию, что Бог через Иисуса призывает к покаянию и прощает человеку грехи. А тут вместо дара благодати ему вручают тяжелейшее бремя всяких установлений, которых сами проповедники не соблюдают. Ведь все это выполнить невозможно. И начинают пытаться человека бессмысленными и тяжелыми ограничениями, где только можно. Разве будет он помнить о милости Божией и благодарить за нее?

- Есть тут одно трудное обстоятельство, - вставил слово Варнава. – Сторонники обрезания говорят, что закон можно выполнить только весь. Нельзя решиться его выполнять только наполовину. Потому что каждый эту половину от закона отрежет так, как

захочет, и в итоге получится, что у каждого человека свой закон. А это уже просто полное беззаконие.

- Только закон Духа – вот что может здесь быть ответом, - горячо отозвался Павел. – После пришествия Христова мы не брошены, у нас есть руководитель. Он всегда подсказывал нам, как поступать, когда мы шли с Благой Вестью. И здесь подскажет. Нужно молиться. Может быть, подождать в терпении.

- Знаешь, что говорили мне сейчас пророки и пресвитеры наши? Что нам с тобой нужно снова идти в Иерусалим, в собрание пресвитеров и апостолов, и там всем вместе помолиться и выслушать, что скажет Святой Дух. Выслушать, понять и исполнить.

- Я тоже об этом думал, - ответил Павел. – Да, скорее всего, мы это и сделаем. Причем в ближайшее время. Дальше невозможно тянуть. И как-то снова нужно наладить отношения с Кифой и с Иаковом. Впрочем, видишь, теперь у нас еще более неотложное, горячее дело. Кажется, почти все наши труды в Галатии под угрозой, если не погибли совсем. Нужно завтра же написать нашим братьям письмо. И отправить Тимофея с ним обратно. Времени мало. Опять нужно подключить его к ближайшему воинскому отряду или к защищенному каравану, кого-нибудь из наших дать ему в помощь. Ладно, завтра по свету все решим.

Только теперь они заметили, как на дворе уже наступили сумерки.

Глава 4

Письмо от Павла землякам Тимофея

С утра Павел усадил Тимофея к окошку, дал ему чернильницу, трость и папирус и стал диктовать письмо⁷. Ему хотелось кратко, убедительно и притом правильной письменной речью передать суть вчерашней беседы. Для начала он предупредил Тимофея:

- Я хочу написать в основном не для вашей общины, а для иконийцев и антиохийцев, из вашей Антиохии Писидийской. В общем, для тех, кто Захарии поверили больше. Поэтому напишем все поостроже. Ладно, начинаем, пиши.

Тимофей обмакнул трость, и заскрипел под диктовку:

- *Павел, Апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братья – церквам Галатийским: благодать вам и мир от Бога Отца...*

Тимофей работал прилежно и аккуратно, зоркими молодыми глазами он видел хорошо, и все округлости и крючки греческих букв выводил старательно. Это придерживало мысль Павла, он тоже понимал, что, хотя написать нужно много, но черновик сейчас не уместен, писать нужно сразу окончательный вариант. Хватило бы только папируса и светлого времени. Ведь отправить Тимофея нужно было прямо завтра, с конвоем римских ветеранов, возвращающихся домой.

- *Удивляюсь, что вы, так скоро отступились от Того, Кто призвал вас по своей великой доброте и решили следовать какой-то иной Благой Вести. Но нет иной Вести! Есть люди, которые сеют у вас смуту, желая извратить Весть о Христе. Если кто-*

то возвестит вам весть, отличную от той, что была возвещена, даже если это буду я сам или ангел с неба, да будет он проклят!

- Ой, - вздрогнул Тимофей, - может все-таки не надо? Можно как-нибудь помягче?

- Тимофей, я думал, я просил Бога всю ночь, чтобы точно понять, что написать, - отвлекся с огорчением Павел. - Помягче я скажу тебе: нужно написать вот так, как я сейчас тебе говорю. Пиши: *Я уже говорил раньше и теперь повторяю: всякий, кто возвещает вам нечто иное, чем то, что вы получили, да будет проклят!*

Тимофей вздохнул и продолжил запись. В краткие промежутки он бросал взгляд на своего учителя и видел его вновь таким, как тогда в Листре, когда Павел свидетельствовал о Христе, не зная, что его ждет: назначат ли его богом, или побьют камнями. То и другое ведь уже было с ним на глазах Тимофея. В преданность Павла Богу Тимофей поверил уже раньше и продолжал далее с внутренним согласием:

- *Чего я добиваюсь: одобрения от людей или от Бога? Может быть, я хочу угодить людям? Но если бы я хотел угодить людям, я не был бы слугой Христа. Возвещаю вам, братья, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть что-то человеческое. Я получил его не от людей, и не люди меня ему научили, а сам Иисус Христос, который мне его открыл.*

Павел диктовал, а Тимофей записывал эти грозные глаголы. Вкратце о всем пути Павла, о котором говорили вчера, о его отношениях с главными апостолами, Иаковом, Петром и Иоанном.

- *...Закон меня умертвил, и я умер для закона, чтобы жить для Бога,* - продолжал Павел.

- Это непонятно, - вставил Тимофей. – Сложно понять, наши не поймут.

- Тогда добавь для ясности: *Я распят вместе с Христом, и живу уже не я, а живет во мне Христос*, - лицо Павла осветилось каким-то неземным выражением, словно ему надлежало прямо сейчас предстать перед Вышним Престолом, - *И пока я живу на земле, живу верою в Сына Божьего, возлюбившего меня и отдавшего себя в жертву за меня. Так неужели я отвергну этот Божий дар? Ведь если оправдание может дать закон, значит, Христос умер напрасно?*

Ясность и мир постепенно вливались в душу Тимофея. Он на секунду представил, как Афродисий и Евстафий станут читать эти слова, которых ждут с такой надеждой сейчас. Голос Павла вдруг дрогнул так, словно перед ним вновь стояла толпа тех самых людей, на глазах которых он был принят за бога и вскоре побит камнями:

- *О, бессмысленные галаты, кто околдовал вас!* - Тимофей и здесь хотел бы смягчить это восклицание, но, взглянув на Павла, понял, что сейчас не нужно ему мешать излить и собственные чувства, и, вероятно, нечто, превосходящее любое человеческое слово. Не посмея перечить, он продолжал запись.

- *Вы же, казалось, собственными глазами видели распятого Христа, когда внимали моей вести.*

- Это ты про меня? – не удержался Тимофей, сам входя в чувства своего Учителя.

- Да! И не только про тебя. Пиши дальше: *Об одном только хочу у вас спросить: вы получили Духа от того, что исполняли закон, или потому, что услышав Благою Весть, поверили ей?*

Павел развивал свою мысль, вспоминая праотца Авраама, жившего по вере в обетование Божие, а обетование это, обетование благословения для всех народов, исполняется именно во Христе. Разъяснил Павел и то, что закон приходит позже и служит для нас лишь слугой, приводящим ко Христу. И только уверовавшие и крестившиеся во Христа облачаются в него так, что между ними уже пропадают различия и падают преграды: между народностями, сословиями и даже полами, ибо все становится чем-то единым во Христе Иисусе. Тимофей записывал вдохновенную речь апостола и сам понемногу продумывал ее.

Прошло уже около трех часов работы, исписано было несколько листов папируса, и Павел вдруг сказал:

- Остановись пока, прервемся ненадолго. Мне нужно обдумать, что написать дальше.

Тимофей вышел во двор подышать, заметив, как Павел встал на молитву. Солнце близилось к зениту. Из-за стены доносился городской шум, а Тимофей смотрел на далекие горы на северо-западе. За этими горами его ждали мать и братья по вере. Письмо Павла непременно поможет им, но его еще нужно доставить.

Голос Павла вернул Тимофея к работе.

- *Хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, но мои болезни не оттолкнули вас. Вы не отвернулись от меня с презрением, а приняли, как Божьего вестника, как самого Христа Иисуса. Как вы были блаженны! Раньше, я уверен, вы бы глаз своих не пожалели, если бы их можно было отдать мне...* - На этих словах Тимофей вздрогнул:

- Именно это сказал мне Гермас, хромой, исцеленный тобою!

- Да? – удивился Павел. – Вот видишь... - И продолжал диктовать.

- ...*Дети мои, я снова в муках рождаю вас, пока вы не станете подобием Христа!* – воскликнул Павел, обращаясь к невидимым читателям так, словно они стояли перед ним сами. – *Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что пока я в недоумении о вас.* - Склоняясь над столом, Тимофей чувствовал, как Павел беззвучно плачет. Затем он продолжил свои увещания о нашей свободе во Христе и о хождении по духу, а не по плоти.

Тимофей уже порядком устал. Переписывание книг не было его профессией. Благодаря маме, он обучился грамоте, и главное, письму, но привычным к этому делу не был.

- Осталось только два чистых листа, - сказал он.

- Хорошо, - ответил Павел. – Спасибо. С тебя достаточно. Дальше я напишу сам. Надо и свою руку приложить.

Тимофей уступил место. Павел написал так крупно, как позволяли ему больные глаза, и прочесть можно было далеко из-за его спины:

Теперь я пишу вам своей рукой, видите эти большие буквы. Те, кто хотят понравится людям, они-то и принуждают вас обрезать: они не хотят, чтобы их преследовали за крест Христа...А я ничем не хочу хвалиться, одним лишь крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, а я – для мира... Никто неотягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем...

Все эти строки видел Тимофей, как и шрамы Павла, полученные им и тогда в Листре, и еще

раньше. Он перечитал еще раз все письмо апостола вслух, поправил замеченные ошибки. Наконец драгоценное письмо было готово. Еще раз его перечитал Варнава вслух нескольких еще братьев. Вероятно, это были антиохийские пресвитеры, специально собранные по этому случаю. Уже под самый вечер работа была окончательно завершена, и письмо тщательно свернуто в дорожную суму. А утром Тимофея проводили в обратный путь⁸. На прощание Павел обещал, что еще увидится с ним, но лишь после того, как сходит с Варнавой снова в Иерусалим.

Как самую большую драгоценность нес Тимофей домой это письмо. По счастью до Дервии с ним вместе шел один земляк по имени Гай⁹, и Тимофей решил в случае опасности препоручить письмо ему, чтобы не пропало. По дороге они с Гаем немало беседовали об Иисусе и Павле. Гай знал дервийских христиан, и пока присматривался к ним. Вернувшись домой, - рассчитывал про себя Тимофей, - нужно будет купить папируса и чернил, и переписать письмо еще раз. Копию оставить у нас, а оригинал Евстафий снес бы в Иконию.

На этот раз Тимофея получше приготовили к переходу через перевалы, снабдили теплой одеждой, и в этом отношении дорога прошла полегче, чем прежде.

В Дервии, за один пеший переход до родного дома, Тимофей вместе с Гаем отстал от римского конвоя. Гай привел его к местным христианам. Как и в Листре, верующие здесь были смущены речами Захарии, но точно так же никого из мужчин не радовало всерьез его предложение. Тимофей зачитал

им письмо Павла, оно было воспринято со вздохами облегчения. Тимофея еще долго расспрашивали о его путешествии в Антиохию, о Павле и Варнаве, о том, как тамошние общины воспринимают все совершившееся. Укрепленные и утешенные, деревянные хорошо угостили Тимофея и проводили его до родной Листры.

Как радостно было Тимофею вновь оказаться дома, да еще и раньше предполагаемого срока, а главное – с таким трофеем, как Павлово письмо! Тяжкий камень свалил он со многих душ. Люди благодарили Бога, молились за Павла, и теперь уже с большим уважением смотрели и на самого Тимофея. Шутка ли? Он уже сам прошел свое первое миссионерское путешествие по достаточно трудным и опасным дорогам, отлично выполнил порученную ему миссию. Среди общего приподнятого настроения среди христиан в Листре только Афродисий, расспросивший у Тимофея все подробности, вдруг сделал совершенно резонное замечание:

- Все это хорошо, но пока мы имеем лишь мнение Павла и Варнавы. Ну, может быть, еще Петра. А вот что скажет остальной Иерусалим, - нам пока не ведомо. Будем молиться и ждать.

Но в целом и сам Афродисий значительно оживился, и от этого всем остальным стало легче.

Тимофей исполнил свое решение, переписав дословно Павлово письмо. После этого они с Евстафием сходили и в Иконию, огласив его и там. Но тут все оказалось гораздо сложнее. Далеко не все иконийцы вообще стали слушать чтение Павлова письма. Было заметно, что по вопросу обрезания эта община практически разделилась. Самым обидным для Тимофея стало то, что куча упреков посыпалась

на него лично, как на не обрезанного. Евреи считали его евреем (по матери) и в силу этого - прямым нарушителем закона. Даже если соглашались принять, что закон не распространяется на эллинов, но все равно лично Тимофея слушать никто не хотел вообще ни о чем. Это было для него горчайшим уроком. Более того, дружбу с таким человеком, как Тимофей, ставили в вину лично Павлу, подтверждая тем самым, что он, дескать, способствует разрушению установлений закона уже в самой иудейской среде. Тимофей возвратился опозоренным, и понял, что в родной области его роль, как благовестника, полностью исчерпалась. Пришлось тихо возвратиться к собственной глине.

Глава 5

Второе путешествие Павла¹⁰

Листряне не унывали, но и ничего не могли уже предпринять. Оставалось только ждать. Жизнь шла своим чередом, если не считать регулярных собраний у Афродисия в день воскресения Господа Иисуса. Идти снова в Антиохию за расспросами было бессмысленно, ибо непонятно было, вернулись ли Павел с Варнавой из Иерусалима, с чем еще они вернутся. Прошла и зима, и весна, а вестей все не было. Как-то в собрании листринских христиан Афродисий сказал всем:

- Вот видите, братья и сестры, время проходит. Мы собираемся, приносим благодарение, совершаем вечерю, как заповедал нам Павел. Каждый раз мы говорим: пусть Господь придет, маран-афа. А что мы сами тут делаем для встречи Господа? Время идет. Все листряне про нас знают. Нас не становится

больше. Кто хотел, кто призван Господом или избран им, - те вот уже здесь. Наша проповедь в родном городке для нас закончилась. Иконийцы и деревяне тоже определили, будут они веровать, и как. А в чем еще должен быть наш вклад в приближение Царства Божия? Каждый из нас пережил внутреннее обновление. Каждый может сказать: отныне я уже другой человек. Человек другой, а жизнь у каждого прежняя. Поссорились со жрецом и перестали ходить к требищу Зевса. Ну и что? Это – все? Ну, перестали мы, допустим, воровать, или обманывать, или блудить, - и это все? Я не знаю. Может быть, и правда, это все. А может быть, Господь ждет от нас еще чего-то?

Никто не сумел предложить в ответ ничего ясного и конкретного: как быть, что делать, куда пойти? Но в целом все собравшиеся понимали, что вопрос этот стоит и не снимается. Если требовалось разнести Павлову весть по окрестностям, то задача эта была выполнена. Слова эти запали в сердце Тимофея. Он понимал, что благовестие Павла, бывшее таким ярким в первые месяцы, теперь перестает быть новостью. Ведь и всем согражданам оно было передано, как новость. Всякий раз речь об Иисусе общинники передавали, начиная со слов:

- А вы слышали, как недавно тут приходили к нам...

И те, кто еще не знали, конечно, отвечали:

- Нет, не слышали, ну-ка, расскажите.

А кто уже слышал, тот вряд ли соглашался подумать или обсудить это все снова. Год пролетел, из которого полгода Тимофей не смел уже особо распространяться о Благой Вести. А ему очень хотелось этого. Те немногие опыты, что были у него,

когда он делился новостью, отлагались в его сердце светлой и призывающей памятью. Он вспоминал о Павле и даже немного завидовал ему. Конечно, он видел, как опасна жизнь проповедника, но и влекло его к этой жизни все больше. Для Павла, - думал Тимофей, - ведь не существует того вопроса, что поставил Афродисий. Павел каждый день кому-то рассказывает именно новость о тех событиях, о которых его собеседник ничего не знает. И это ведь, действительно, Божие дело. Нужно, чтобы узнали все. А примут или нет – это уже личное дело слушателей. Тут и Павел, и Захария скажут, что насильно никому ничего не внушить. Но сам-то проповедник исполняет Божию задачу. Остальное – дело уже самого Бога.

И все-таки шаги Павла вновь простучали по Антиохийскому тракту!

Первыми новость о нем принесли некоторые деревяне, не имевшие отношения к общине, а просто проходившие мимо гостиницы Афродисия. Значит, Павел все-таки пришел из Антиохии сухим путем. Конечно, он должен был на несколько дней задержаться в Дервии, а потом непременно оказался бы и здесь, в Листре. Стоит ли удивляться, что каждый день на дорогу смотрели по очереди чьи-нибудь христианские глаза!

Когда же Павел появился, он принес буквально вторую Радостную Весть. Не успев обняться и поздороваться, он сразу воскликнул:

- Братья, наш вопрос решен, и слава Богу, благоприятно для вас, да и для всех. Вот решение всего собора апостолов в Иерусалиме.

Он тотчас достал лист папируса и велел Афродисию читать:

...Поскольку мы слышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали, - он многозначительно поднял брови и палец вверх и продолжал. -... То мы, собравшись единодушно, рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. Итак, мы послали Иуду и Силуана, которые изъяснят вам то же и словесно. Ибо угодно Духу Святому и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здравы¹¹.

Ликованию слушателей не было предела.

Один из двух новых спутников Павла выступил вперед.

- Я и есмь тот самый Силуан, который упомянут в письме. Я был на этом соборе, все видел своими глазами. Потом мы вернулись в Антиохию, вместе проповедовали там, передали это все братьям. Теперь мы идем по вашим краям, укрепляя всех верных. И еще пойдем дальше.

Все внимание переключилось на Силуана. Кивнув Павлу, он взял слово.

- Давайте, я вам, как независимый свидетель все расскажу, как протекало собрание в Иерусалиме. Собралось нас там человек, наверное, с двадцать, кого успели известить, кто были еще в Иудее. Это и некоторые из двенадцати, и пресвитеры иерусалимские. Сначала перед собранием выступили

противники Павла, и не только пресвитеры. Высказали все то, в чем его обычно обвиняли и у вас, в том числе. Наверное, сами помните: что разрушает закон и что наводит гонение на братьев в Иудее. Им возражали, но не очень вразумительно. А вообще, собрание-то у нас ведется по древнему правилу: сперва выскажутся младшие, потом те, кто старше. Чтобы младшие честно говорили, что думают, не глядя на мнение старших. Но тут первым из апостолов выступил Петр. И объяснил, почему он слегка нарушил этот порядок, не дослушав всех младших. Он сказал, что Бог избрал именно его, чтобы из его уст впервые язычники услышали слово Божие. Тогда, еще давно, несколько лет назад ему было откровение войти в дом центуриона Корнилия в Кесарии и благовестить ему и его семье об Иисусе. И они тогда с радостью приняли эту весть, и на них сошел Святой Дух даже прежде, чем крещены они были водою. Вот это Петр им напомнил и тем самым, взял ответственность на себя. Ведь это была воля Божия относительно него, Петра. И соответственно, получается, что не Павел, а Петр впервые начал проповедовать язычникам, не приводя их к обрезанию.

- Да, ты еще не забудь, - вставил Павел, - что Петр сказал о спасении благодатью.

- Вот-вот, - оживился Силуан, - именно так! Петр сказал, что исполнить закон не могли бы ни мы сами, ни отцы наши. И что мы надеемся спастись не исполнением закона, а по благодати Божией. Ну, тогда обвинявшие Павла притихли немного и, наконец, слово дали ему. Павел рассказал о своей проповеди и в Киликии, и в окрестностях Антиохии, и на Кипре, и у вас, в галатийской провинции¹².

Сказал и о тех, кто ходили после него по вашим местам, и настолько смутили вас, что вы послали к нему в Антиохию юношу одного, чтобы он передал все ваши смущения. Это ж из ваших, из Листры кто-то ходил?

Тимофея вытолкали вперед, и Силуан крепко обнял его:

- Спасибо, брат. Ты помог не только своим. Ты и Павлу, и нам всем тоже помог, что добрался-таки до Антиохии. И, в общем, на этом примере всем в Иерусалиме стало ясно, что такой пересев Божьей Вести после проповеди Павла просто уничтожает в людях веру. А Павел много говорил о Божиих знамениях, об исцелениях, совершенных в его служении.

На этих словах община зашумела и теперь вперед вытащили и Гермаса:

- Смотри, Павел, ты помнишь его? Вот он ходит на своих ногах!

И вновь объятия, и слезы радости, и благодарственные восклицания к Богу! А для Силуана это было новое интересное знакомство. Спустя пару минут он все-таки довершил свой рассказ:

- И под конец уже взял слово Иаков, брат Господа Иисуса. Он сказал, что призвание язычников в последние дни сии, когда явится Христос Божий, - оно было давно предсказано. И не одним пророком. Израиль знал, слышал заранее, что это будет, что из всех народов будет собираться Господень народ. А потому он предложил очень хорошее решение, которое понравилось всем. Смотрите. Вот, когда в иудейской синагоге принимают пришельца врат, с него не требуют обрезания. Он может ходить в

синагогу, если соблюдает то немногое, что Бог заповедал еще Ною, праотцу всех людей, спасшихся в потопе. И это обращено ко всем народам. Чтобы не поклонялись идолам и не вкушали идольских жертв, чтобы не ели мяса с кровью, чтобы не блудили. И добавил еще такое правило: другим не делайте того, чего себе не хотите. Это правило применял сам Иисус, но в еврейском народе оно известно и почитаемо еще раньше. Как-то знаменитого у нас учителя Гиллеля спросил один пришелец: объясни мне всю суть Закона за такое время, пока я простою на одной ноге. Ну, вот, Гиллель именно это и сказал: другому не делай, чего себе не хочешь. В общем, я это к чему говорю? К тому, что все ревнители закона наши согласились с речью Иакова — и вот, пожалуйста, она и вошла в читанное перед вами письмо. А меня и еще одного брата отправили вместе с Павлом, Варнавой и с этим письмом сначала в Антиохию, а теперь и к вам.

- А как там наш брат Варнава? — спросили листряне.

- Он отправился на Кипр, - ответил Павел. — Мы с ним там тоже были, там тоже наши общины.

Помимо Силуана, пришедшего из Иерусалима, с Павлом был теперь еще один спутник. Его звали по-гречески Лука, но, вероятно, это было чуть искаженное римское имя Луций (в греческом языке нет шипящих звуков). Он был из Антиохийских пресвитеров. Кроме того, он был врач, и в таком качестве он был нужен Павлу. В первый раз Павел пришел в Листру уже не слишком здоровым человеком, а уж побивание камнями до смерти точно не прибавило ему здоровья. Между тем, впереди ждали его пешие дороги, и притом не короткие.

Длительные, изнурительные марши, иногда под защитой римского конвоя, а иногда и без нее, днем по изнурительной жаре, ночью в холоде и бессоннице. Конечно, теперь Павлу без врача было бы сложно.

Как радостно, с каким подъемом благодарили Господа листряне в обычном своем собрании над хлебом и чашей! Присутствие Божие ощущалось особо сильно. Пожалуй, даже первое служение Павла в Листре не произвело на Тимофея такого глубокого впечатления. Он и прежде начинал задумываться о том, как бы походить с Павлом в его миссионерских путешествиях, а теперь вдруг ясно понял, что Бог велит ему это сделать. Когда, подходя к чаше, он встретился с Павлом глазами, то вдруг подумал, что, вероятно, и Павел осознал то же самое. Однако речи об этом еще не было, а после собрания Евника снова утатила под руки Павла и Силуана к себе. (Лука остался у Афродисия). И вот, именно ей Павел среди прочего сказал очень серьезно:

- Слушай, Евника. Я у тебя сейчас попрошу об одной услуге, как Илья пророк у Сарептской вдовы.

Она напряглась, догадываясь, о чем речь:

- Что такое?

- Отпусти со мною своего сына. Мне было откровение, что ему надо бы пойти со мною.

Евника прямо-таки почернела, а Тимофей бросился к Павлу на шею:

- Да! И мне тоже это стало ясно.

- Ты понимаешь, что я вдова, - сказала Евника, - и он у меня один. Такого и в армию не забирают. У меня даже невестки, жены его не остается. И вся мастерская его здесь. Прикажешь мне с голоду помереть?

- Ну, в мастерской его и дядя управлялся, - ответил Павел, который уже был осведомлен об этом от Тимофея. – Ну, и не насовсем же я его забираю. Он вернется. А ты не пропадешь. Ты мне веришь, что это все-таки воля Божия? Если пока не веришь, то я не спешу. Мы побудем еще здесь у вас. А ты помолись Господу, и Он тебе откроет. Ведь у тебя особенный сын. Он действительно, нужен на службу Господу.

- Да, он хороший, может, и особенный, но куда он годен, такой молодой? Кто его будет слушать? И где? Вон, евреи в Иконию его чуть не пинками выгнали за то, что он не обрезан. Он ни евреям не свой, ни эллинам тоже. О, Господи! Вот выдали ж меня замуж так, а сыну теперь за мои грехи расплачиваться! Не отдам я его тебе не обрезанным, а он обрезываться не хочет.

Павел задумался, а потом встал и сказал:

- Надо помолиться. Господь скажет нам все.

После такого слова продолжать или возражать никто уже не посмел. Разошлись по углам, потушили светильники и остались наедине с Богом, каждый по-своему.

А наутро Павел задал вопросы по принципу собора, начиная с младшего:

- Что скажешь, Тимофей?

- Мне нужно идти с вами, - подтвердил юноша без лишних подробностей.

- А тебе, Евника, что открылось?

- Уговори его совершить обрезание, тогда еще подумаем. – Евника тоже не многословила.

Павел грустно улыбнулся:

- Совмещаем то и другое ваше решение.

Тимофей только вздрогнул, но не успел и рта разинуть, как получил от матери:

- Ты же мне обещал, что, если Павел велит, то ты совершишь обрезание! Я ж тебя тогда еще на слове поймала!

- Да, Тимофей, сейчас у нас хороший врач есть, и все пройдет хорошо. Ты должен понимать, что при всей вере и при всех способностях ты к проповеди пока еще не годен. Евреи никогда тебя слушать не станут такого, как теперь. И для эллинов ты тоже не убедителен. Помнишь, как мы с Варнавой вам и говорили, и показали на самих себе, что многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие. Считаю, что это – именно твоя личная скорбь ради пострадавшего для тебя Христа и ради его Царства.

- Не ты ли писал, не я ли с твоих слов записывал, что Христос искупил нас от клятвы закона? – отбивался Тимофей.

- Для того чтобы войти в его Царство, этого тебе не требовалось бы. Воля твоя, все может остаться прежним. Оставайся здесь горшечником и христианином. Но к апостолу требование будет больше. Ты уже видел, как тебя воспринимали в Иконии.

Евника вдруг оживилась:

- Павел, я согласна, я отдам его тебе в спутники, вот на этом условии!

И дальше она бросилась убеждать сына¹³.

Уговоры оказались успешными. Тимофей согласился. А вот то, что было дальше, современному человеку представить нелегко. Мы и зубов-то не даем себе сверлить без местной анестезии. А тут, представьте, у доктора не было ни спирта, ни даже льда. Только антисептические травы и стерилизованные в огне ножи.

Тимофея привязали, Тимофея держали, и пока он был в сознании, несколько раз повторил одно:

- Господи, благодарю, что искупил нас от клятвы закона!

А остальное все опустим. Две недели Тимофей почти не вставал. Но все поджило без осложнений. Зато за эти две недели вынужденного бездействия Лука прочитал вслух всей семьи книгу Бытия, точнее, ее греческий перевод, который апостолы принесли с собою. Павел попутно растолковал Тимофею важнейшее из нее:

- Теперь ты понимаешь, что записывал тогда в письме под мою диктовку. Авраам, поверивший Богу, оправдан, он введен в праведники, а может, стал вообще первым из праведников. Ни один еврей не посмеет это оспорить: Авраам – праведник. Но праведности он достиг еще прежде возглашения письменного закона, который явился еще через четыре с лишним века и был дан через Моисея. Значит, можно было стать праведным без Моисеева закона? – Можно. А без чего нельзя? Что сделало Авраама праведным?

- Вера.

- Именно. Верил Богу, слушался Бога, страдал ради Бога, жертвовал своим спокойствием ради него. Жил по велению Божьего Духа. Если бы не верил, и не слушался, то хоть бы всякие жертвы приносил по закону и все субботы соблюдал, праведником не стал бы. Но он верил Богу и тем достиг праведности. И не только праведности. Но достиг и обетования. Какого обетования?

- Что дети будут многие?

- Нет, точнее не только это, и не это главное, а что в его потомке, в его семени, придет благословение

всем народам. Помнишь? Разве я тебе этого не диктовал? Время пришло, Тимофей, обетование исполняется. Верующие из всех народов получают благословение с верным Авраамом. И ты теперь знаешь, как он страдал. Он тоже был взрослым, когда принял это обрезание. Так что радуйся, сын Авраама!

Радости женщин тоже не было предела. Столько лет они не имели возможности слушать Писание, (да они бы уже не поняли его чтения на родном и подзабытом ими языке!), и вот, наконец, и чтение Писания, и толкование его пришли прямо в их дом. Кстати, современному христианину это представить себе не легче, чем боль обрезания: когда собрание есть, Хлеб и Чаша, и священное воспоминание есть, а ни одной священной книги в этом собрании нет. Вообще, ни одной! Только драгоценное письмо апостола с его личным автографом. Разумеется, и все листринские христиане тоже ознакомились с книгой, и только теперь сумели понять правильно значительную часть Павлова письма.

Впрочем, наступило время двинуться в путь. Иконийцы уже знали, что скоро апостолы придут к ним и ждали с нетерпением.

Расставание с матерью на неопределенный срок – штука не легкая. Тимофей обещал вернуться. Павел обещал его вернуть. Но трудностей и опасностей путешествия никто не мог предвидеть. Павел даже не знал, насколько далеко от этих мест надлежит им уйти. В Иконию, впрочем, пришли еще вместе с Евникой. И тут апостолам открылась печальная картина. В Иконии вместо одной было уже две церкви: христианская – из язычников, и национальная, иудейская¹⁴. Собирались они в разное время и в разных местах. Братья из обрезанных

ходили в субботу в синагогу, соблюдали все еврейские правила, и только ближе к вечеру в субботу устраивали свой товарищеский ужин. К ним примкнуло несколько человек из прозелитов, особенно женщины, эти самые «Руфи». А на следующий день, в воскресенье, братья из необрезанных, поверившие и проповеди Павла, и его письму, собирались на свою трапезу. В первом собрании были книги, и соответственно, размышление над ними, во втором собрании книг не было.

Павла и его спутников встретили христиане из эллинов и объяснили им свое видение ситуации:

- Да, Павел, мы поверили тебе и твоему письму. Мы не приняли проповедь этого Захарии, хотя выслушали его внимательно. Да, мы хотим жить по вере, и по духу, как ты писал. И мы понимаем, что закон об обрезании и субботах давался не нам. Мы уже прожили так эти три года, к нам присоединилось еще несколько человек. Но беда в том, что наши еврейские братья расстались с нами практически сразу, они не хотели порывать с синагогой. Нас они считают верующими лишь наполовину, да и мы теперь уже сами отчасти им верим. Мы понимаем, что проповедь обрезания вместе с проповедью о благодати Христа не привлечет никого из наших, эллинов. Кроме самих евреев на нее никто не откликнется, да и тех-то будет немного. Но и нас больше не становится. Мы вообще, как-то не растем. Мы ничего не можем делать для Царства Божия, и мы тоже не можем привлечь людей к себе. Наше разделение сразу ставят нам в укор. Говорят: если вы сразу поделились пополам, то кому из вас верить. А они все-таки имеют книги, имеют закон, они

обсуждают эти книги, у них какая-то жизнь теплится. А мы просто собираемся, благодарим Господа, преломляем святой Хлеб. Мы ждем наступления Его Дня. А Дня этого все нет. У нас нет старшего, у нас вообще нет нового человека. Все пресвитеры, которых вы с Варнавой поставили, остались у них в общине. Если бы не твое письмо с серьезными угрозами, то перед нами было бы только два пути: или обрезать и присоединиться к ним, - или же просто все бросить и разойтись по домам.

С горечью выслушали это апостолы. Павел не спешил с ответом. Да и был ли у него сейчас выверенный ответ: что делать? Он просто повторил те же мысли, что и высказывал в письме:

- Бог через Христа соединяет нас всех в одно. Если бы это было не так, то и Сам Иисус не ставил бы нам задачу проповедовать всем народам. Бог созидал бы тот свой народ, который избрал, то есть, иудейский.

И подвел промежуточный итог:

- Хорошо, я постараюсь выслушать их, и быть может, ради решения собора апостолов, которое мы принесли вам, мы соберемся все-таки все вместе, и еще раз вместе же подумаем и помолимся.

Еврейская половина общины встретила Павла весьма прохладно. Начать с того, что она собралась далеко не в полном составе. И при этом сразу поставила Павлу вопрос:

- А все-таки, кто ты такой?

Тут выручил Силуан:

- Вы понимаете, что вот, перед вами я, посланец Иерусалимской церкви, всего собрания апостолов и пресвитеров? И у меня от собора письменная грамота, послание всем церквям, и вам в том числе. Это для вас тоже пустой звук?

И он зачитал им послание собора.

Слушатели немного притихли, некоторые чуточку обмякли от своего напряжения. Наконец, пресвитер Симеон сказал:

- Ну, хорошо. Мы согласны с этим решением. Мы не станем никого из них принуждать обрезываться. Да мы и не принуждали никого. Пусть они выполняют решения собора. А кто для нас, для евреев, собственно говоря, отменил закон? Где в этом письме написано, что закон для нас теперь не обязателен? Или может, об этом устно говорили на соборе?

- Об этом говорили, - ответил Силуан. – Сам Петр сказал, что исполнить закон в полноте невозможно, а потому все мы надеемся получить спасение только по благодати Господней, как иудеи, так и эллины.

- Ну, хорошо, допустим, он это сказал, - продолжал возражать Симеон. – И разве с этим согласились все остальные? А почему это не прописали в послании? А, кстати, Иаков, брат Господень тоже так считает?

- Иаков этого прямо не высказывал, - вынужден был признаться Силуан, - но ведь все-таки именно он предложил, как примириться во Христе иудеям и эллинам. Это же он предложил само послание.

Тут вставил свое слово другой пресвитер Иуда:

- Послушай, брат Силуан, но ведь мы живем именно по этому посланию. Наши братья из эллинов так примерно и живут по Ноевым установлениям для прозелитов: без идоложертвенного, удавления, крови и блуда. Мы им в этом ничем не мешаем. А община в Иерусалиме живет так, как и мы стараемся жить. Только что еще в Храме приносят жертвы по закону, а мы здесь этого делать не можем. В

Иерусалиме, должно быть, нет таких прозелитов, которые жили бы по вот этим требованиям Ноя, и в то же время ходили бы в общее собрание братьев. Или свое бы собрание составили. Но мы же евреи, у нас закон, у нас синагога, у нас книги, - ну, как мы можем все это вековое наследие Бога отцов наших отложить как что-то никчемное, не имеющее значения? Может быть, мы не можем исполнить закон в совершенстве. Допустим, так. И что? Это значит, что нам его вообще не нужно исполнять? Вот Иаков, и все там, в Иерусалиме, проповедуя Иисуса живым Царем Израиля, все-таки соблюдают же закон. Или нет?

- Соблюдают.

- А вы зачем нам исподволь проповедуете, что закон не нужен, что не через закон оправдание. Приходил тут один из Листры, еврей по матери, говорит, что обрезание не нужно, что ты Павел, этому учишь уже и евреев. Сам он еврей и не обрезан...

- Уже обрезан, - Тимофей выступил вперед.

- А, вот он, и правда! Так все-таки согласился жить по закону?

- Братья, я не разрушаю закон, - наконец взял слово Павел. – С подзаконными я буду жить в рамках закона, но это только ради немощи вашей веры. Ибо во Христе явилась правда Божия, благодать Божия, спасающая всех людей. Если можно язычника спасти без соблюдения им закона, то значит, сила Христова превосходит силу закона. Если Бог своей благодатью спасает необрезанных по их вере, то и вас спасает по вере же в Христа и той же благодатью. Повторю, что писал: если оправдание было бы по закону, то для чего умирал Христос?

- И для чего Бог воскресил его из мертвых? – вдруг неожиданно для самого себя вставил Тимофей.

От такого дерзновения юноши пресвитеры передернулись. Не с первого мгновения они обрели дар речи, но все-таки Симеон, помолчав немного, сказал:

- Мы согласны с тобой лишь в том, что в совершенстве исполнить закон невозможно. Но для нас его никто не отменял. Закон это величайшее благословение, а как ты, Павел, назвал его в своем письме? Даже не повторяй, а лучше покайся.

- Если мы не выполняем всего, что написано в книге закона, то этот самый закон, эта книга, осуждает нас на что? – нашелся Павел. – На проклятие! Станешь спорить? Дай книгу, покажу, как там это написано. На проклятие! И вот от этого проклятия и искупил нас Христос. Что непонятного? Не доделаешь ты треть или четверть от должного по закону, ты все равно должник перед законом. Ты нуждаешься в списании долга. А списать его можно только верою. Верою Авраамовой. Верой в Божью благодать в Иисусе Христе. И это одинаково и для обрезанных, и для необрезанных...

Они еще немало спорили о законе и благодати. Договорились провести все-таки общее собрание. На ночлег апостолов пригласили эллинские христиане, и Павел с радостью принял их приглашение. Вечером он был тих и немногословен, а засыпая, Тимофей слышал, как он в темноте тихо молился с тяжкими вздохами. Очевидно, те муки рождения, о которых он писал в письме, так еще и не кончились.

А на следующий день в общем собрании всех верных Павел сказал так:

- Христос умер для того, чтобы примирить в себе иудеев и язычников. Вот сейчас у вас две отдельных трапезы, два отдельных собрания. Неужели вы думаете, что в его Царстве тоже будет несколько трапез, для каждого народа своя? Никак! Это невозможно. Один Господь, и одна вера в него, одною благодатью может прийти спасение. Сейчас, разделившись на части, вы тем самым положили преграду благовестию. Вы этим мешаете людям уверовать во Христа, причем обе половины, и те, и другие. И вы сами это понимаете. Теперь послушайте, что Дух Святой открыл мне. Если вы не составите одну церковь, то ждет вас печальная судьба. Вы, братья иудеи, отпадете от благодати Христа, вы забудете о нем. Христос не может стать для вас таким маленьким дополнением к закону, таким последним кирпичиком, который вы положите в здание, потому что вам не хватило кирпичей закона. Он назвал себя камнем краеугольным. На камне, стоящем под углом здания, сходятся и соединяются две стены. Вот так на основе веры в Христа, на даре его благодати иудеи и эллины составят один народ в славу Божию. Кто не станет на этом основании, тот отвергает краеугольный камень, а сам расшибется на этом камне. Это говорил сам Иисус. И вы, погрузившись в закон, отвергнете постепенно Крест Христов. Я уже и говорил вам, и писал вам об этом. Сделаете вы это в угоду братьям иудеям, которые отвергли Иисуса и не признают его Христом, гонят его последователей. Постепенно вы станете в их ряды. А я был в этих рядах, я был ревнителем закона и гонителем верных. Никому не советую становиться таким, как я тогда был. Бог простил меня, потому что я это делал по неверию, в

неведении. Один раз я оттуда ушел – и никогда не вернусь обратно. И вам не советую. А если вы, зная предупреждение мое, получая предупреждения от Святого Духа, все-таки это сделаете, то второй раз дар Христов, добытый для вас его кровью, вы не получите.

- Послушайте и вы, братья-христиане, - обратился он к эллинской половине собрания. – Вы говорили мне сами, что одни, без научения, без наставления от Писаний не продержитесь долго. Корень веры нашей все-таки иудейский, и он держит всех, кто привился к нему верою. Не считайте, будто иудейские братья вам не нужны, что они вас отвергли или сами отвержены Богом. Вы должны быть все вместе, в одном собрании. По сравнению с единством во Христе, правила кошерной пищи – это мелочь, которой можно пренебречь. Если у вас будет одно собрание, одна книга, одна чаша, - значит, будет у вас и в вас один Господь. Порознь вы потеряете веру, - причем и те, и другие. Вместе вы устоите, порознь погибнете. Особенно если придет на вас настоящее гонение за вашу веру, от которого пока еще Бог вас хранил.

Речь его возымела действие на слушателей. Глядя в окружающие глаза, он заметил в них и слезы, и сокрушение. И немедленно попросил принести хлеб и вино. Никто не воспретил ему вознести благодарение о той крови Христа, которою для верующих в Него куплен мир и вечная жизнь. И никто не посмел в этот раз отвернуться от единой для всех чаши. Движимый Духом, прежде вкушения Павел попросил присутствующих обняться и дать друг другу братское целование. И обнялись иудеи и эллины, мужи с мужами, жены с женами, ибо

невозможно было им иначе приступить к священной трапезе.

Павел был человеком, исполненным Духом Святым. Он знал действия Духа, понимал их, исполнял веления Божьего Духа, уступал вовремя дорогу действию Духа. Когда нужно было, терпел молчание Святого Духа, не теряя веры в Его помощь. Поэтому победить Павла в каком-то идейном духовном столкновении, внятно всем окружающим показать, будто он неправ, что он ошибается в принципиальном вопросе веры, - такое было практически невозможно. Другое дело, что разнести в пух и прах идеи Павла с опорой на Писание, но в его отсутствие, – это было делом не столь сложным для грамотных в Писании людей. Буква Писания была на их стороне; пройдет время, и Павел сам еще письменно признает, по сути, этот факт.

Итак, Павлу удалось восстановить мир и единство в общинах Галатии. На время его там присутствия это получилось. Но нужно было двигаться дальше, и Павел покидал своих детей, в муках рожденных для Христа, с немалой отеческой тревогой.

Глава 6

Путь в Европу

В неизвестный путь они двинулись в прямом смысле, куда глаза глядят. Держали только общее направление на северо-запад полуострова, куда вела дорога. Искали попутчиков, шли рядом, слушали, о чем говорят, пробовали сообщить Благую Весть – и смотрели ответную реакцию. Затем селения, ночлеги,

постоялые дворы, снова беседы. И все казалось, когда-то же встретится им такая же Листра, где Весть прозвучит с силой, подтверждаемая знамениями и встречена будет верою слушателей. Трое спутников смотрели на Павла, не почувствует ли он где-то благодатную почву для проповеди. Но поутру он, встав раньше и помолившись, давал команду к новому маршу. Все четверо в пути словно бы слушали сам воздух. Все пытались понять, куда ведет их Господь. Но Павлу принадлежало здесь решающее слово. И хотя физически ему было труднее всех, он пока не давал себе отдыха от пути.

Однажды Тимофей все-таки запросил у Павла какой-то определенности:

- Сколько ж мы будем так двигаться, сами не зная куда?

- Мы не знаем, но знает Тот, Кто нас ведет. Мы просто должны понять Его голос, Его волю.

- А есть какие-то признаки, по которым мы это поймем?

- Есть. Во-первых, может настичь нас прямое внутреннее откровение, когда Бог четко укажет: все, оставайтесь здесь и трудитесь. Во-вторых, я уже примерно понимаю, какое место нам нужно найти.

- И какое же?

- Достаточно немалый городок. Где будет для начала какая-то еврейская община, в которой против нас и нашей Вести нет заранее предубеждения. Где мы смогли бы найти какую-то работу.

- Верно, - согласился Тимофей. – Денег на дорогу у нас не так много осталось.

- И так, чтобы нас как-то приняли на первое время. И поэтому нам пока не подходят малые селения. Если здесь мы убедим пять человек, то не сможем

поставить здесь какой-то лагерь, где могли бы трудиться, жить и проповедовать по окрестностям.

- А почему же тогда мы пропустили поворот на Ефес? Это большой город. Может, там все это и нашлось бы.

- Не совсем пропустили. Если не будет иного указания, быть может, мы туда и придем. Просто сделаем крюк, обход широкий. Пока молись и не унывай.

В дороге, если не было спутников, они часто пели псалмы, или отдельные их стихи. Причем на иврите. Павел и Силуан запевали, Лука и Тимофей подтягивали. Тимофей постепенно учил богослужебную часть еврейского языка.

В итоге получилось так, что путники нигде не задержались, пока не достигли приморского города Троады, что недалеко от руин гомеровской Трои. Дальше пеший путь был просто невозможен, разве что назад, а указания Божьего все не было. В Троаде была главная по тем временам переправа в Европу, в ожидании подходящих кораблей путники останавливались у местных жителей, из которых иные могли жить только за счет сдачи в наем ночлега, подобно современным жителям курортных городов. Здесь для наших путников нашлась одна просторная горница на чердаке большого дома, так что она приходилась, по сути, третьим этажом. Зато и стоимость ее была невелика.

И в ту же ночь пришла, наконец, какая-то определенность. Поутру Павел рассказал свой сон, что он видел призывавшего его мужа, просившего помощи, и был он македонцем.

- Нам нужно плыть на тот берег, в Македонию, - попытожил Павел. – Теперь я не сомневаюсь, что на это воля Божия, действительно, есть.

Найти корабль труда не составило. Через два дня путники наши были уже на Балканском берегу.

В портовом городе Неаполе останавливаться не стали, а перешли в город побольше под названием Филиппы. То была римская колония, то есть, бывшее военное поселение. Оно существовало там со времен знаменитой битвы, произошедшей там сто лет назад, когда Октавиан с Антонием одолели Брута и Кассия в отместку за убийство Юлия Цезаря. И с тех пор латинская речь звучала в городе едва ли не чаще греческой.

Город привлек внимание Павла, и он решил остановиться здесь хотя бы на краткое время, чтобы немного отдохнуть после изнурительного пути через всю Азийскую страну.

С самого начала выяснилось, что еврейской синагоги в городе нет. Это в свою очередь означало, что в городе не найдется и десяти еврейских мужчин, старших 13 лет и прошедших обряд бар-мицвы. Но с другой стороны, это значило, что опасность с их стороны маловероятна. Скорее всего, они не знали об Иисусе и о спорах о нем в Иерусалиме.

Кто-то подсказал, что за городом есть дом, где собираются евреи. Павел решил эту общину разыскать. И как только наступила суббота, все четверо направились туда. Домик был у реки, маленький и невзрачный. Собрались там почти одни только женщины. Видимо, как и Евника, то были жены местных язычников. Пример Тимофея доказывает нам, что смешанные браки тогда все-таки бывали, хотя, разумеется, они были редкостью.

Павел и Силуан в тот день провели, наверное, первое в истории этого молитвенного дома настоящее субботнее собрание, с чтением Торы (хотя и в переводе, но это было еще лучше) и с пением, все как положено. Надо думать, восторг местных был полным. И на этой волне состоялся разговор об уже пришедшем Царе Израиля, Которого Бог воскресил из мертвых. Какие-то слухи об Иисусе доходили и до этих мест, но внятно и правдиво эту историю не знал никто. Павел и Силуан хорошо дополняли рассказы друг друга. Слушатели верили апостолам, это было заметно.

Внезапно всех опередила одна солидная, уже не молодая женщина, которая спросила:

- Вот мы верим вам, верим Иисусу. Что нам делать? С чего начать?

- Ну, обычно, уверовавшие омываются святым крещением. Знаете, что такое омовения у иудеев?

- Я родом из Асийских греков, меня зовут Лидия. Я уже давно верую в Бога Израиля, называюсь здесь боящейся Бога. Прошу вас крестить меня сегодня же. И всех вас, - она обратилась к собранию, - призываю креститься. Если мы верим в Бога Авраамова, то должны Его слушаться. Если Он послал своего Сына, значит, нужно его принять.

- Давай их крестим, - сказал тихо Павлу Тимофей, - а завтра, в день Господень, совершим вечерю. И они, уже крещенные, смогут приступить, и нам самим уже пора. Ведь уже месяц прошел, как мы в пути, и ни разу не возносили благодарение.

Павел с этим согласился. Лидию и еще нескольких женщин крестили прямо в протекавшей рядом речке. А когда, наконец, собрание закончилось, Лидия пригласила путников в свой дом. Она занималась

продажей дорогих тканей, и сама была не бедной женщиной, потому могла себе позволить такое гостеприимство.

В ее доме их встретил муж ее, по имени Вар, уже престарелый ветеран из сирийского легиона. Ветераны нередко селились в Филиппах, ведь город был преимущественно римским. Он, выслушав и жену, и Павла, представившегося за всех четверых гостей, сказал им так:

- Я слышал всю эту историю еще на службе в Сирии под началом консула Вителлия. К нему относилась и Палестина, и он знал вести оттуда. Говорили тогда и об этом странном Иисусе, и о том, что префект Иудеи писал о нем цезарю Тиберию. А цезарь предложил внести его в пантеон богов, но сенат не позволил. Но Тиберий запретил преследовать эту вашу секту, или движение. Я помню. И доверяю нашему главнокомандующему. Тиберий был великим полководцем, трижды триумфатором – это же не шутка. После него таких не было еще. Что Гай, этот сапожок¹⁵, что нынешний Клавдий – это все не то. Тиберий понял, что Иисус был не против Римской власти, а что против нее были именно его враги. Тогда еще несколько центурионов в Иудее уверовали в Иисуса, мы все это тоже слышали.

- Да? – оживился Павел. – Один из них встречался с главным учеником Иисуса, с Петром, в Кесарии это было. Мне Петр рассказывал сам.

- Ну да, наверное. Сейчас уж плохо помню. Так что располагайтесь. Считайте, что приму вас с благословения почившего цезаря.

Он показал путникам гостевую комнату. И пока они раскладывали свои нехитрые пожитки, продолжил:

- Иисус был мудрым человеком, что хотел научить своих евреев дружить с нами. Все ж вы пользуетесь римскими подарками. Вот, в Троаду вы шли по дороге, а кто ее построил? Это мы строили. И на Антиохию, и дальше туда на Птолемаиду, и на Кесарию. Все наши легионы. Как туда к Антиохии через перевалы идти, вы все там с нашими отрядами стараетесь ходить. Правильно: где Рим, там безопасность, порядок и закон. Римлян бояться вам нечего. Своих евреев бояться нужно больше.

- Спасибо, достопочтенный Вар, - ответил Павел. – Мы все это знаем, понимаем и ценим. Мы с ним, – он указал на Силуана, - сами римские граждане. Ты прав. Но Богу нашему и Господу Иисусу мы верим не по указу цезаря Тиберия. Иисус – царь всех царей. И всех цезарей. Ни один цезарь не воскрес из мертвых, а Иисус воскрес. И Весть о нем важна сама по себе, даже если новый цезарь, не обладая благоразумием Тиберия, был бы против нее.

- Ну, давай так не будем говорить, - сказал Вар, еще не понимающий в речи Павла подвоха, но опасаящийся всякой крамолы против цезаря. – Ладно, отдыхайте себе с миром.

- Да, дед, конечно, прав, - сказал Тимофей Павлу, когда Вар ушел к себе. – Я сам на себе испытал ужасы той горной дороги и не хотел бы повторять тот путь без римского конвоя.

- Тем лучше, - добавил Силуан, - значит, нам нечего здесь опасаться.

- А знаете, братья, - сказал Павел, - этот дед прямо-таки указал нам стратегию благовестия в этом

городе. Невольно, конечно, но указал. Нам нужно будет говорить с ветеранами, начиная с похвалы цезарю Тиберию. Так и начать: вот вы помните, мол, Тиберия, великого полководца и трижды триумфатора? Ветераны обязательно вспомнят. Ну, а дальше переходить к письму Пилата к Тиберию и все прочее. Если они чтут Тиберия, значит, по меньшей мере, дослушают нас до конца.

- Так все и построим: Тиберий не приказал бы почитать кого попало! – так что ли? – подхватил Лука.

- А почему нет, - отозвался Павел и добавил с улыбкой. – Кстати, в этом городе ты будешь Луций¹⁶, не забудь! Греком тебя будут уважать меньше.

Выбранная стратегия принесла неплохие плоды. Ветераны выслушали апостолов очень благожелательно. История про центуриона Корнилия тоже произвела впечатление на них, так что некоторые уверовали. Постепенно собиралась заметная община. И все же, благовестие в этом городе чуть было не закончилось для Павла трагически.

Неподалеку от дома Лидии, где гостили апостолы, им иногда встречалась некая девица, рабыня, по-видимому, бесноватая. Одного взгляда на Павла было ей достаточно, чтобы у нее происходило вхождение в «духовность». Она начинала кричать каким-то неестественным голосом:

- А, вот они, эти рабы живого Бога! Сейчас они возвестят вам путь спасения! – и начинала заливаться столь же неестественным гомерическим хохотом.

На первый раз Павел, хотя и понял, что она бесноватая, но постарался не обратить внимания. Терпел ее и позже. Но в очередной раз он ее пожалел,

остановился, помолился и сказал, обращаясь не к ней, а к нечистому духу:

- Именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее.

Служанка как-то обмякла, вся наглость с нее спала, она пришла в себя, похоже, не понимая, что с ней было минуту назад. Посмотрев с недоумением на Павла и на себя, она просто молча попятилась и убежала в свой дом.

Апостолы радовались, что Господь совершил еще одно знамение, но вскоре случилось нечто неожиданное. Павла и Силуана, когда они были вдвоем среди города, внезапно схватили воины, потащили к дому местных воевод (городская администрация), а там обвинили в колдовстве. Обвинителей нашлась целая толпа, никаких оправданий слушать не стали, но тут же подвергли бичеванию. Апостолы так и не поняли, на чем основано это обвинение, но вскоре им стало, конечно, не до того. После избияния их бросили в местную темницу и растянули ноги в колоды.

- Вот он, римский закон, вот она безопасность, - простонал Силуан. – Вара бы, этого старика, сюда позвать.

- Если мы попали сюда, значит, Господь нас привел, - отозвался Павел. – И, видимо, для того, чтобы мы сейчас благовестили узникам. Пока мы были на воле, ничего не могли бы им сказать, не могли бы их увидеть.

Этот диалог привлек внимание прочих обитателей этого места. Павел так и сказал, что сам не понимает, за что они сюда попали, а дальше перешел к тому, что и сам Господь Иисус тоже был осужден невинно и распят между двух уголовных преступников. И что

Он и есть надежда всех, страждущих невинно, а всех виноватых приемлет с их покаянием.

Как всегда, одни слушали, другие смеялись. Между тем надвигалась ночь, а мучение от неизменяемой позы (ведь ноги их оставались в колоде) не давало уснуть и становилось совсем уж нестерпимым. Павел, помолившись, вдруг запел псалом. Силуан подхватил, и узники прислушались. Действительно, это звучало крайне необычно. От боли благочестивые люди стонут, а неблагочестивые сыплют проклятиями. А тут вместо этого – песнь Богу. И не успела она кончиться, как раздался сильный удар, может быть, подземный толчок, и запертая дверь отворилась. Правда, никто не смог бы ею воспользоваться, чтобы выйти наружу: все были так или иначе прикованы к своим местам. Прибежал темничный сторож, и с ним другие охранники, потребовал огня. Павел сказал:

- Не волнуйся, все мы здесь.

Однако при свете стало заметно, что колодки на ногах апостолов сами собою раздвинулись. Увидев это чудо, сторож понял, что какие-то небесные силы помогают именно этим двум свежим арестантам, и уже больше не пытался наложить на них новые узы. Теперь он сам расспросил их, за что ни обвиняются, и апостолы вновь рассказали ему о Христе Иисусе. Тогда он их вывел из темницы и привел к себе домой. Это было совсем рядом. Там им омыли раны, оказали необходимую помощь. А сам тюремщик, уверовал во Христа и попросил тут же совершить над ним крещение, понимая, что утро может надолго, если не навсегда их разлучить. Крестился и он, и кто-то еще из его домочадцев.

Бог заступился за своих рабов, впрочем, не только таким чудесным способом. Узнав об аресте апостолов, к воеводам поспешил Вар, сам бывший центурион и человек уважаемый, и попросил объяснить, что происходит. Оказалось, что все обвинение против Павла выдвинули хозяева той самой бесноватой рабыни, из которой Павел изгнал нечистого духа. Она потеряла возможность входить в такое экстатическое состояние, в котором изрекала свои странные пророчества. Мало того, что это выглядело страшно само по себе, но заодно исчезла теперь возможность показывать эту «пророчицу» за деньги, чем раньше пользовались ее хозяева. Вот и возникло обвинение.

Узнав, в чем дело, и поговорив с хозяином этой рабыни, Вар вывел свое заключение:

- Я их знаю ближе, они гостят у меня в доме. Никаким колдовством они никогда не занимались, это по их законам страшный грех. Но мне жена рассказала и про эту историю. Этот Павел просто запретил пророческому духу. Из этого простой вывод: Бог Павла сильнее тех духов, к которым обращалась ваша рабыня. И скорее уж ее нужно было бы обвинять в колдовстве. А заодно и вас самих. Но важнее другое: оба эти еврея имеют римское гражданство. Вы об этом их спросили? Почему нет? А я им еще говорил, что где Рим, там справедливость и порядок. Но вы такие дела творите без всякого судебного разбирательства. По сути, вы сами совершаете уголовное преступление. Теперь-то понимаете, что надо их освободить? И как можно скорее.

К речам Вара вскоре присоединились и другие уважаемые горожане, в том числе ветераны Тиберия,

которые уверовали проповеди апостолов. Зачинщика этого дела хорошенько пристыдили, он сам согласился дело закрыть. Все это в целом привело к тому, что поутру начальнику темницы пришло распоряжение, тайно отпустить апостолов. Но тут сам Павел на это не согласился. Желая сохранить свою репутацию от столь позорного обвинения, он потребовал, чтобы освобождение их соединилось с оправданием:

- Нас, римских граждан, без суда всенародно били и арестовали, а теперь хотят выпустить тайно. Нет, пусть так же и оправдают нас.

Требование Павла было удовлетворено. Воеводы извинились, освободили апостолов и просили их покинуть город. Те пришли в дом Вара и Лидии, через некоторое время оправились от ран и затем простились с братьями. И, конечно, успели рукоположить им пресвитеров, а пресвитерам отдельно преподали наставление, как вести собрание и совершать вечерю Господню. По этому поводу Павел разъяснил Тимофею так:

- Можно сообщить все Евангелие одному человеку и группе людей. Но праздное знание, и даже принятие Вести не будет спасительным. Я это понял еще в те годы, когда до призыва Варнавой в Антиохию проповедовал у себя в родной Киликии на свой страх и риск. Вера сохранится и будет приносить свои плоды, когда верующие соберутся вокруг общей чаши. Чаша собирает общину во едино, в одно тело. И сама община тогда начинает служить Господу, служить благовестию. Иначе простое согласие человека с верой в Христа не даст ни ему, ни другим ничего. А теперь есть надежда, что

община будет и жить, и свидетельствовать. У них вокруг еще широкое поле для евангельского посева.

Глава 7

От Фессалоник до Коринфа

Путь апостолов дальше был не слишком далеким, они направлялись в наибольший город той области – Фессалоники. По дороге Силуан с Павлом беседовали о преимуществах и недостатках римской правовой системы.

- Нельзя, конечно, отрицать, - говорил Силуан, - что в целом при римлянах порядка больше, чем совсем уж без них. Но видишь, сбой может случиться в самый неожиданный момент.

- Если бы не этот сбой, - отвечал Павел, - я бы сказал, что здесь почва для проповеди наиболее благоприятна. Может, это не потому, что они – римляне, а потому, что они – воины. Хорошо, что они понимают долг и слово. Поняли – выполнили. Осознали, что Бог – Творец, - у них не остается вопроса, служить Ему или нет. Господин сказал – раб выполняет. Они не мучатся кучей лукавых вопросов, а почему это, а действительно ли то. И греки, и евреи постоянно этими вопросами задаются. У римлян в языке есть слово «дисциплина». И даже не найдешь, как его точно перевести на греческий.

- Боюсь, что в силу этой самой своей дисциплины, они могут отвлечься от Христа, едва только зашевелится их орел на шесте. Или так и будут про себя поклоняться орлу. Подобно тому, как Тиберий из уважения к Иисусу согласился признать его богом. Трехтысячным по счету. Тебе это понравится?

- Я надеюсь, благодать все-таки коснется сердец этих людей, – ответил Павел. - И от этого Господь их сохранит. Хотя ты прав, такая опасность существует.

И обернувшись к Тимофею, он добавил:

- Вот, как ты думаешь, если завтра придут к ним в Филиппы такие, как ваш этот Захария, и начнут им про обрезание внушать, - большой будут иметь успех? Расколют они общину или нет?

- Да кто ж это знает? – удивился Тимофей.

- Я вот чувствую, что вряд ли. Ну, переспросят что-нибудь. Да, кроме того, теперь-то филиппийцы знают решения собора апостолов об обрезании. Я дал пресвитерам его переписать.

- О, эти иудеи к тому времени еще что-нибудь придумают, - с грустью сказал Силуан.

- В Фессалониках должна быть большая еврейская община, - сообщил Павел. – Вероятно, нам придется начать с нее.

- Что ни говори, - продолжил Силуан, - а ненависть неверующих иудеев опаснее. Они постоянны и настойчивы. Когда они поймут, кто такой Павел, Шауль-Тарсянин, пощады не жди. Они ж со следа не сойдут, как собаки охотничьи.

- Ну вот, милостью Божией мы покуда живы, и то хорошо, - отозвался Павел. – Не угадаешь, с какой стороны придет опасность. От целого синедриона или от какой-то бесноватой рабыни. Зато мы знаем, что пока опасности приходят и уходят, скоро придет Господь. И уже не уйдет. До Его возвращения нужно выполнить Его поручение. А что до Фессалоникских иудеев, может быть, они еще не слышали Благоую Весть? Попробуем с них начать. А там, может, какие-то прозелиты найдутся. Через них выйдем на эллинов.

- Да, согласился Силуан, - путь это опасный, но по-другому никак не получится. Иначе, как с еврейской общины, нам не начать.

- И не должно быть иначе, - ответил Павел. — Именно нашим еврейским братьям должно принадлежать первое наше слово, ибо это слово — Господне. Он Сам начал со своего народа, лишь потом присоединятся другие народы. Это Его порядок, Божий. Как бы опасен он ни был для нас.

А Тимофей шел и думал, почему же такая важная и спасительная весть о вечной жизни, о примирении всех людей во Христе, о прощении грехов, о воскресении мертвых, почему она встречает столь сильное сопротивление и у евреев, и у греков, и у римлян. И у родных ликаонцев. Он уже и Павлу задавал этот вопрос, но ответа здесь не знал никто. Кроме одного малого обстоятельства: Иисус это предсказывал.

В Фессалониках апостолы смогли на некоторое время снять себе жилье (щедрость Лидии дала им эту возможность) и в ближайшую субботу пришли в синагогу¹⁷. Пришельцам там не слишком удивлялись: город был большой, стоявший на торговых путях, пришельцы здесь были не в диковинку. Апостолы тихонько заняли места сзади: Лука среди прозелитов, остальные трое среди обрезанных. В собрании решили дожидаться ключевого слова. Когда весь чин собрания завершился, кто-то из присутствующих стал вслух мечтать о временах Мессии. Тут Павел подтолкнул Силуана, тот встал и сказал:

- Братья, а хорошо ли мы знаем учение пророков о том, как придет Мессия? Помните ли вы, что по пророчествам Ему надлежит пострадать и даже принять смерть, а затем воскреснуть из мертвых?

- Что за пророчества такие?

- Ну, вы Даниила читаете? Он исчисляет время пришествия Мессии от указа о восстановлении Иерусалима. Кстати, эти седмины лет по его счету уже вышли к нашим временам. И говорит, что по истечении срока, *предан будет смерти Христос, и не будет* (Дан. 9, 26), а *город и святилище будут разрушены*. Как так и предан смерти, и не будет предан? Вы же верите, что Мессия бессмертен. А как он бессмертен, если надлежит ему умереть? Только так, что пострадает, умрет, а затем воскреснет из мертвых. Никогда не слыхали об этом, не задумывались?

По лицам некоторых стало заметно, что эту историю они слышали, и понимали, кто имеется ввиду. Один раввин ответил:

- Сначала придет Мессия страждущий. На нем исполнятся эти пророчества. Может быть, это вернется Илья-пророк, или другой в силе Ильи. А потом придет Мессия с Царством славы.

- А что если страждущий Мессия уже приходил? – вмешался Павел. - Уже почти двадцать лет, как об этом всюду говорят. Может, он приходил, да вы не разглядели его? И в каких книгах написано про двух Христов?

Начальник синагоги на этом вмешался, провозгласил вопрос спорным и тихонько закруглил собрание. Но главное было сделано. Мысль была засеяна в умы. Павла и Силуана спрашивали во дворе. Люди подходили, задавали вопросы. Впервые Тимофею пришлось отвечать и самому, а не только слушать ответы Павла. На некоторые вопросы он уже знал ответ.

В ходе этих бесед вне стен синагоги апостолы не только приобрели первых слушателей и даже учеников, но сумели найти себе кров и работу. В большом городе постоянно требовались всякие грузчики и поденщики. Апостолы решили кормиться трудами своих рук и ждать следующей субботы.

А в следующую субботу в собрании Павел вспомнил книгу «Премудрость Соломона». Не все, конечно, даже в те времена признавали ее. Но все-таки в ней содержались ясные слова о воскресении мертвых, которые вкупе с другими немногими словами писаний говорили о воскресении и о посмертных воздаяниях хотя бы что-нибудь. Поскольку с фарисейской подачи эта вера у евреев становилась все более популярной, то решительно отвергать книгу «Премудрости» никто напрямую не решался. Она даже была в библиотеке синагоги, и один из раввинов ее достал. Павел прочитал первые две главы. Впервые книга эта прозвучала в собрании и произвела сильное впечатление:

- Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в делах против закона...и называет себя сыном Господа... Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, каков будет исход его... Осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет. Так они умствовались и ошиблись, ибо злоба их ослепила их, и они не познали тайн Божиих¹⁸... - И закончив чтение, Павел спросил:

- И как вы думаете, про кого это сказано? Не напоминает ли вам это чтение ту историю, что свершилась двадцать лет назад в Иерусалиме?

И пока собрание онемело на минуту, он перелистал книгу и прочел еще:

- *Праведник, умирая, осудит живых нечестивых... ибо они увидят кончину мудрого и не поймут, что Господь определил о нем и для чего поставил его в безопасность. Они увидят и уничтожат его, но Господь посмеется им*¹⁹...и Павел подытожил чтение вопросом. - Разве это не о воскресении из мертвых казненного праведника?

Под раздающиеся с разных концов возгласы удивления Павел прочитал и следующее:

- *Тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицем тех, кто оскорбляли его и презирали подвиги его, они же, увидев, смятутся великим страхом, и изумятся неожиданности спасения его, и, раскаиваясь и воздыхая от стеснения духа, будут говорить сами в себе: это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием, и кончину его бесчестною. Как же он причислен к сынам Божиим, и жребий его со святыми?*²⁰ – Павел вновь обвел всех взглядом:

- Мы видели своими глазами, о ком это сказано. Мы видели его воскресшим из мертвых. Смотрите, как точно и ясно исполняются пророчества. И никак их объяснить иначе нельзя, как воскресением праведника, казненного грешниками.

Павла поддержал Ясон, тот самый законоучитель, что достал книгу Премудрости. Он и сам, видимо, впервые задумался, что смысл первых глав книги может заключаться в совершении событий, совсем недавних по времени. Многие другие присутствующие откликнулись на речь Павла одобрительно. И опять был долгий разговор вне синагоги, под конец которого Ясон пригласил апостолов к себе и предоставил им кров.

Теперь разговоры о Боге и о Христе Его пошли у апостолов с разными приходящими людьми прямо в будние дни. Иногда их отыскивали прямо на работе. Каждый вечер к Ясону приходил кто-нибудь, желая задать вопросы апостолам.

Третья суббота в синагоге уже явно переключала внимание с начальника собрания непосредственно на Павла. Впрочем, Павел вел себя подчеркнуто почтительно, слова не просил, тихонько сидел в задних рядах, стараясь не привлекать к себе внимания. Однако под конец, его спросили прямо и лично:

- А в более древних и авторитетных книгах есть ли более ясные пророчества о Мессии?

- Начиная с избрания Авраама, - ответил Павел. – Написано, что Бог дал Аврааму обетование: в тебе, точнее в семени твоём, благословятся все народы земли. Авраам и был избран для этого, чтобы в его семени, в его потомстве благословение пришло всем людям. А что это за благословение?

- Знать Единого Бога и чтить Его закон, - ответили из рядов.

- Конечно. Именно так, - продолжил Павел. – Благословенное семя Авраамово – это не мы все, а это один и главный его потомок. Сколько ни жило нас, евреев на земле, не приходило благословение Авраамово язычникам. А с явлением Мессии оно пришло и идет. Поверить в Бога Израиля людям других народов помогает Иисус и его дело. Когда они слышат о Нем, то веруют в него и в пославшего его Отца, Бога отцов наших. Дух святой Божий по всем местам подает им знамения силы Христа и правоты его. Мы свидетели этому.

Тут слово подхватил Тимофей, рассказавший, как в Листре на его собственных глазах Павел исцелил хромого Гермаса, не владевшего ногами с детства.

- ...И с того дня я сам поверил в Иисуса, как Мессию. Потому что чудо свершилось призванием его имени, - закончил Тимофей свой рассказ.

Видя напряженное внимание присутствующих, Павел наизусть зачитал им главный для проповеди текст:

- ... Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши, наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас²¹...

- Видите, невозможно было более точно и подробно изложить эту историю людям за многие века до совершения самих событий.

Тут раввины не выдержали:

- Это сказано о еврейском народе в целом. Наш народ, Израиль, страдает за грехи всех язычников, чтобы Всемогущий еще терпел их на земле.

- Неправда, - возразил Павел. — В самом же этом пророчестве говорится, что Праведник страдает за грехи людей Моих. Один человек страдает за грехи народа. Он — Праведник, его жертва чиста, она принимается. А грешник, который сам нуждается в прощении и помиловании, за другого такого же грешника пострадать не может. Каждый из них страдает за свои грехи.

Раввины сбили этот разговор, перейдя, как говорится, на личности:

- Кто ты такой, Шауль? И кто тебя учил? Неужели ты мудрее признанных раввинов? И почему Гилель

или Шамай об этом не говорили? Почему ты один выставляешь себя мудрее всех?

Вопросы сыпались со всех сторон. Павлу не дали оправдаться или объяснить. Собрание было закрыто, спор отчасти продолжился во дворе. Кончилось тем, что сторонники апостолов собрались в доме Ясона. Здесь впервые Павел предложил каждому из новых верующих принять крещение. Сказал им еще раз последовательно всю суть благой Вести, вплоть до ожидания скорого возвращения Господа.

На следующее утро, в день Господень, уверовавших крестили. Собралось достаточно много людей, мужчин и женщин, притом не последних людей города. После крещения первый раз совершили вечерю Господню. И вновь Тимофей смотрел на этих людей, слушал благодарение Павла, и перед глазами его все проходило, словно в первый раз, как тогда в родной Листре. Он в полной мере входил в чувства уверовавших, радовался за них так, как будто сам вместе с ними возродился в святой купели.

Однако радость эта оказалась недолгой. Четвертую субботу в Фессалоникской синагоге апостолам встретить уже не довелось.

Не уверовавшие их проповеди иудеи, по-видимому, обсудили вместе происходящее и выяснили отношение Иерусалима и синедриона к христианской проповеди вообще и к Шаулю в частности. Вскоре у них родился план, как легально устранить этих конкурентов. Решили выдвинуть перед властями города политическое обвинение, что, дескать, апостолы, признавая царем какого-то Иисуса, тем самым отвергают власть цезаря и

подстрекают к бунту. Набрали на площади каких-то оборванцев, которые готовы были за малые денежки скандировать любой лозунг. И вся эта толпа вкупе с представителями власти, пошла к дому Ясона арестовывать апостолов. Но их там не оказалось. Они были на работе. Кто-то успел их предупредить, кто-то из своих успел их спрятать. Не найдя «возмутителей» в доме Ясона, повлекли к ответу его самого. Но Ясон был человек, известный в городе. К тому же и еще несколько уверовавших прозелитов вступились за него. Обвинение в подготовке бунта не имело ни малейшего основания. Градоначальник счел наиболее разумным толпу распустить, а Ясона освободить под залог. Однако с условием, что его гости немедленно исчезнут из города.

Впрочем, уговаривать апостолов не было необходимости. После горького опыта в Филиппах они понимали, к чему дело клонится. Вдобавок и сам Ясон попросил его разгрузить от такой надвигающейся опасности и тяжести. Единственное, в чем он смог помочь, это найти проводников до ближайшего города Верии. Еще затемно апостолы отправились туда.

- Интересно, сколько еще нам вот так мотаться по городам от одного гонения до другого? – спросил Тимофей Павла по дороге. – Мы ведь, по сути, ничему не успеваем их научить. Даже у нас в Листре вы с Варнавой пробыли дольше. Но и это нас совершенно не избавило от тяжелых сомнений, едва только вы нас покинули. А здесь огромный город, община собралась не малая, но дело брошено даже не на половине, а в самом начале.

- А что делать? – ответил Павел. – Ты можешь что-то предложить? Каждый раз говорим в синагоге мы с

Силуаном, и сразу на нас начинается охота. Тебя пока еще не хватали и не били.

Они помолчали. Тимофей – стыдливо потупившись, а Павел, размышляя.

- Ну вот, кстати, если хочешь, - первым сказал Павел, - ты и закончишь начатое здесь. Ты вернешься в Фессалоники, найдешь Ясона, расскажешь общине про искушение законом. Про все то, что вам этот Захария говорил. Ты помнишь? Перечитаешь им мое письмо к вам. Оно у тебя еще сохранилось?

- Да.

- Ну и отлично. Ты уже многое видел. Поможешь им наладить отношения с общиной в Филиппах. Пусть они присмотрят себе пресвитеров, кто сгодился бы на такую роль. Ну и главное: ты в эти дни возглавишь у них благодарение.

- Я? – так и охнул Тимофей.

- Да, ты. Тебе уже пора. Я сам наблюдаю за тобой, как ты молишься, как принимаешь хлеб и чашу. Думаю, что ты сможешь. У тебя хороший настрой. Обучишь и их пресвитеров.

- Мне учить старцев? – снова удивился Тимофей.

- А почему нет? – ответил Павел. – В Господе ты старше их на четыре года. У тебя больше опыта проповедника. А мы с Силой (так он иногда уменьшительно называл своего спутника) не вечны. Каждый следующий город может оказаться для нас последним. Вы же с Лукой продолжите наше дело. До возвращения Господа слово о Нем должно быть разнесено повсюду. Это – наша задача, нам поставил ее Он сам. А ваша задача – поддержать и взрастить посеянное нами.

Тимофей, хотя и испугался немного, но все же ощутил неимоверную радость. Предстать Господу пред всей общиной, вознося Ему благодарения и молитвы... Часы собраний стали уже давно самыми радостными в его жизни. А тут – вести это служение самому. Что могло быть прекраснее и вожделеннее?! Однако, помолчав, Павел предупредил его:

- Знаешь, сынок, ты только сам в синагогу больше не ходи. Иначе и ты пробудешь в общине недолго. Хорошо, если еще жив останешься. Собирайтесь по уже найденным домам верных людей. Там будешь их учить, и молиться вместе будете. Там и совершай благодарение. А Весть они пусть разносят дальше сами. Из уст в уши. От одного к другому. В основном среди необрезанных. Обрезанные знают Весть лучше, и не только из наших уст. Пусть примут ее. В этом их главная трудность, а не в том, будто чего-то не знают. А уж синагоги «вскрывать» проповедью - это наше дело. Более опасное, как видишь.

В Верию апостолов проводили к одному знакомому, у которого без долгих объяснений они были оставлены на постой.

В ближайшую субботу они пошли в синагогу Верию. Улучив момент, Павел вновь говорил о том, что Мессия должен был страдать, и это предсказано в Писаниях. На этот раз слушатели оказались более рассудительными. Нельзя сказать, будто они слепо стали верить Павлу, но они крепко верили Писанию, и решили разобраться в этом вопросе досконально. Одного дня им не хватило, и они даже не стали ждать до следующей субботы, а собрались прямо на следующий день. Павел знал Писание лучше их. И показывал им места из разных священных книг, уже не только из Исаии и Даниила, но и из псалмов.

Много говорили и о воскресении мертвых вообще, прежде всего, по книге Иезикииля. Тимофей только дивился обширности знаний Павла в законе и пророках. Действительно, многим евреям и прозелитам он сумел открыть глаза на священные книги с той точки зрения, о которой они прежде не догадывались.

Но эти ежедневные собеседования долго не продлились. Фессалоникские иудеи, жившие, в общем-то, совсем близко, прослышали о Павле и двинулись в Верию, чтобы здесь донести на него, обвинить в какой-нибудь подрывной политической проповеди. И на этот раз апостолы поняли, что Павла нужно срочно отправить подальше. Его быстро переодели, собрали в дорогу и отправили кружным, запутанным путем внутрь полуострова на Афины. С ним пошел и Лука. А Тимофей с Силуаном задержались на некоторое время в Верии. Гости у верных, они рассказали им об Иисусе и связанным с ним событиях, а также об отношении Павла к закону. Как мы знаем уже, это отношение было сложным. Начиналось оно, как увидели уже верующие, с глубокого знания Писания, продолжалось через опыт Павла в проповеди, а заканчивалось через откровения обо всем этом, полученные им по ходу этой миссии. Силуан и Тимофей крестили уверовавших, а затем, согласно наказу Павла, готовились отправиться вслед за ним в Афины, но, конечно, обещали вернуться.

Впрочем, Павел с Лукою пошли в Афины не одни, а с провожатыми из македонян. Те вернулись в Верию и рассказали Тимофею и Силуану, где искать Павла в этом большом чужом городе. Лишь после этого Силуан с Тимофеем вышли в путь.

И снова горная пыльная дорога, долгие переходы и невеселые мысли. Прошло уже много времени в путешествии, наступила осень. Тимофей не раз успел уже стосковаться по дому, а все не имел случая дать о себе весть матери. Между тем, дорога вела его все дальше, и было совершенно не понятно, когда еще удастся ему вернуться. Да и сама проповедь, точнее, ее результаты, не вызывали больше у Тимофея прежнего восторга и очарования. Нигде не получалось задержаться надолго. В еврейском ли собрании, или не в еврейском картина была примерно одинакова: сколько-то слушателей успевают уверовать, а дальше разражается гроза, и надо как-то спастись бегством. И зачем только Павел выбрал себе такую жизнь! Да, пока основную тяжесть он берет на себя. Евреи ненавидят, в первую очередь, именно его. Но когда-то, в любом следующем месте эта злоба может распространиться на любых его спутников.

Обо всем этом Тимофей не хотел делиться с Силуаном, чтобы не выглядеть трусом. Он поделился с ним другою и тоже тревожною мыслью:

- Видишь ли, брат Силуан, если вы с Павлом сравниваете свою проповедь с посевом, то вот, я и есть первый плод такого посева. Я принял Павлову проповедь и могу судить о ней с этой стороны, со стороны общины новых христиан. Понимаешь?

- Ну да, а что?

- А то, что это довольно тяжело: принять Благоую Весть и дальше остаться через месяц или даже неделю одним. Апостолы ушли, спросить некого, а мы все по времени в Господе ровесники, ни старшего, ни младшего... Я вот, не знаю, как у нас там сейчас в Листре Афродисий справляется. Как у

Лидии в Филиппах? Кто придет, кто поможет? Засеем – и вынуждены бросать свои посевы. Ну, хотя бы мы всю вселенную пробежим, а дальше-то что?

- А дальше их Дух Святой наставит, - отозвался Силуан, - и другие благовестники тоже. Да, нужно время, чтобы подрасти. И общины растут, хотя и трудно. Вот, ты же сам был в Антиохии Сирийской, видел, как там? А начиналось все точно так же, с очень маленького кружка одиноких людей. Там ведь не с синагоги началось, там сирийцы и греки как-то сами расслышали проповедующих братьев. Им-то каково было? Пока Варнава не пришел.

- От этой Антиохии и до Иерусалима не так далеко было. И апостолы туда ходили, и сам Петр, и другие. И по серьезным вопросам туда то и дело посольство какое-нибудь наряжалось. И главное, гонения на христиан там не было.

- Пока не было, - ответил Силуан. – Мы и про завтрашний день ничего не знаем. Мы знаем, что близок День Господень. И надо успеть выполнить Его задачу.

Тимофей знал, что этой мыслью разговор и должен завершиться, как это и прежде бывало. И все же ему требовались периодически эти человеческие утешения в человеческих трудностях.

Когда встретились с Павлом и Лукою в Афинах, отдохнуть тоже не получилось. Впервые попав в столь большой и знаменитый город, какой вроде бы и искали апостолы, целый месяц бредя по просторам Азии, по ту сторону проливов, - не видели они теперь возможности здесь остановиться. Павлу город не

нравился. Он уже пробовал здесь проповедовать, но не встретил отклика.

- Здесь, братья, не получается пока нам найти своего слушателя. Синагоги тут нет, а местные эллины достаточно умны своим особым умом, а главное им надменны. У них нет искания Бога. Сами видите неисчислимые их святилища всем богам их, и чем больше кумиров, тем меньше в них верят. Пресыщенные множеством своих божеств, они увлекаются своей философией. Но и ей увлекаются лишь поверхностно, только почесать себе уши и мозги. Они находят удовольствие в том, чтобы убедительно доказать одну точку зрения, и сразу же после этого столь же убедительно ее опровергнуть. Кто умеет две такие речи соединить рядом, получает у них похвалу. Он мудрый, софист, диалектик. Но от веры все это очень далеко. Нам нужны те слушатели, которые хотя бы как-то ищут истину, и относятся к ней с трепетом, кто ценят ее и жаждут. Блаженны жаждущие правды. А эти с истиной как будто играют. Даже согласятся вроде с проповедью, а ценить ее, жить ею не станут.

Рассказ продолжил Лука:

- Вот Павел попробовал благовествовать им прямо в их философском собрании. И так обиняком начал, что, мол, есть у вас тут жертвенник неведомому богу, и я, дескать, вам его и проповедую. Потом о сотворении мира начал говорить, о создании всех людей от одного предка. А как до покаяния и до воскресения из мертвых дошел – так дальше слушать его не стали.

- Ну, да, - подтвердил Павел. – Я же говорю: умом и сердцем они напрягаться не хотят.

- И что теперь делать? Ты что-нибудь придумал? - спросил Силуан.

- Не говори так. Я придумать много чего могу. Но я не на это надеюсь, не на свои планы. Я слушаю. Ты же знаешь. И знаешь, Кого слушаю.

- И слышно что-нибудь?

- Пока нет. Думаю, пока у нас средства есть, еще немного есть, нам надо перебраться отсюда в Коринф. Это совсем рядом, по ту сторону перешейка, - он указал рукой на запад. - Но там, я слышал, есть и община еврейская, и синагога. Там местная римская администрация, там порт, торговля большой, жизнь кипит. Это - столица провинции Ахаии. Может быть, там что-то нам Господь укажет.

- Ну, ты помнишь уже, что время наших выступлений в синагоге не превышает трех суббот подряд, - сурово напомнил Силуан. - А потом побиевание камнями или бегство. Куда дальше побежим? Обратно в Македонию? Морем мы отсюда не доберемся никуда: пути длинные, навигация кончается, да и летом у нас денег не хватило бы доплыть ни до Рима, ни до Африки.

- Все верно, - сказал Павел. - В этот раз мы придем туда потихоньку. В портовом торговом городе нам будет проще найти и жилье, и работу. Перезимуем в тишине. Познакомимся с людьми. Пойдем и в синагогу, но о Христе пока помолчим. Сначала выстроим с людьми какие-то отношения. Чтобы нас знали дольше, чем три недели. И, конечно, я понимаю, что в Македонии мы дело наше бросили не оконченным, на полдороге. Это плохо. Это нужно исправить. Как-то обустроимся в Коринфе, а пока и там пыль уляжется. И через недельки три, может, как Бог подскажет, вы с Тимофеем вновь сходите туда,

согласны? Я уже говорил с Тимофеем. И в Фессалоники, и в Филиппы.

- Ну, хорошо, - согласились Тимофей с Силуаном, который добавил. – Если только все это Господь благословит, потому что из этого полуострова дорога по суше только одна: в Македонию, где тебе появляться достаточно опасно. А морем уходить – нужно ждать до весны. Мы оказываемся почти в ловушке.

- Вот я и говорю, - подтвердил Павел, - сейчас нужно немного сменить стратегию. Выжить, устроиться, осмотреться, опереться на каких-то людей, но главное, за это время нужно понять волю Господа. Расслышать указание Его Духа.

Апостолы так и сделали, как решили: пришли в Коринф. Еврейская община здесь была не малая, почти такая же, как в Фессалониках. Апостолам не составило большого труда сразу найти местных евреев и познакомиться с ними. Не вдаваясь в особые подробности, и, конечно, не сообщая подлинных целей своего прибытия, они спрашивали о том, как найти здесь жилье и работу. Довольно быстро нашелся здесь один зажиточный человек, еврей с римским именем Аквилон, сокращенно Акила. Он тоже был странником-изгнанником из Рима. Совсем недавно цезарь Клавдий велел всем евреям покинуть столицу – и как раз из-за споров о Мессии. Павел, узнав об этом и познакомившись с Акилой, предложил ему свои услуги в качестве работника. Акила имел уже здесь свою мастерскую по изготовлению армейских палаток. Дело приносило кое-какой доход, потому что продукция была востребованной, и римляне платили за нее хорошо. Павел знал это дело и нанялся к Акиле на работу,

причем для начала работал только за хлеб и постой. Для Луки, как врача, работа нашлась бы везде. Силуан и Тимофей вскоре готовились в обратный путь.

Все устраивалось, как и планировал Павел. Тимофей еще раз убедился, что для какого-то прямого вторжения или откровения Божьего требуется, чтобы сначала ситуация оказалась совершенно безвыходной. А пока человеческие решения сами собою вызревают, Господь невидимо наталкивает своих рабов на них, просто подавая им хорошие, правильные мысли.

В день Господень, оставшись в своей небольшой комнате вчетвером, апостолы решили совершить вечерю евхаристии вот в таком малом составе. По преломлении святого Хлеба, Павел и Силуан намеревались возложить руки на Тимофея, преподав ему благословение на новое служение.

- Это вы меня пресвитером хотите сделать или апостолом? – спросил Тимофей.

- Похоже на то. Но ни то, ни другое, - ответил Павел. Апостолом обычно именуют того, кто лично видел Господа Иисуса по воскресении, и особенно, кого при этом сам Иисус послал на проповедь. А пресвитер не странствует, а пребывает в своей общине. Ну, и действительно, старейшина-пресвитер и не должен быть молодым. А ты станешь священником Господа Иисуса, чтобы мог возглавлять собрание, как пресвитер²². И чтобы мог наставлять желающих принять крещение и крестить их. При нужде и пресвитерам подскажешь то, что запомнил сам.

Тимофей, действительно, помнил общий порядок проведения евхаристического собрания, план молитв,

как и за что молиться. Конечно, тогда и апостолы, и все пресвитеры молились по откровению и вдохновению, своими словами, но общий порядок и канва вечери уже сложились сами собой, и их стремились сохранить.

На всю жизнь запомнил Тимофей эту вечерю, как он склонился на колени перед крохотным столиком с хлебом и чашей, а апостолы возложили руки на главу его и молились, чтобы даровал ему Господь дар слова и дар молитвы, и чтобы служение его назидало верующих и умножало церковь. И Павел, и Силуан уже прозревали, что начатки этого дара у Тимофея уже есть. Теперь ему предстояло самостоятельное служение в качестве такого странствующего пресвитера.

Укрепившись духовно и с миром простившись, апостолы разделились. Силуан с Тимофеем отправились назад, в Македонию, и им предстояла целая неделя пути. Павел с Лукой собрали им на дорогу буквально все последние деньги, рассчитывая сами заработать своими руками в Коринфе. По дороге Силуан и Тимофей тоже договорились разделиться. Силуан, как более сведущий в писаниях, понимал, что ему нужно поднять и организовать общину в Верии, где апостолы пробыли всего-навсего дней пять. Тимофею же надлежало добраться до Фессалоник, пойти к Ясону, собрать общину там, а дальше действовать по обстановке. А потом еще, по возможности, посетить и Филиппы. В Верии братья расстались.

Ясон радушно встретил Тимофея, измученного длинным переходом, совершенным впроголодь. Однако теперь община собиралась не в его доме. Сам он был под подозрением и непрерывным надзором. В

обстановке, нагнетаемой неверующими иудеями, быть одним из них и при этом верить в Иисуса как Мессию было уже очень сложно. Тимофей просто еще не успел, как говорится, намозолить глаза жителям Фессалоник. Верующим из эллинов было проще: ведь иудеи прежде всего заботились о чистоте своих рядов, не обращая большого внимания на тайные сходки язычников. Поэтому все церковное собрание переехало теперь в дом Аристарха, одного из уверовавших прозелитов и первого кандидата в пресвитеры. (Пресвитеров в Фессалонике апостолы еще не успели рукоположить). Рано утром в день Господень община собралась у него. Тимофею обрадовались, его засыпали вопросами. Главным образом, христиан интересовал его собственный путь. Почти никто из них не знал о Ликаонской стране за Азией и Вифинией, не говоря уж о его родном селении. Тимофей рассказывал и о Павле, и о Варнаве, и о себе. Много было разговоров и об искушении законом и обрезанием – со стороны иудейских братьев.

Среди всех расспросов Тимофей вспомнил о главном, что должно быть совершено в день Господень. Он перевел свою речь на смысл вечери Господней – этого священного воспоминания искупительного страдания Христа. Так получилось, что совершение вечери здесь произошло лишь однажды – после крещения уверовавших. А потом апостолы были изгнаны. И вот, Тимофей все рассказывал им, как был научен Павлом, что веру свою христиане могут сохранить только в общине, помогая друг другу и вместе свидетельствуя окружающему миру о Христе. А община собирается вокруг общей чаши Господней и ею же хранится

сама. Павел не раз говорил, что это понимание вечери пришло к нему непосредственно от самого Господа, когда он, проповедовавший прежде самостоятельно, по зову Варнавы впервые присоединился к общине в Антиохии²³. Тогда он понял и почувствовал великий смысл и действенную силу вечери Господней. Пока Тимофей повторял эти простые и давно уже осознанные им мысли, он едва успел заметить, как притихло собрание, с каким напряженным вниманием оно смотрит на него, еще столь юного, но словно отмеченного особой печатью. И заметив это, он перешел к главному.

Первый раз вознес он благодарение Богу над хлебом и чашей. Молился не по-ораторски гладко, иногда сбиваясь в словах, но вдохновенно и искренне, обращаясь к Господу, словно стоящему прямо здесь. Раздробил святой хлеб, опасаясь, что может не хватить на всех. И вот, впервые повернулся к людям. И был поражен еще больше. До этого на вечери он не видел ничего, кроме чаши и спины молящегося Павла. А теперь видел, вынужден был видеть глаза верных, приступающих к чаше, жаждущих единения с Господом. Он едва только успевал произносить:

- Кровь Христова, чаша жизни, - устами, которые теперь едва слушались его. Глядя на эти лица, в эти глаза, он радовался тому, как Господь посещает их. Он сам словно прикасался духом к этим душам, жаждущим обновиться, освятиться, воскреснуть к жизни вечной от этой священной трапезы. И он продолжал молитву по чину:

- ...Как этот хлеб... рассеянный в зернышках по полям и горам... был собран отовсюду, чтобы стать одним хлебом на трапезе Твоей,.. так да соберется

церковь Твоя от четырех ветров в Царство Твое... Церковь Иерусалима, церковь Антиохии, церкви Дервии, Листры, Иконии, церковь в Филиппах, в Коринфе, и здесь... да соберется в Царство Твое, да совершится в любви... Да перейдет мир сей. Да придет благодать. Маранафа, аминь²⁴.

Присутствие Божие словно волною накрыло все собрание. По окончании молитвы Тимофей едва стоял на ногах, не от физического изнурения, но от переполнения духовного. Он видел, чувствовал каждым волоском и каждой клеточкой тела, что благодать Божия коснулась всех, бывших здесь.

Собеседования с людьми продолжались у Тимофея и позже, ежедневно. Ему не было ни нужды, ни возможности зарабатывать на хлеб своими руками. На многие вопросы Тимофей не знал ответа. Особенно это касалось предсказаний о будущем возвращении Господа Иисуса во славу. Когда это свершится, как нужно готовиться к этой встрече, как ее приближать, будут ли еще умирать, ожившие духом во Христе. На особом клочке папируса Тимофей помечал все вопросы, на которые не знал ответа, намереваясь передать их Павлу.

Тяжело приходилось тем, у кого из-за христианской веры возникали конфликты в семье, с неверующими родственниками. Вся община жила под угрозой, что эти неверующие могут сострять какой-то донос на всех. Да еще и объединившись с неверующими иудеями.

Спустя недели три посетил Тимофей и Филиппы, некоторое время погостил у Лидии с Варом. Здесь община жила пока еще в более благоприятных условиях. Тимофей за это время познакомился ближе

с одним из наиболее деятельных в проповеди филиппийцев. Его звали Епафродит. Он сумел уже многим своим знакомым убедительно и доходчиво проповедать Весть об Иисусе Христе. По благословению Павла Тимофей крестил нескольких из них, кто уверовали.

Все это время Тимофей искал человека, собирающегося идти через проливы и Троаду на Антиохийскую дорогу, чтобы могли передать от него весть в родную Листру. Но пока таких не находилось. Оставалось возвращаться к Павлу с выполненным поручением. Епафродит проводил Тимофея до Фессалоник и познакомился с тамошними христианами.

И филиппийские и фессалоникские христиане собрали пожертвования на миссию Павла. Чтобы безопасно доставить Тимофея с деньгами в Коринф ему дали провожатых. То были Сосипатр из Верии и Секунд, вольноотпущенник из Фессалоник. Встретившись с Силуаном в Верии, они намеревались далее отправиться в Коринф. Но прежде Силуан, как апостол, рукоположил пресвитеров: Ясона, Аристарха – в Фессалоники, Сосипатра – в Верию, и Епафродита – в Филиппы²⁵.

Силуан рассказал, что тоже не потерял этого времени даром. К синагоге он, как и Тимофей, больше не приближался, но с верующими, оставшимися от проповеди Павла, беседовал много и укрепил их. Совершил там и крещение, и вечерю Господню. Короче сказать, дело апостольской проповеди, не довершенное из-за гонений, теперь было доведено до той точки, когда родившиеся общины могли бы дальше жить уже сами. К тому же они установили живое общение между собою.

Глава 8

Послания к Фессалоникийцам

Дойдя до Коринфа, Силуан с Тимофеем нашли Павла и Луку в добром здравии и относительной безопасности. Павел синагогу посещал, больше слушал, общался с иудеями, но пока не проповедовал об Иисусе публично. Ограничивался рассуждениями об отдельных местах из Писания, ответами на отдельные вопросы. Иудейская молва еще не дошла до этих мест, лично Павла там еще не знали. Тем самым передышка была получена, а дело благовестия в Македонии кое-как завершено.

Получив пожертвования от македонцев, Павел весьма обрадовался и поделился с Силуаном и Тимофеем таким рассуждением:

- Будем жить скромно и трудиться своими руками. Часть этих пожертвований возьмем себе на дорогу, а большую часть надо отдать святым в Иерусалиме. У нас с Иаковом был об этом договор еще до собора. Наша миссия признается в Иерусалиме, а мы с христиан собираем пожертвования на них.

- А иначе вот эти Захарии и вообще всех нас проклянут? Так что ли? – спросил Тимофей.

Павел тяжело вздохнул:

- Не знаю. Но, в общем, за свою миссию и проповедь нам нужно платить не только терпением гонений и изгнаний. Но и вот так. А просить с людей вроде неудобно, только что познакомившись. Поэтому и нужно пожить подольше, как-то

сдружиться. Чтобы нам поверили, поняли всю историю с ревнителями закона, которая только завершилась Иерусалимским собором. Люди должны понять суть этих споров о законе, встать сознательно на нашу сторону. И вот, если это произойдет, только после того, как они все поймут, у них можно будет попросить на такую нашу нужду. Ты, вот, сам, Тимофей, по сути дела первый раз слышишь об этой стороне наших отношений с Иерусалимом.

Силуан понимающе кивнул: он был в курсе дела. И добавил:

- Если у нас здесь миссия увенчается успехом, то отсюда мы должны будем двинуться в Иерусалим и внести там наше пожертвование. Там, действительно, братья нуждаются. Ведь там на всякий праздник приходит много паломников, их нужно поддержать. К тому же многие там во время гонений лишились всего имущества. Хорошо, если сами еще ноги унесли. Деньги там нужны, никто из братьев там богато не живет, на пожертвованиях этих никто не наживается. Они даже сами себя называют, по-арамейски: эбиониты, то есть, нищие. Иисус сам проповедовал: блаженны нищие духом, то есть, блаженны эбиониты.

- Да, - спохватился Павел, - пока эти братья-македонцы, как их там?..

- Сосипатр и Секунд, - подсказал Тимофей.

- Вот, пока они не ушли домой, их надо отблагодарить, угостить, а с ними передать письмо всем братьям в Фессалониках, в Верии и в Филиппах. Вот, Тимофей, ты расскажешь их вопросы, Сосипатр с Секундом выскажут свои, и ты запишешь им письмо.

Усевшись все вместе, апостолы вместе с гостями-македонцами беседовали еще довольно долго. Темы письма родились сами собой в ходе этой беседы. Самым горячим был для македонцев вопрос о возвращении Господа Иисуса во славе. Тимофей достал свою записку с пометками. И тут еще отдельный вопрос задал Сосипатр:

- Павел, ты говоришь со слов Иисуса, что верующие в Него получают жизнь вечную. А скажи: неужели мы все так и доживем во плоти до пришествия Господа? А если кто умрет раньше? Вот у меня тут некоторые спрашивали, что они вообще, получается, не увидят смерти, если только не убьют себя сами?

- Знаешь, брат Сосипатр, некоторые братья наши в Иудее, да и в других местах, уже почили с верою в Господа. Иные были убиты за Него, а иные – своей смертью отошли. Но в день Господень оживут все. И мы, если кто из нас доживет, вот, Тимофей, например, мы изменимся. Будем подобны Иисусу воскресшему. Кто Его таким видел, понимает, о чем речь. Это не описать человеческими словами. Тот же человек, но не земной, не душевный.

- То есть, просто душа? – удивился Сосипатр.

- Нет, душа в теле. Но само тело иное... Не знаю, как это описать. Духовное какое-то тело, движимое Духом Божиим, а не душой, как тело тлеющее и страждущее. Духовное тело уже не страждет.

Македонцы пытались осмыслить сказанное, но Павел прервал их раздумье.

- Братья, вы этого не видели, а я видел Господа воскресшим. Если бы сами видели, вы меня бы поняли.

Он сходил к Акиле и принес папирус и чернильницу. Вновь усадили Тимофея за прибор.

- Павел, и Силуан, и Тимофей, - начал диктовать Павел, - церкви Фессалоникской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе... Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви...

Три или четыре листа исписал Тимофей, состоящие из утешений, ободрений, благодарений. Павел вспомнил и недавнее посещение этих церквей самим Тимофеем и его благоприятный отзыв о них. Не прошел Павел и мимо увещаний к достойной жизни, чтобы воздерживались от блуда, от корыстолюбия, чтобы трудились своими руками. Мягко и косвенно показывал апостол, что не следует жить за чужой счет, прикрываясь только верою и ожиданием близкого конца мира.

Когда он задумался, Сосипатр напомнил:

- Еще об умерших до пришествия Господа, что спрашивали там...

- Да, - встрепнулся Павел. — Пиши: *Не хочу оставить вас, братия в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как и прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые о Христе воскреснут прежде; потом и мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем...*

А затем еще о пришествии Господа, чтобы не гадали о сроках, но всегда были готовы, будучи

сынами света и дня. Сейчас любой из нас может протянуть руку и прочесть все это не слишком длинное и не слишком информативное письмо. Зато очень теплое и утешительное для самих адресатов²⁶.

Когда Сосипатр с Секундом пошли с письмом домой, Павел подробнее ввел в курс дела Тимофея с Силуаном. Оказалось, что за прошедшее время слово за слово он сумел разговориться со своим хозяином Акилой, у которого жил и работал. Тот тоже уверовал в Иисуса, как Христа. Затем уверовала и его жена. Ее звали римским именем Приска, но муж (а теперь и Павел) произносили это имя в ласкательной форме: Прискилла, и поскольку это получалась в рифму с сокращенным именем мужа, то так оно и запечатлелось на века в памяти Церкви: не Аквилон и Приска, а Акила и Прискилла. Благоволил к Павлу и начальник синагоги Крисп, который не мог не видеть в Павле человека образованного и глубоко верующего, и не понимавший, почему он вынужден скитаться и заниматься тяжелой грубой работой. Павел упорно молчал, и не раскрывал ему пока своего апостольского призвания. Но теперь, когда все четверо апостолов снова собрались вместе, он сказал:

- Чувствую, что пора здесь в синагоге сказать об Иисусе открыто.

- А нам уже сейчас собирать вещи? Или в Македонию бежать, или уже прямо к Господу в Небеса собираться, - вставил Силуан. – Да еще и на зиму глядя...

- Как бы ни было, - спокойно ответил Павел, - но я вижу, что воля Божия к этому есть. Почва подготовлена. Никто не будет слишком удивлен. Я сам понимаю, - уж тут пророком быть не надо, - что

большинство иудейских братьев не примут сейчас нашу проповедь. Вопрос: насколько быстро они попытаются нас убить или изгнать? Вероятный ответ: не столь быстро, ибо Крисп, начальник синагоги, скорее всего, окажется за нас, а он человек влиятельный.

- Сместят его, долго ли? – сказал Силуан.

- Не долго. Но какие у нас другие пути? Молча сидеть в работниках у Акилы? А зачем мы сюда пришли? В Ареопаге мы уже проповедовали. Там нас не тронут. Но и не слушают. У нас просто нет другого пути. Наше слово о Христе должно быть в первую очередь обращено к своим соплеменникам. Это наш народ, в который пришел и сам Иисус. Как бы они к нам ни относились, но проповедать им первым – это наш долг перед праотцами. Даже не только перед сродниками. Именно перед пророками нашего народа, которые все живы у Господа. И ожидают Его возвращения.

- И, кроме того, - вставил Тимофей, - нашу проповедь могут понять лишь те, кто чтит Единого Бога, сотворившего небо и землю. Как эта проповедь о Христе приходит к поклонникам Зевса, я уже видел в Листре. Если поверят, то назначат Павла сначала языческим богом, ожившим идолом. А на следующий день, в случае отказа от такого звания, - камнями побьют. Мы это все уже проходили.

- Молодец, Тимофей, - обрадовался за него Павел. – Понимаешь суть дела. Набираешься мудрости. А я из разговоров с эллинами уяснил для себя главную причину неуспеха нашей проповеди: они не верят в воскресение мертвых. Так что надо начинать с евреев и боящихся Бога.

- Да, в конце концов, именно на это мы себя сами обрели, - промолвил Силуан.

- Потому что согласились с призывом Господа нашего, - дополнил его Павел.

То был торжественный день, когда в синагоге в следующую субботу Павел взял слово и сказал:

- Мужа братья израильтяне и боящиеся Бога. Время, которое предсказывали пророки, которого ждали наши отцы, двенадцать колен, служащих Богу день и ночь, пришло. Бог даровал веру многим нашим отцам и братьям, чтобы они смогли понять прежде не ясные слова пророков, и наконец, поверить, что Бог воскресит праведников Израиля, что они живы сейчас духом, и оживут в последний день, в День Господень. Не весь Израиль ныне верит в воскресение мертвых. Но лучшие его отцы и учителя – они верят. И я сам фарисей и сын фарисея, с детства от юности своей живу этой надеждой. Есть ли она у вас, скажите?

Собрание одобрительно загудело.

- Так вот, Бог, если дает такое обещание, то не оставит его праздным. Вдумайтесь, не очень много еще времени прошло, как наши отцы начали проповедовать о воскресении мертвых. И порукой тому – сами противники этого учения, укрепившиеся среди храмового священства. Они же отрицают воскресение, как учение новое в Израиле. А вы согласитесь с тем, что дано оно Богом, ибо большинство израильтян приняли его, как в Иудее, так и в рассеянии?

И снова раздались возгласы согласия.

- Если это учение дал Бог, то ведь разумно и основательно будет ожидать от Него, что Он и делом

подтвердит свое откровение? Если кто-то воскресает и разрывает узы смерти, - значит, это будет Господне свидетельство? Но ведь это свершилось уже на наших глазах. Немало людей видело, как воскрес из мертвых Иисус, пророк из Назарета. Осудили его на смерть и отдали язычникам на распятие именно те, кто отрицает воскресение мертвых, - и вот, в ответ Всемогуший посрамил их. Немало людей в Палестине видели своими глазами Его воскресшим. И потому мы проповедуем Его, как Царя Израиля, Мессию, сына Божия, ибо все вы знаете, что Мессия не может умереть. Про любого человека, пока он жив на земле, нельзя обещать, что он никогда не умрет. Умерет как-нибудь – и все, окажетесь вы лжецами. Но про того, кто уже умер – но теперь жив, только про него можно сказать, что он, действительно бессмертен, а значит, действительно, Он и есть Царь Израиля. Больше того, если можете принять, то Он Царь не только Израиля, но и самой жизни и смерти. И ради него любому верующему в него дается прощение грехов и вечная жизнь.

- Да слышали мы обо всем этом еще давно. Уж двадцать лет, наверное, - откликнулся один из раввинов, Сосфен.

- Брат, рассуди сам, - возразил ему Крисп, - если бы слух был совсем беспочвенным, не продержался бы он двадцать лет спустя. Не ходили бы по нашему рассеянию вот такие нищие проповедники, обрекающие себя на множество опасностей и лишений, если бы все это было неправдой. Есть же в Израиле почитаемые праведники, которых похоронили, которых чтут и любят, и могилы их почитают. Но ни про кого из них не говорят такие удивительные сведения. Не подозревают, будто

воскресли из мертвых Давид или Авраам, или Моисей. А из недавних никто не почитал воскресшими Иуду Маккавея или того же Гиллея. Если человек не воскресал из мертвых, - чтут его могилу, и ничего такого о нем не говорят. А если говорят и жизнь свою за это слово отдают, - то тут... - он развел руками, сам не зная, чем закончить.

- Спасибо, Крисп, - снова взял слово Павел. – Я не просто пересказываю вам это все с чужих слов, я сам видел его воскресшим.

И он рассказал им об Иисусе и о своей проповеди, о чудесах и исцелениях, сопровождавших ее. Его выслушали спокойно, без жестких эмоций, но видно было, что огласились с ним не все. Сосфен взял слово после и возразил Павлу так:

- Мы ждем от Мессии освобождения Израиля. Этого не произошло. Обстановка в земле Израиля год от года все ухудшается. Если Иисус – это некий скрытый царь, то он не царствует в пользу Израиля. Чтобы не сказать, что царствует в пользу цезаря. Совсем недавно новый цезарь Клавдий выселил большую нашу общину из Рима. Так что и до сего места доехали изгнанники оттуда – и опять никакого вмешательства небес. Когда Мессия придет, должен измениться этот, земной мир. Нет смысла обсуждать, как там изменилось неведомое нам царство мертвых, в которое люди уходят теми же толпами, что и прежде, и из которого по-прежнему не возвращаются. В этом мире в лучшую сторону не изменилось ничего, поэтому нам не нужно спешить.

- Мир изменился, - возразил Павел, – появились верующие во имя Господа Иисуса. И чем больше будет их, тем больше мир изменится. К тому же

недолго остается до возвращения Иисуса, а он обещал вернуться и судить этот мир.

Такое свидетельство, как может догадаться сам читатель, звучало убедительно для Павла и христиан, но не для его противников. Хотя, конечно, иудейские возражения для Павла тоже не были новыми. Спор закончился примерно, как всегда. Кто-то подошел к Павлу во дворе, чтобы спросить о чем-то или даже признаться в своей вере, а кто-то прогонял его с презрением.

Второго выступления Павлу больше не дали. В следующую субботу его в синагогу просто не пустили. Видно, Сосфен возымел в собрании главных иудеев определенный вес. А, кроме того, об учении христиан они уже слышали ранее. Павла на пороге предупредили в весьма жестких выражениях, чтобы он не смел здесь больше проповедовать свою ересь. Павел ответил по-евангельски. Он отряс одежды свои на пороге и сказал:

- Я сказал вам все необходимое. Если вы не верите, то кровь ваша на главах ваших, а я чист от нее. Отныне пойду к язычникам.

Одновременно с Павлом выгнали из синагоги и Криспа, его главного сторонника и защитника. Новым начальником был избран Сосфен.

А христианская община собралась у одного из уверовавших. Им был прозелит по имени Юст, дом которого был недалеко от синагоги. Впоследствии он предоставил апостолам и жилье.

Уверовавших из иудеев, кроме Криспа, почти не оказалось. Вероятно, кое-кто и поверил словам Павла, но разорвать с синагогой ради его церкви не решился. Коринфская община оказалась преимущественно греческой, и это определило ее

дальнейшие особенности, хотя и не сразу. Даже апостолы поначалу их не заметили.

В собрании у Юста Павел больше говорил о призвании язычников и меньше о Писании, - даже сравнительно с общиной в Листре (не говоря уж о Фессалониках). Говорил о страдании Христа и его спасительном для нас значении. Много времени посвятил Святому Духу и его знамениям, которыми для самих уверовавших утверждается правота проповеди. Слушатели нашлись у него благодарные, реакция была очень живой, у мужчин и женщин. Немалое число людей просили крещения. Это оказалось довольно нелегко сделать, чисто технически, ведь требовались источники воды, а дело было уже зимой. Поэтому на крещение апостолы решили людей разделить, чтобы этим, кстати, и внимания к себе привлекать поменьше. В доме Стефана, одного из первых уверовавших, вместе с Криспом, еще до общей проповеди, лично Павел крестил его семью, а также самого Криспа и Гая, римлянина, который стал потом заметным служителем Коринфской церкви²⁷. Тимофей, Лука и Силуан крестили остальных, тоже разделив их на группы.

После крещения Павел проповедовал новокрещеным о сошествии Святого Духа на апостолов в самый день пятидесятницы, о даровании его верующим. И помолившись, возложил руки на каждого из них. После этого некоторые начали молиться на непонятных наречиях. Сами апостолы, уже прежде видевшие иногда такие проявления, пояснили, что дар молитвы на языках – это дар Святого Духа. В сравнении с благоговейным трепетом в общинах Македонских, собрание

коринфян получалось гораздо более радостным, энергичным и шумным. Не только во время молитвы апостолов, но и даже во время проповеди вдруг кто-то начинал молиться непонятными словами, и это только увеличивало общую радость и возбуждение. Павел этому не препятствовал, а Силуан и Тимофей уже начинали понемногу этим тяготиться. Такая беспорядочность в собрании их утомляла²⁸.

При этом в целом служение апостолов в Коринфе было и плодотворным, и спокойным. Вскоре после крещения общины Павел поделился с братьями:

- Ныне ночью мне явился Господь и велел безбоязненно проповедовать. Он сказал, что у него много людей в этом городе.

Обилие духовных даров у членов общины привлекало к ней новых членов. Иудеи же, изгнавшие Павла и его спутников, похоже, не имели влияния в городе. Их пути и пути христиан теперь практически не пересекались. Апостолы проповедовали по домам достаточно безбоязненно. Не как в Македонии – только у надежных людей, а прямо в том доме, куда позовут.

Так незаметно проходила зима, как вдруг пришел из Македонии Секунд и принес новые вопросы от тамошней общины. В ней разгорался нешуточный спор о времени возвращения Господа. Некоторые считали, что день Господень уже наступил, а поэтому нужно бросать все мирские занятия, предаваясь только молитве. А потому и послали гонца с вопросами.

Секунд прежде всего осведомился:

- А было ли еще письмо от вас к нашим общинам помимо того, что несли мы с Сосипатром?

- Не было, - с удивлением переглянулись Павел и Тимофей.

- А у нас там говорили, что якобы было. Но самого письма показать не могли.

- И что за странное письмо такое?

- Да говорят, что там было написано, что день Господень уже пришел, наступил. А потому некоторые из наших побросали все дела и говорят, что нужно только молиться.

- А кушают-то они чего? – спросил с усмешкой Павел.

- Да, что придется. Что люди соберут.

- И просто на месте сидят и молятся?

- В том-то и дело что нет. Ходят по домам. Празднословят, разносят новость. Откровения, говорят, у них такие были. А Павел прошлый раз, мол, своей рукой написал: *пророчества не уничтожайте.*

- И прибавилось у вас от этого верных?

- Нет, конечно. Нас от этого только больше презирают. Вот Сосипатр и послал меня с вопросом к вам.

И вновь Тимофей записывал под диктовку Павла.

- *...Не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак, ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого богом или святилищем, так что в Храме Божиим сядет он как бог, выдавая себя за бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это.*

- Признаться, я не помню, - вставил Секунд.

- Ну как же, - удивился Павел, - я-то помню. Но я говорил это устно. Повторять сейчас на письме не стану в подробностях. Но ты сам, Секунд, расскажи своими словами. А пока запишем так, кратко. Тимофей, пиши:

- И ныне вы знаете, что не допускает ему открыться в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится, доколе не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убоет духом уст своих...²⁹

- Что за удерживающий такой? – удивился Секунд.

- Ладно, ты не помнишь, а я же говорил. Прежде чем, понять, кто удерживающий, сперва скажи, кто этот беззаконник, который в Храме Божием сядет?

- Отступник от Бога и главный грешник?

- Да. Но за всякие ложные чудеса неверующие в Иисуса иудеи признают его своим Мессией. Мне говорили ученики, бывшие с Иисусом, что Он сам об этом предсказывал: придет, - говорил, - иной во имя свое, и его вы примете. Они же до сих пор ждут Мессию, не принимая того, кого Бог им уже послал. Ему уже и греческое имя сложилось: антихрист. То есть, вместо Христа, лжехристос. Я же не хочу писать это на папирусе за своей подписью. Ненависти иудеев ко мне и так хватает, чтобы еще письменный документ против себя им в руки давать. Ведь письмо будет переписано еще не раз. И может попасть к ним. Теперь понимаешь, что такую тему можно раскрыть только намеками.

- Да, понимаю. А удерживает этого злодея кто?

- А сам как думаешь? Кто поддерживает какой-то порядок в Иерусалиме?

- Римская когорта?

- Конечно, а кто же еще! Сколько у них было там прежде и до сих пор еще бывают те, кто объявляют мессиями самих себя. Хоть Иуду Галилеянина возьми для примера. Огромное восстание устроил. Подавили его римляне. Так вот, суть дела в том, что когда явится такой мятежник, объявит себя самым великим, - а римляне не смогут его подавить, - вот тогда он сядет в Храме, объявит себя богом вместо Бога истинного. Ну вот, тогда уже все. После этого двигаться некуда. Только сам Иисус возвратившись, убьет его одним дыханием уст своих. Но Рим здесь поминать тоже нельзя на письме. По тем же причинам. Римляне сочтут это посягательством на вечность их господства. Они думают, будто их власть здесь навсегда. Она не навсегда. Но дразнить их не надо.

- И повод евреям для доноса римлянам на нас тоже давать не надо, - вставил сидевший здесь Силуан.

- Верно. И ты, Секунд, верным братьям все это сам расскажи. Но только надежным людям: Сосипатру, Аристарху, Ясону, тем, кто не предадут. А писать этого не надо. В чьи бы руки ни попало это письмо, евреям или римлянам, - нас просто начнут разыскивать, как доказанных политических преступников. И документ в руках. Это будет похуже, чем когда просто еврейская толпа схватила Ясона. Тут уже ни нам, ни ему не откупиться под залог. Ладно, Тимофей, где остановился?

- ...убьет духом уст своих.

- Дальше пиши: *и истребит явлением пришествия своего того, которого пришествие по действию сатаны будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным*

обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения.

Тимофей записывал. Когда дошли до слов утешения, Секунд вставил:

- Надо не забыть о тех, кто говорит, что конец наступил.

- Помню, - отозвался Павел. – Сейчас доберемся... *Завещаем вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас...*

Тут он оторвался от диктовки:

- Секунд, предание о беззаконнике, который будет непосредственно перед явлением Господа, - это не наша выдумка и не наше откровение, ты веришь? В Иерусалиме апостолы проповедовали это изначала. Даже те, кто с нами не были согласны относительно соблюдения закона братьями из язычников. Они не станут с нами спорить, кто это, и что его удерживает. Но тоже на папирусе не напишут, поверь.

- Да, кстати, и на них наводить волну новых подозрений тоже не стоит, - добавил Тимофей.

- Пиши, - продолжил Павел, - *ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам, ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас... завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещиваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб... Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того*

имейте на замечании... но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата...

- Хорошо, спасибо, - сказал Секунд.

- Ну ладно, вроде больше ничего не забыли? Тимофей, давай папирус, я сам допишу.

И Павел, сев за стол, закончил: *приветствие моею рукою, Павловою... благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами.*

Отправляя Секунда с письмом домой, Павел взглянул на Тимофея:

- По весне тебе снова придется идти туда.

- А я с радостью, - ответил Тимофей. - Мне признаться там нравится больше. Здесь этот порт, блудилища, кабаки, идола, все время этот галдеж. Там намного спокойнее, особенно в Филиппах.

- А люди наши там страдают больше, - добавил Силуан.

- Ну, это пока. Досюда тоже все дойдет, - сказал Павел. - А теперь у нас здесь стан какой-то есть. Мы отсюда пройдем всю Ахаию. Здешние братья, хотя ты их меньше уважаешь, все-таки ходили по разным местам полуострова и благовестили повсюду. Нам надлежит пройти за ними, крестить людей, научить, обустроить общины. Потом и пресвитеров поставить. Много еще работы, пока Господь дает.

Они ходили и благовествовали в окрестностях. На восточном берегу в порту Кенхреи, недалеко от Афин тоже вскоре образовалась община, к которой подтянулись и немногие уверовавшие афиняне.

Глава 9

Спор с Иерусалимом

С началом навигации к Павлу обратились Крисп и Силуан вместе. Они отпрашивались в Иерусалим на поклонение к празднику пасхи. Давно там не был Крисп, давно копил средства на это путешествие. Павел понимал его. Расставаться с Силуаном было тяжелее, но и возразить ему тоже было нечего на такую речь:

- Павел, я пробыл с тобою больше года, делил и суму, и тюрьму. Меня посылали с тобою, как помнишь, только до Антиохии, а я дошел досюда. Сейчас здесь у тебя рядом братья и относительно спокойно. А у меня вся родня в Иудее, меня заждались. Здесь я чувствую себя просто лишним. И еще скажу: я согласен с Тимофеем, этот шумный блудный город мне надоел. И собрания здесь... Настолько они не похожи на другие общины своей этой беспорядочностью, когда тут все то молятся на ангельском наречии, то говорят что-то такое пророческое невпопад... Особенно когда женщины с непокрытыми головами начинают тут входить в экстазы. Прости, Павел, может быть, ты считаешь, что это все от Бога, но я уже просто устал. Я ничего не могу добавить доброго этим людям. А меня ждут другие.

Павел тяжело вздыхал, понимая правоту Силуана.

- Ладно. Собранную часть пожертвований передайте от здешних. Я и сам постараюсь прийти в Иерусалим. Может быть, к Пятидесятнице или к празднику Шалашей.

- Ну да. Одним своим общинам ты подарил три недели своего внимания, а кому и того меньше. А здесь пребываешь уже полгода. Хотя те же македонцы ничуть не менее верующие люди...

- ...И ликаонцы галатийские, - раздался из-за плеча голос Тимофея.

- И ты еще тут? – так и охнул Павел.

- Ну да. Просто о них вспомнил. Я не тороплюсь. Я с братьями плыть не собирался.

- Тебе в Македонию еще идти, ты помнишь? Ладно, будем молиться о благополучном вашем плавании.

На том братья и отправились, сперва пешком через перешеек в Кенхреи, а оттуда взошли на корабль. Крисп обещал вернуться вскоре, как только совершит паломничество. Силуан, надо полагать, не обещал ничего³⁰.

Крисп возвратился через два месяца без Силуана с тяжелым сердцем и не с пустыми руками. Впечатления от Иерусалима у него были восторженные, он повстречался с апостолами, передал пожертвования, рассказывал о своей общине и выслушал их рассказ. Не сразу перешел он к главному и тяжелому, но все-таки вынужден был это сделать. Хотя начал обиняком:

- Силуан мне рассказывал, что вы с ним, когда писали письмо в Фессалоники незадолго до нашего отъезда, старались внимательно подбирать выражения, не записывать то, что еще можно сказать устами, а на папирусе оставлять не следует.

- Это ты к чему? – насторожился Павел.

- К тому, что в Иерусалиме прочли твое письмо Галатам. Прочли и обсудили. Меня заставили прочесть, да еще и со своими пояснениями. Ну, и как ты представляешь себе их отношение к этому письму?

Тут и Тимофей с Лукой насторожились. Павел помрачнел:

- Да, примерно представляю. И что их там больше всего встревожило?

- Анафемы, конечно, на всех несогласных с твоим благовестием. Пренебрежение авторитетом старших апостолов. Все такое...

- Я еще тогда говорил, что надо было помягче выразиться, - не утерпел Тимофей.

- Да, тогда я не рассчитывал писать письмо Галатам прямо в Иерусалим. Охота же людям чужие письма читать!

- И Петр еще продолжал обижаться, что ты весь антиохийский конфликт ваш записал и передал тем людям, которые не имеют к нему никакого отношения. В самом деле, зачем было это делать? Ведь Петр из двенадцати – лучший и главный твой друг и единомышленник. В общем, Павел, навредил ты себе этим очень много. И своему делу тоже.

- То есть, там меня теперь считают врагом?

- Ну, не врагом, но уклонения твои стараются врачевать. Причем, скажу лично свое мнение: врачуют деликатно. Мне, как твоему представителю там, даже специально передали списки с окружных посланий. Иерусалим на твоё письмо ответил. Ответил вдумчиво и серьезно, причем, не помяная тебя ни разу по имени. Апостолы совещались. Не знаю, кто записал. Одно послание – это прямо со слов Иакова – двенадцати коленам нашего рассеяния. Кто-то из пресвитеров его речь переводил на греческий. Он потом прочел и одобрил. А второе письмо – это полный курс благовестия для язычников. Не бойся, к обрезанию их там не принуждают. Решений собора, которые ты нам сюда приносил, никто не отменял и не пересматривал. Но речь, конечно, построена совсем не так, как у тебя.

- А в чем возражают?

- Ну, почитайте сами, - Крисп достал оба свитка и развернул один, пробежав глазами по своим пометкам. - Вот например: *всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией...* Или здесь: *Братия мои, не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению.* Как будто там многие хотят учителями делаться? И вот еще: *из тех же уст выходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть.*³¹ Это про твои анафемы, конечно. Но так, мягко, косвенно, не указывая на тебя пальцем. Считай, что Иаков лично просил меня все это тебе передать. Говорил он спокойно, и не раздражаясь, что твое письмо там, в Иерусалиме, много зла наделало. И еще хорошо, что попало оно туда только после собора. Если бы на соборе его знали, то такой грамоты с похвалой тебе и Варнаве вам бы не выдали. И вообще, сам вопрос об обрезании язычников вполне мог разрешиться иначе.

- Хоть тут Господь помог, - мрачно отозвался Павел. - А по сути-то вопросов они что-то возразили?

- Возразили. Но я ж не стану своими словами пересказывать. Вот текст, читайте.

- Да, Тимофей, иди сюда, к свету, читай. Я плохо вижу.

Тимофей развернул послание к еврейскому рассеянию. Пока он читал общие места, все сидели тихо. Павел рассмеялся лишь над следующим абзацем:

- *Ибо если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде и вы...*

*скажете ему: тебе хорошо сесть здесь, а бедному скажете: ты стань там... то не пересуживаете ли вы в себе и не становитесь ли судьями с худыми мыслями...*³²

- Ну, я понял, конечно, - остановил Павел чтение. – Тут только один случай может иметься в виду. Сами судите: золотой перстень – это знак римского всадника. И много ж всадников римских ходит в общину эбионитов, а? А может, здесь в Коринфе или в Антиохии они в христианские общины ломаются? Нет, конечно. Но случай был, один-единственный. Это когда нас на Кипре пригласил местный проконсул Сергей Павел. У него был золотой перстень. Слушал внимательно, возможно уверовал, но к христианской общине не примкнул, во всяком случае, при нас в собрание наше не входил. Однако ж, вставили сплетню. М-да, это, наверное, Варнава им этот случай рассказал, - и вот так оно преломилось в их понимании. Впредь, Крисп, любого входящего к нам римского всадника оставляй постоять у порога. Ха-ха! Ладно, Тимофей, читай дальше.

Дальше, впрочем, улыбаться было не над чем.

*- ...Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона. Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы...*³³

- Второй раз этот оборот: закон свободы. Ну, я понимаю. Я писал о рабстве закону, о невыполнимости закона, - сказал Павел.

- Ты писал о проклятии закона, - уточнил Крисп. – от которого нас, мол, искупил Христос. Ты и сейчас считаешь, что был прав?

- Да, - сурово отрезал Павел. – И сейчас считаю. Я закон исполнял не хуже, чем он. И конечно, он не прелюбодейство и убийство имеет в виду, а свинину и обрезание. Прелюбодейству и убийству в наших общинах не учат, и такие вещи не разрешают, - он это прекрасно знает. Но мысль понятна, - Тимофей свидетель. Мол, половину закона исполнить невозможно, надо весь исполнять. Мы это уже много лет слышим.

- Нет, Павел, - возразил Крисп, - ты здесь не прав. В другом свитке этот вопрос про кашрут особо оговорен для язычников. И не так, как ты представляешь, а в духе собора. Ну, сами прочтете потом. Давай дальше.

- *Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли вера спасти его?* – читал Тимофей.

- Так-так, - напрягся Павел, - понятно, о чем это.

- *Если брат и сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела, что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе...*³⁴

- Слушай, Крисп, ты не забыл им вручить *дневное пропитание и потребное для тела?* – вновь прервал Павел со злой иронией. – Смотри, как он все на милостыню перевел! Как будто Иерусалим кормит церкви из язычников, а не наоборот. А мы тут только римских всадников повыше подсаживаем. И в итоге выводится, что вера без дел мертва. Без дел закона,

разумеется... Ничего себе. И вы с этим согласны? Ладно, продолжай.

- ... *Ты веруешь, что Бог Един: хорошо делаешь, и бесы веруют и трепещут*³⁵.

- Ну и сравнения у него! Я верую, что мы оправданы благодатью Христа, а не делами закона, что мы по милости прощены, а не своей милостынею откупились от Бога. А он тут про единобожие. В Единого Бога иудеи тамошние веруют, и дела добрые творят, а его же самого жаждут убить.

- Павел, ну ты уж каждую строчку не принимай на свой счет, - возмутился Крисп. – Может, это вообще не про тебя?

- Хорошо, если так. Продолжай.

- *Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего. Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность...*³⁶

- Постой, ну о ком же это, как не обо мне! – вновь возразил Павел. – В единственном числе! Я же в своем том письме писал, что Авраам оправдался верою. Ну, во-первых, дело тогда не совершилось, если уж о делах. Исаак не был принесен в жертву. А, во-вторых, Аврааму вера вменилась в праведность раньше, чем сам Исаак родился. *Неосновательный человек* это из Писания знает – раньше, чем ты, Тимофей появился на свет. И наконец, послушание Авраама, даже в этом случае – это не дела закона, даже закона свободы. Закона при Аврааме еще не было. Просто автору нужно значимость веры опустить до уровня каких-то дел, вот и все.

Дальше он уже не прерывал чтение, мрачно выслушав предостережение против того, чтобы становиться учителями, про неудержимое зло языка, изводящего одновременно горькую и сладкую воду благословений и проклятий, про мудрость сварливую, которая не есть Божия. Павел просто кивал головой и помахивал рукой. Конец послания про обличение богатых он просто не понял:

- А это каким-таким братьям во Христе адресовано? Ведь не своим же эбионитам! Там нет богатых! Он что, всерьез полагает, что у нас тут сплошь богатые и знатные? Римские всадники с золотыми перстнями? Крисп, ты можешь сказать? Где, в каком городе богатые и знатные евреи уверовали во Христа Иисуса и продолжают после этого презирать бедных? Это про кого вообще?

- Не знаю... - замялся Крисп.

- И я не знаю. Словно Исаия или Иеремия пред дворцами вельмож. Вот завтра, скажем, я зачитаю послание Иакова в нашем собрании и спрошу: братья, вы знаете, кого это здесь обличает автор? К кому из верующих в Иисуса могли бы относиться его слова?

- Ладно, Павел, успокойся и не придирайся, - сказал Крисп. – Лучше второй свиток прочтем.

Тимофей развернул второе послание:

- *Учение Господа через двенадцать апостолов языкам*³⁷.

Два пути есть, один – жизни и другой – смерти, и велико различие между этими двумя путями. Путь жизни есть сей. Во-первых, возлюби Бога, сотворившего тебя, во-вторых, ближнего твоего, как самого себя, и все, что ты не хочешь, чтобы произошло с тобою, сам другому не делай...

Павел слушал без всяких возражений. Он давно знал эти слова, большинство из них были изречениями Господа Иисуса, которые он слышал и раньше, и остальные наставления по жизни тоже не вызывали у него ни малейшего возражения.

- ...Если можешь понести все иго Господне, будешь совершен, если же не можешь, то делай, что можешь. Что касается пищи, понеси, что можешь, от идоложертвенного же весьма берегись, ибо это – служение мертвым богам³⁸.

- Вот! – обратил внимание Крисп. – Все как в решении собора! Никого не принуждают к кашруту, кроме явного идоложертвенного. Остальное всем – по желанию. Что плохого-то?

- Ну, хорошо, - согласился Павел. – Читай дальше.

- Что же касается крещения, крестите так: сказав предварительно все это, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа³⁹...

- Постой, постой! - прервал Павел. – Там что листы потеряны?

- Нет, вроде все на месте – удивились и Крисп, и Тимофей.

- То есть, что сказав, надо крестить? – переспросил Павел. – О двух путях рассказать – и все? А где там Иисус-то? Там Он вообще не поминается даже по имени. О Нем просто ни слова нет. А про два пути вам любой раввин расскажет. Нет, вы что серьезно? Действительно все страницы на месте?

- На месте. Слушай дальше.

Тимофей прочитал правило для крещения, молитву Отче наш и дошел до вечера.

- Что же касается благодарения, благодарите так. Прежде о чаше: Благодарим Тебя, Отче наш, о святой лозе виноградной Давида, отрока твоего,

которую ты явил нам через Иисуса, отрока Твоего. Тебе слава во веки. О преломленном же хлебе: Благодарим Тебя, Отче наш о жизни и знании, которые ты явил нам через Иисуса отрока твоего. Тебе слава во веки. Как был этот хлеб преломленный рассеян по горам, и собранный стал един, так да соберется и Церковь Твоя от концов земли в твое Царствие. Ибо твоя есть слава и сила через Иисуса Христа во веки. Пусть же никто не ест и не пьет от благодарения вашего, кроме как крещенные во имя Господне... По насыщении же так благодарите⁴⁰...

- Погоди, - прервал Павел. – И это все? А про страдания Иисуса ничего нет? Про его вечерю с учениками, которым Он и оставил этот хлеб и чашу? Про его воскресение?

Тимофей прочитал дальше. Ничего не было. Хотя концовка молитвы была та же самая, по той же традиции, как уже он давно запомнил:

- Помяни Господи Церковь Твою, чтобы избавить ее от всякого лукавого и усовершить ее в любви твоей, и собери ее от четырех ветров освященную в Царствие Твое, которое Ты уготовал ей. Ибо Твоя есть сила и слава во веки. Да придет благодать, и да прейдет мир сей. Осанна Богу Давидову. Если кто свят, да приходит, если кто не свят, да кается. Маранафа. Аминь. Пророкам же предоставляйте благодарить, сколько хотят⁴¹.

- Уфф, - облегченно выдохнул Павел. – Хоть пророкам разрешили не ограничиваться этим. У нас ни один пресвитер не стал бы совершать благодарение по такой молитве. Скажи, Тимофей! Разве ты мог бы всю вечерю вложить в эти двадцать кратких строчек и ни разу не вспомнить о пострадавшем за нас Иисусе?

- Нет, конечно, - ответил Тимофей.

- Когда я был в Иерусалиме, они так вечерю не совершали. Они молились в духе, как тут сказано, «сколько хотели». Это специально в этом письме все обрезали, чтоб ни один раввин не придрался. Вот, слушайте: в соответствии с этим апостольским разрешением всем пресвитерам наших церквей повелевается благодарить на вечери, сколько хотят. С полным священным воспоминанием о кресте и о вечери Господа!

И тут наконец подал голос Лука, человек, вообще, очень скромный, редко отверзавший уста при Павле:

- Это, действительно, другое благовестие. Ты, Павел, писал тогда в послании, что не может быть другого благовестия, а есть люди, искажающие истину. Ну вот, видишь, оно есть. Ведь ты сам не сможешь указать тут ни одного слова неправильного. Все правильно. А смысл совсем иной.

- Да, я вижу, - согласился Павел. – Дело даже не в том, что люди давали бы какие-то неправильные ответы. Они просто ставят ненужные вопросы. А нужные и главные вопросы пропускают. У них иные темы для рассуждений, молитв, самого благовестия. Да и в послании Иакова для евреев я тоже не услышал, чтоб там было хотя бы что-нибудь об Иисусе и Его смерти и воскресении.

- Кстати, и о Святом Духе я там тоже ничего не расслышал, - добавил Тимофей.

- Вот-вот! – подтвердил Павел. – Все учение Иисуса о добрых нравах представлено, только самого Иисуса нет. Проповедуется снова жизнь по закону. Только немножко подправленному закону.

- В общем, Евангелие за вычетом самого Иисуса, - подытожил свою мысль Лука.

- А скажи, Крисп, - обратился к нему Павел. – Сами-то они хотя бы как-то проповедуют Господа Иисуса распятого? Вспомни, ведь это было главное, с чего я начинал свою речь у вас. Вы ведь все уверовали именно с этих слов!

Видно было, что Крисп был в замешательстве.

- Ну, конечно, об этом говорят... Может быть, просто не стали писать то, о чем все и так знают. Зачем много раз повторяться? Ты тоже в письмах Фессалоникийцам не пересказывал эту историю каждый раз.

- Однако вечера Господня без всех этих воспоминаний просто немыслима! Сами-то они на своей вечери вспоминают об этом?

Крисп растерянно помолчал:

- Знаешь, сейчас даже не припомню. Я не следил внимательно именно за этим. Но, конечно, Иисуса Христа они помнят лучше и больше, чем у нас. У них там ходят свитки с записями Его изречений, случаев из Его жизни. Его жизнь там в центре внимания.

- А у нас Его смерть и воскресение в центре внимания, - заключил Павел. – Сам выбирай, что тебе важнее.

Крисп призадумался. Такой выбор вообще не казался ему правильным. И общее положительное впечатление от Иерусалима его не покидало. Понимая отчасти правоту Павла, он, похоже, начинал больше сочувствовать его оппонентам. Особенно, продолжая наблюдать за растущей общиной коринфских братьев. С неделю спустя, он сказал апостолам наедине после собрания:

- Знаешь, Павел, если вернуться к нашему сравнению с жизнью братьев в Иерусалиме, мне кажется, это у нас недостаток, что мы не придаем

значения учению, не повторяем про два пути, не обучаем добрым нравам, а все надеемся, что нас научит Святой Дух. Ты видел и знаешь, какие люди сюда пришли. Как еврей еврею тебе скажу: они едва вылезли из идольского блуда в духе и простого блуда в теле. И сдается мне, легко могут вернуться обратно. Наставление из Иакова, особенно про два пути, им точно не помешало бы. Знание о том, как поступал Иисус на земле, какие Ему конкретные вопросы задавали живые люди и какие он давал ответы – это все нужно им, а мы напрасно этим пренебрегаем.

- Почему пренебрегаем? – возразил Павел. – Нет, не пренебрегаем. Давай в следующий раз прочти им ту часть Учения Двенадцати, что про два пути. Про вечерю давай пропустим, - просто чтобы отцов и старших братьев наших не позорить. Хорошо?

- А сведения об Иисусе в записях, о которых ты говорил, ты не списал? – вдруг спросил Лука.

- Да когда мне было успеть? – удивился Крисп.

- Когда мы пойдем в Иерусалим, я постараюсь там их собрать, - сказал Лука.

- Да, Лука, непременно собери, – поддержал Павел. - Хорошее дело задумал. Тут я с Криспом согласен. Это тоже важно. Хотя важнее, конечно, другое.

- И это все еще не считая того, что братья здесь совершенно не знают священных книг, - продолжил Крисп. - Также как еврею тебе говорю. Неужели ты так легко расстался с традицией синагоги? Ведь Писание сам ты знаешь лучше нас. А сюда вы принесли одну только книгу Бытия и прочитали из нее только немного. Люди совершенно ничего не знают из Писаний. А в синагоге ты же проповедовал, что Христос есть исполнение Писаний,

осуществление пророческих ожиданий. Он, так сказать, последняя страница в общем книжном своде. А здесь у тебя какого-нибудь пророка Фортуната, бывшего резчика идолов, слушают, а пророка Исаию не читали и не знают такого по имени – и ты не беспокоишься о том?

На этот раз призадуматься пришлось Павлу. Помолчав, он ответил:

- Да, знание книг не помешает для общей грамотности. Где бы их еще найти? И да, книгу Бытия надо будет прочитать полностью. Тут я согласен. Но все это книжное образование должно идти постепенно. Их мир, мир их истории всему этому слишком чужд. И все наши книги нельзя им дать, это не полезно. Они, то есть многие из них, утонут в спорах о законе, которые совершенно бесполезны и пусты. Или же, - он поднял палец, - предсказываю тебе! Кому-то из них наши книги закона могут очень не понравиться, и они возмутятся против самого Бога, давшего отцам нашим этот закон. И такое может быть! И вообще, вталкивание их умов в иудейское мышление – это не хорошо, после того, как пришел Христос. Мы должны иметь ум Христов, а не иудейский. Так что с Писаниями для этих людей нужна осторожность. И напрасно ты пренебрегаешь руководством от Духа. Дух свидетельствует в нашей общине немалыми знамениями. Одни исцеления только взять. У нас было уже несколько случаев. И это привлекало людей ко Христу. И над пророками нашими тоже не надо подсмеиваться. Иногда им Бог открывает такое, что, слушая их, и неверующие приходят, и верные укрепляются.

Пока договаривались о правильной стратегии благовестия, апостолы совсем забыли осторожность. Павел к тому времени иногда проходил по городу один среди белого дня. В один из таких походов иудеи под руководством Сосфена (мы помним, что он избран был на место Криспа начальником синагоги) прямо на улице схватили его и притащили к зданию римской администрации, крича, что он, Павел, возмущает народ. Потребовали суда у самого проконсула.

Проконсул (его звали Галлион⁴²) вынужден был их выслушать. Задавая наводящие вопросы, он понял, что речь идет о споре евреев между собой по поводу закона. Вдобавок кто-то из друзей Павла успел передать проконсулу записку, что сей обвиняемый Павел – потомственный римский гражданин и вообще, человек известный. Поэтому Галлион сказал так:

- Не вижу здесь у вас обвинения в мятеже или каком-то злом умысле. Если бы речь шла об этом, я принял бы меры. Но раз все дело в мнениях о вашем законе, то разбирайтесь сами. Тут я не намерен быть судьей.

И велел прогнать их от судейского помоста. По-видимому, среди толпы греков были те, кто имел какие-то личные счета к Сосфену. То ли обиды, то ли долги, то ли проценты по долгам – этого уже нам теперь не узнать. Но жест проконсула эти ребята поняли по-своему. И тут же, не далеко отойдя, самого Сосфена крепко поколотили. Павел успел скрыться. Потом ему рассказали, что и сам Галлион не торопился пресечь эту драку, наверное, потому, что коринфские евреи с их жалобами ему тоже надоели, и он решил им преподать такой показательный урок.

Этот случай внезапного иудейского нападения и его провальный конец показали апостолам, что степень их безопасности в Коринфе возросла. Иудеи теперь притихли. Соответственно, возможности для благовестия еще более расширились. Вскоре после этого Павел направил Тимофея в Македонию, разрешив ему после этого пойти и в родные места. Тимофей обратил его внимание, что галатийские общины предоставлены сами себе уже давно, больше года, а ведь оставлены они были Павлом далеко не в лучшем виде. Тимофей и отправлен был в одиночку исправлять все, что потребуется. Павла же задерживали в Коринфе его болезни. Лука должен был оставаться при нем. На прощание они договорились, что по возможности Павел отправится в Иерусалим морским путем с кем-нибудь из Коринфян. Несмотря на все опасности морского плавания, это все-таки был более безопасный путь для доставки немалых денег столичной общине. Несколько человек зашивают монеты в пояса, которые никогда не снимают, никогда не говорят о деньгах, держатся вместе на одном корабле – это все-таки лучше и легче, чем идти пешком по римским дорогам, входить каждый раз в новые города и постоянные дворы, встречая по дороге массу подозрительных людей. Хотя путешествие морем обходилось, конечно, дороже.

Тимофей был молод, крепок и боден, он денег не нес. Поэтому и мог позволить себе такую приключенческую роскошь, как путешествие пешком и в одиночку. Павел, обремененный болезнями и жертвованиями, так передвигаться уже не мог. После посещения Иерусалима он планировал

вернуться в Антиохию Сирийскую и оттуда уже подать Тимофею в Листру восточку⁴³.

Когда прощались, Лука наедине сказал Тимофею без Павла:

- Да, он тяжеловат в общении. Рядом с ним ты выдержал еще дольше других. Ни Варнава, ни Силуан не смогли быть его попутчиками долго. Теперь и ты отдохнешь от учителя. Увидишь, что будет тебе не легче. Но помни: именно Павел – наше главное связующее звено. Его били и будут бить в первую очередь. Вся иудейская ненависть сосредотачивается на нем. Ты помнишь, как в Филиппах было: нас с тобой не тронули. Поэтому я прикован к нему узами врачебного долга. Вторые и третьи Силуаны и Тимофеи у него еще найдутся, а вот у нас второго Павла уже не будет. Не забывай этого никогда.

В дорогах своих Тимофей, конечно, стремился иметь каких-то попутчиков, пусть теперь уже не из своих. Через неделю он был в Фессалониках и встретил радушный прием. Оказалось, что Учение Двенадцати уже дошло и дотуда. Тимофей вспомнил наставление Павла не пытаться прямо оспаривать авторитет иерусалимской церкви – это означало бы убить свой собственный своим же языком. Но все-таки правило о вечере Господней Тимофей отстоял убедительно. Передал благословение Павла: *благодарить, как хотят*, а чего тут хотеть, как не воспоминания страданий Господа и Его воскресения. И Аристарх, и Сосипатр, а потом и Епафродит из Филипп согласились с Павлом и не соблазнились на него. Тимофей облегчил им задачу, а не утяжелил ее.

Вопрос о пришествии Господнем во славе там тоже постепенно сошел с повестки. Пыль прилегла и

обстановка успокоилась. Найдя Фессалоникийцев в порядке, Тимофей отправился в Филиппы. Вообще, македонские христиане, и в частности, филиппийцы не дремали. Они проповедовали по окрестным местам, сообщали благую весть о Христе тем, кто мог ее принять. Тимофею встретилось немало новых знакомых. Уже образовались общины в Неаполе и Аполлонии, городах соседних с Филиппами, и Тимофей посещал их, утверждая верных. Но главным домом, где ему были рады больше всего, оставался дом Лидии. Своего мужа Вара она все-таки уговорила принять веру Господню, а Тимофея просила его крестить. Что и было исполнено.

Глава 10

Тимофей возвращается домой

Погостив у Лидии с Варом, Тимофей нашел попутчиков до Троады и отправился. В Троаде он помнил даже тот трехэтажный дом, где оставались апостолы на ночлег, а Павел получил откровение прийти в Македонию⁴⁴.

Остановившись там, Тимофей разговорился с хозяевами, тихонько помолился про себя и попробовал сообщить им о Христе. Оказалось, что в порядке слухов они уже были поставлены в известность не только об Иисусе, но и о Павле.

- Мы с Павлом ночевали в вашем доме. Там, на третьем этаже всего одну ночь, а потом отплыли в Македонию.

- Неужели? – изумилась хозяйка, по имени Евдокия. – Ну, это, наверное, какой-то знак для нас.

- Для каждого свои знаки посылаются, - сказал Тимофей, как-то очень по-взрослому. – Важно поверить самому смыслу Вести. Осознать, что Бог Един, что мы виноваты перед Ним, что не чтили Его должным образом, и что прощение грехов подается нам через Сына Его Иисуса Христа, за нас пострадавшего.

И он рассказал всю ту историю, которую привык рассказывать уже не раз. Евдокия и ее муж Афанасий внимательно слушали. На следующий день они сказали Тимофею, что веруют во Христа и просили совершить над ними крещение. С ними же крестился и сын их Евтих, юноша, лишь немного младше самого Тимофея. Снабдили Тимофея всем необходимым на дорогу и обещали, что дом их всегда открыт и станет перевалочной базой для Павла и его помощников. Трехэтажный дом Афанасия в Троаде знал всякий. Прошло немного времени, и в этом доме стала собираться небольшая христианская община.

А Тимофей благополучно добрался до родной Листры. За время его отсутствия бабушка Лоида умерла. Мама жила в приживалках у деверя. Практически весь дом и мастерскую покойного мужа она уступила ему, и жизнь ее была весьма несладкой. По сути дела, она перешла в рабыни: работала по дому и огороду за кусок хлеба, уйти никуда не могла, с благодарностью принимала хотя бы какое-то пропитание и проживание. Несказанно обрадовалась возвращению сына.

Впрочем, и дядя тоже обрадовался племяннику. На работы его запрягли по полной нагрузке. Тимофей с некоторым внутренним трепетом вдруг обнаружил, что он здесь не какой-то там духовный наставник, а

все тот же парень на побегушках, поставленный месить глину, что и был до своей отлучки. Тут не у Лидии или у Ясона с Аристархом. Впрочем, пока делать было нечего, Тимофей понимал, что послужить матери велит ему сам Господь, устроивший такие обстоятельства.

Между тем, пришла уже осень. От Павла известий не было. На самом деле он все еще оставался в Коринфе и даже перезимовал там. Но Тимофей об этом не знал. Более или менее отдохнуть удалось Тимофею лишь в общине у Афродисия. Здесь его понимали и с удовольствием слушали его рассказы о странствиях в Македонию и Ахаию. Своими словами передал им Тимофей о продолжении иерусалимского спора о законе и обрезании, о послании Иакова и об Учении Двенадцати. Списки с этих посланий он не делал и не носил, но братья поняли его верно. Побывал, конечно, Тимофей и в Иконии, и в Дервии. Иконийцы иногда собирались вместе, но на душевном уровне у них пропасть между обрезанными и необрезанными так и не заросла. Зато верующие из обрезанных продолжали посещать и синагогу и преследований от иудеев не ощущали. Что-то весомое сказать там Тимофею не удалось. Его не принимали всерьез. Получилось так, что обрезание, совершенное над ним по совету Павла, не дало ему для христианской проповеди ничего особенного. В языческих церквах этот знак не имел значения, и о нем никто не знал. А в иудейской среде Тимофею все равно не удалось бы выглядеть авторитетно, потому что для этого нужно было знать Писания и еврейский язык (хотя бы отчасти). Такими познаниями Тимофей явно не обладал.

Больше года провел он дома в ожидании Павла или известий от него. И только по весне добрую весть принес Гай из Дервии. Он все-таки к тому времени сам стал христианином и по своим делам ходил в Антиохию Сирийскую. Оказалось, что Павел прибыл туда из Иерусалима, и ожидает там Луку, задержавшегося в Иерусалиме.

В конце лета Павел с Лукою пришли в Ликаонские места и были с радостью приняты в Листре общиной Афродисия. Только на этот раз гостили они уже не у Евники, ведь она уже не была полноправной хозяйкой в своем доме, и сама не раз пожалела, что отдала сына в ученики Павлу. Теперь она предпочла бы, чтобы он оставался с нею, хотя бы и не был обрезан. Глядишь, к тому времени, о котором сейчас речь, смогла бы его женить. Был бы хозяином в доме отца, мать бы обеспечивал. Она не раз предлагала сыну жениться и перестать странствовать, но Тимофей после всего пережитого не хотел бы возвращаться к жизни обычного горшечника. Он был не против женитьбы, но в жены хотел бы избрать себе такую Прискиллу, с которой познакомился в Коринфе, чтобы она готова была разделить с ним труды благовестника.

Из рассказов Павла стало ясно, что болезнь заставила его перезимовать и вторую зиму в Коринфе, так что в общей сложности он провел там непрерывно полтора года⁴⁵. Хотя условия там были относительно спокойные (лучше бывало что, разве только в Антиохии), но трудности благовестия нарастали со временем.

- Тимофей, ты помнишь, насколько там неблагочестивая обстановка, говорил Павел. - Не только же порт и постоянная торговля, но там ведь и

философы, и еще эти состязания певцов и актеров. Там и философская столица, рядом, можно сказать, и театральная столица⁴⁶. Представляешь, какие там примерно нравы? Люди привыкли жить в блуде, на каждом углу про любовь поют и к ней привлекают. А празднества эти идольские, срамные и богомерзкие! Они же ко всему этому душой прикипели. Теперь им предложили любить Христа и ближнего своего. Они с радостью соглашаются. Только сама любовь-то их какова будет? И ведь у них при всем этом наибольшие духовные дары по сравнению с другими церквями. Нигде нет стольких молящихся на языках и пророчествующих. Поистине, где умножился грех, там изобилует благодать.

- И ты предполагаешь туда вернуться? – спросил Тимофей.

- Разумеется. Только не сразу. Сначала мне нужно будет побывать в Эфесе. На пути из Коринфа в Святую землю мы заходили туда с Акилой и Прискиллой. Они остались там проповедовать, нашли себе место какое-то. Там в синагоге немало людей откликнулось на нашу проповедь. Я даже был приятно удивлен. Просто надолго там не задержался, спешил в Иерусалим. Обещал прийти к ним позже. Надо выполнить это обещание.

- А в Иерусалиме что?

- Плохо. Ну, пожертвование мы снова доставили. Уже второй раз после Криспа. Поэтому прямой разнос нам не устраивали. Я ведь ради них еще и обет назорейства принял – в благодарность за избавление в этом путешествии от всех напастей. Все равно, отношение чувствую к себе очень прохладное. Я не стал там долго задерживаться. А вот, Лука там задержался.

- Да, я собирал всякие изречения Иисуса, притчи Его, воспоминания о Нем, - заговорил Лука. - Кое-что узнал из Его детства, потому что нашел Его Мать, Марию. Она уже глубокая старица, но все помнит хорошо. И даже дала мне кое-какие свои записи. Все это надо будет как-нибудь привести в порядок, связно все по порядку описать. Кстати, мне это повелел Феофил, пресвитер церкви в Антиохии, в доме которого все и собираются. Ну, ты сам был там, все помнишь. Хочет, чтобы возможно более полная запись всего этого была и у них.

- Да, это нужно, - добавил Павел. - Я уже и сам с этим столкнулся. Важный довод братьев обрезанных таков: вы о жизни Иисуса ничего не знаете. И хотя это не самое главное, нужно, чтобы такой упрек к нам не был справедливым. Вот, Лука на досуге этим и займется понемногу. А пока мы движемся в Эфес. Ты, как сможешь, тоже присоединяйся к нам. Найдешь нас там как-нибудь.

Тимофею нужно было позаботиться о матери и о местных церквях. На это ушло еще немало времени. До своего отхода Павел немало позаботился, чтобы утвердить авторитет Тимофея, рассказал о его трудах в Македонии и Ахаии. Павел оставил Тимофея в роли своего заместителя на какое-то время. По сути, не меньше, чем пресвитером, а даже больше.

Глава 11

В Эфесе

Когда Тимофей пришел к Павлу в Эфес⁴⁷, то нашел учителя достаточно легко. Тимофею указали на школу местного философа, по имени Тиранна.

Вряд ли сам хозяин помещения стал учеником Павла, но проповедь там шла уже достаточно широко. Павел ввел Тимофея в курс дела:

- Как видишь, мы здесь, ибо, начав проповедь в синагоге, прошли обычным путем.

- Они пытались тебя убить? – спросил Тимофей.

- Я постарался не доводить до этого. Мы перестали ходить туда довольно быстро. Мы – это уверовавшие иудеи. Акила и Прискилла предпочли мною не рисковать, и нашли для нас место в этой школе. Здесь у нас и собрания проходят, и проповедь для всех проходящих.

- И что, иудеи сильно против пути Господня?

- Как и везде. Во всяком случае, важно то, что о Христе Иисусе они слышали не только из моих уст. Проплывая в Иерусалим из Коринфа, я останавливался здесь, заходил в местную синагогу и проповедовал здесь недолго. Тогда они заинтересовались. Потом, пока я был в путешествии, сюда пришел один иудей из Александрии по имени Аполлос и проповедовал им о Христе. Правда, он не все знал из общего свидетельства Двенадцати, что хранят в Иерусалиме. Но Акила с Прискиллой рассказали ему всю суть. А потом он отправился в Коринф, по их же просьбе, чтобы укрепить общину там. Здешние евреи восприняли Аполлоса тоже неприязненно, но Акила с Прискиллой его уберегли от большой вражды, отправив его вовремя⁴⁸. Но он еще не возвращался.

- А как местные эллины восприняли проповедь?

- Как везде, то есть, по-разному. Но в целом, здесь совсем не те люди, что в Ахаии.

- Ближе к Богу или дальше? – спросил Тимофей.

- Не могу судить, ближе или дальше, но совсем в ином отношении. Там главным образом блудят и философствуют, а здесь колдуют и мистикой занимаются. Хотя и философы тоже встречаются.

- И что хуже?

- Да и то, и другое плохо. Но здесь могут быть такие персонажи, что по виду станут христианами, а на деле будут искать просто новых сил для духовных опытов. Духовный поиск может породить у них какие-то свои версии понимания Благой Вести. И подозрения они подают уже. Но вообще, здесь в Азии для благовестия открыта широкая дверь, хотя и противников много. После расхождения с местной синагогой, один философ предоставил нам возможность пребывать вот здесь, в своем училище, куда постоянно приходят люди. Причем из них много пришельцев со всей Азии и Фригии. Они разносят сами весть, и так возникают церкви по разным городам. Куда-то надо будет отправиться и тебе, организовать жизнь общины на месте.

- Хорошо, схожу, - согласился Тимофей.

- И это еще не все. Здесь нам встретились сторонники особых языческих религий или сект, не знаю, как их правильно назвать. Ты уже знаешь, как это у язычников бывает: одних богов своих отставляют и забывают, других начинают почитать больше, чем прежде. Но вот тут попались такие особенные, что задали нам серьезные вопросы.

- Это кто такие?

- Вот выслушали нас, что Иисус пострадал и умер за наши грехи, и говорят, мол, нам это не новость. Мы знаем, что боги иногда умирали за грехи людей. И некоторые воскресали из мертвых. Говорят: вы, мол, опоздали со своей проповедью, или у нас что-то

стащили. Кровь умерших богов оживляет мир, или засекает его. Есть и такие, кто едят и пьют кровь своих богов на своих мистических, таинственных сходках, – и этим надеются спастись в будущей жизни.

- А что ты им отвечаешь?

- Я отвечаю, что Иисус – это знакомый множеству людей человек, что жил совсем недавно. Это не персонаж мифов о чем-то древнем. А они говорят: если он – просто человек, то вы надеетесь на человека. Может ли человек спасти других? А если Он – бог и ли сын кого-то из богов, то тогда со своими рассказами вы уже опоздали. В общем, их религия знает умирающих и воскресающих богов, жизнь и смерть которых оживотворяет других людей. Да, их религия сплошь баснословная, мифологическая, но она всерьез ставит вопрос, кем же был Иисус на самом деле?

- Кем-то большим, чем человек?

- Он был вполне человеком, настоящим человеком, - убежденно отвечал Павел. – Но если Он был бы только человеком, то как же мы через него надеемся получить спасение? Здесь они оказываются правы. Ведь проклят всякий, надеющийся на человека. Так говорит Писание, а не только эти мистики.

Тут в разговор вмешался Лука.

- Я был в Иерусалиме и говорил с Петром, Иаковом и Иоанном. Я встречался с Марией, Матерью Иисуса. И они, и особенно Она, настаивают, что Он не имел на земле отца. Он зачат и рожден от нее особым действием Святого Духа. О чем ей заранее возвестил особо посланный ангел. А с какого-то времени в детстве Он вдруг сам без

подсказок осознал, что подлинный Его отец не Иосиф, муж Марии, а сам Бог! Я записал эти рассказы о его детстве. Впрочем, эти истории они там всем не рассказывают. И возможно даже, что не все этому рассказу верят⁴⁹.

- Я понимаю, почему, - сказал Павел. – Рождение великих людей от богов и женщин – это обычная картина в язычестве. Верить в Единого Бога и допускать наличие у этого Бога детей – такое невозможно. Мы же несем им веру в одного Бога. Называя Иисуса Сыном Божиим, мы все имеем в виду духовное сродство. Сын Божий – значит, послушный Богу.

- А также обещанный Царь Израиля, - добавил Лука. – Как и у других народов. Любой царь непременно считается родившимся от богов.

- Ну, и этот смысл, конечно, тоже есть, - согласился Павел. – Но не может же Бог рождать дитя, как муж от женщины! Даже, получается, как любовник, от чужой невесты. Прости Господи, даже выговаривать такое стыдно.

- Я думаю, - продолжил Лука, - апостолы имеют в виду не это, а то, что Дух Святой Божий создал во чреве Девы дитя без участия мужа. Как первый Адам не родился же от матери, а просто создан. Или как Ева создана из ребра Адама. Адам ведь не имел ни отца, ни матери. Один ему отец – сам Бог. Так ведь?

- Ты говоришь: создан, как Адам, - задумчиво промолвил Павел. – Второй Адам? Это, возможно, очень значимая мысль. И не только в смысле рождения. Смотри: ведь через первого Адама в роде людском началась смерть. А во Христе нам дается жизнь, и притом жизнь вечная. Вот это да! Адам наоборот?! Второй Адам?!

- Да! И ведь простой человек не может спасти людей. Даже не может служить орудием Божиим по спасению людей. Призвание имени Иисуса побеждает силы всех языческих богов и демонов, - развивал мысль Лука. – Ясно, что Иисус не просто человек. И даже не просто особенный человек. Там в Иерусалиме помнят Его слова, которые от своего имени может сказать только Бог. Например, что Он один знает Отца так, как не знает ни один человек. Иисус говорил, словно сам Бог, - но Бог Отец при этом не посрамил Его.

- Я это все понимаю, - согласился Павел. – Но у меня нет слов человеческих, чтобы описать, каким образом Иисус является Сыном Божиим, сам имеет полноту Божией власти и силы, а Бог при этом все-таки один. Тайна. Сокровенная тайна Божией премудрости. И нельзя ее проповедать всем подряд. Только люди, имеющие Духа Святого, ходящие по духу, смогут, быть может, ее вместить⁵⁰.

Тимофей выслушал этот разговор с каким-то трепетом и удивлением. До сих пор он не пытался вникнуть в такие вопросы, возможно, потому, что Листра – это не Эфес и не Коринф. Там таких сложных вопросов ему не ставили. Царь Израиля и всего мира, почтенный Богом, воскресившим Его из мертвых – вот и все объяснение об Иисусе, которое пока было Тимофею вполне достаточным. До сих пор, казалось Тимофею, это же объяснение было достаточным и для самого Павла, но теперь вопрос вставал глубже. Среди прочего Тимофей подивился, как такой тихий и скромный с виду Лука, всегда не заметный, стал столь глубоко мыслить и помогать Павлу почти на равных. Видимо, иерусалимское его «расследование» об Иисусе дало ему много.

Тимофею пришлось походить по асийским городам, где уже были общины, или просто пока не организованные собрания верующих. Эфес стал местом пребывания Павла на целых два года. И это вовсе не означало, будто Павел возглавил бы сам только общину этого города. Он занимался проблемами всех окрестных церквей Азии и Фригии. Отовсюду приходили к нему в Эфес посланцы общин, а он сам посещал или посылал помощников в эти общины⁵¹.

С первым поручением Тимофей был отправлен по той дороге, которую недавно прошел, придя в Эфес. Проходил он мимо города Колоссы, где совсем недавно появились первые христиане. Впервые слово веры посеял там уже упоминавшийся нами Епафродит, который, как мы помним, был поставлен Павлом пресвитером в Филиппах⁵². Проживая в Македонии, он был родом из Колосс, и за время отсутствия апостолов посетил свой родной город с проповедью. Его там хорошо помнили, и слову его некоторые поверили. Когда же сам Павел, по дороге из Ликаонии в Эфес, проходил Колоссы, ему указали на уверовавших в Господа. И Павел, собрав всех вместе, основал там общину. Епафродита он там уже не застал, как и Аполлоса в Эфесе. Слово Божие разносилось, активных христиан-проповедников было сравнительно немного, и они двигались не всегда предсказуемо, не имея связи друг с другом, как некие броуновские частицы, так что пути их не всегда пересекались между собою. Теперь же, пока тот же путь был свежим в памяти Тимофея, он и был выбран Павлом, чтобы посетить эту общину снова. Павел сообщил ключевое имя: нужно было найти

дом Филимона. То был человек влиятельный в городе, его все знали.

Тимофей уже знал, как следовало проводить такие встречи с общинами. Назначалось общее собрание, и в нем, прежде всего, если только люди не спешили с вопросами, он приносил благодарение Господу, совершал вечерю Господню. Теперь уже Павел подарил ему особую небольшую чашу, специально для евхаристии, которую Тимофей носил с собою. Общая чаша собирала внимание людей на главном, пред их глазами представал *Иисус, как бы у них распятый*, и дальше беседы проистекали из этого сосредоточенного, важного и доброго расположения. После таинственного соединения с Господом люди и сами избегали пустословия, празднословия, тем более словесных провокаций, а если что-то такое и намечалось, Тимофею легче удавалось не втянуться в пустые и вредные споры.

Имена некоторых колосских христиан дошли до нас. Сам Филимон, человек богатый, предоставил свой дом для общины. Жену его звали Апфия. Наиболее грамотным и сведущим человеком оказался там некий Архипп. Его Тимофей сразу приметил, как кандидата в пресвитеры. И хотя все эти люди встретили Тимофея радушно, ему все-таки не удалось избежать трудного вопроса.

- Посмотри, вот, ты говоришь, что Иисус искупил нас от клятвы закона, - говорил Архипп после того, как Тимофей рассказал всю историю искушения галатийских христиан ревнителями закона. – Но ведь закон дал сам Бог. Правильно? Кто же тогда Иисус, чтобы отменять закон, исправлять закон?

- Он не отменил закон, а изменил его назначение,
- отвечал Тимофей. – Он дал силы нам соблюдать в законе важнейшее, оставив то, что менее важно.

- Я с этим согласен, - продолжил Архипп, - не спорю и соглашаюсь. Я верю, что это изменение доброе и к лучшему. Но и ты согласишься, что простой человек не может поступить с законом Божиим вот так. Если же Иисус имел на то какое-то полномочие, то Он и сам больше, чем обычный человек.

- Больше, и чем необычный человек, - согласился Тимофей, припомнив беседу Павла и Луки, – но в то же время вполне человек.

- Может быть, побывать человеком – это лишь эпизод, некоторая случайность в Его жизни. Смотри: воскреснув из мертвых, Он уже не умирает. Значит, он бессмертен, не имеет конца.

- Ну да.

- А ты знаешь, что все, что имеет начало, должно иметь и конец?

- Все ли?

- Ну, подскажи, если что-то не таково вокруг нас. Вот, мы верим, что Бог сотворил весь этот мир. И вы же учите, что он весь исчезнет. Правильно?

- Да.

- Получил начало – будет и конец. Такова природа всех вещей. А если Иисус не имеет конца, тогда что получается?

- Значит, он не имеет и начала, - согласился Тимофей.

- И мы все с ним тоже надеемся на вечную жизнь. Значит, и наши души как-то и где-то существовали прежде. Вот, и Пифагор, и многие философы верят, что прежде души жили в других телах. Ведь они же не имеют конца, значит, не должны иметь и начала.

- Ну, если они вместе с Богом существуют всегда, то тогда Бог им и не Творец, - нашелся Тимофей и вспомнил книгу Бытия. – Нет, ничего не говорит Писание о предварительном существовании человека. И человек, родившись, не знает и не помнит, был ли он в каком-то другом теле.

- Значит, и мы не можем быть вечны, если у нас есть начало. Есть начало – будет и конец.

Тимофей задумался. Архипп явно был искренним и не пытался сбить Тимофея с толку. Он честно искал ответ на сложный вопрос. Подумав, Тимофей признался:

- Я пока не знаю ответа. Спрошу у Павла. Быть может, Господь ему что-то откроет. – И еще помолчав, он добавил. – Вот пойми простую вещь. Господь Иисус этого нам не открыл. Насколько я знаю Его изречения, - (а Тимофей уже прочитал записки Луки), - Иисус проповедовал о вечной жизни, Он уверенно говорил, что верующие ее получают. И при этом Он не задавался этим вопросом: имела ли душа начало. В Писании так написано, что человек появляется, когда родился, и не говорится, что душа была раньше. И человек, принимая слово Господне, получает и Духа Святого, а Дух Святой дает ему веру в жизнь вечную. И много же людей живут в Духе, Дух дает им слово, Дух дает им чудеса совершать, - но в вечной жизни они не сомневаются, а сомнениями о том, кем они были до рождения своего, не мучаются.

- Да, это справедливо, но это не ответ, - промолвил Архипп.

- Может быть, нам не надо пока на все вопросы иметь ответы. Но повторю, я спрошу у Павла.

- Да, и особенно спроси о самом Иисусе. Запрещать бесам, болезням, ветрам, и наконец, даже управлять Божиим законом смертный не может. И сейчас вы с Павлом только его имя призываете, когда молитесь о чудесной помощи, - и она приходит. Имя Иисуса имеет поразительную силу. Если бы вы не учили, что Бог один, безусловно, все признавали бы Иисуса богом. А пока получается, что это Божий посланник, по всему вроде человек, но больше человека... И кто же Он тогда, в конце концов?

Тимофей удалился из Колосс, не разрешив эту тайну. Не много сумел прояснить ему и Павел:

- Ты прав, - сказал он, - что в Писании нет учения о переселении душ. И если бы души существовали вечно, то Бог им не творец. Это ты тоже верно им сказал. Если души прежде существовали бы в других телах, то все равно получается, что когда-то они начали быть, но были не всегда. Значит, это тоже вопроса не решает. А только ставит новый вопрос: за которую из жизней, за жизнь в чьей такой плоти, судить человека? Возможен ли суд в день Господень, если души переселяются?

- Конечно, нет, - ответил Тимофей.

- Но о суде Иисус возвещал не раз и без колебаний. Если Он был бы здесь не прав, - не был бы воскрешен из мертвых. Это относится ко всему Его учению.

- Все так, - согласился Тимофей. - И все же, что касается самого Иисуса. Когда Он начал быть, родившись от Марии, или когда-то раньше?

Павел задумался.

- И кстати, о суде, - продолжил Тимофей свое рассуждение, которое обдумал в дороге. - Если Архипп прав, говоря о том, что управлять законом и

стихиями мог бы только Бог. А кто будет совершать последний суд? В День Господень?

- Да, Иисус. Значит, у Него есть Божия власть, Божие могущество. По меньшей мере, так. Мир будет судить Бог. Но и судить его будет через Христа, через которого и даровал спасение людям.

И подытожив беседу, Павел сказал:

- Ладно, с тебя хватит. Я сам, с Божией помощью, еще схожу в Колоссы и поговорю с Архиппом. А пока тебе надо познакомиться, у нас тут новые для тебя люди.

Все они были старше Тимофея. Прежде всего, из Коринфа прибыл Аполлос, о котором уже было сказано. То был муж видный собою и весьма энергичный. Говорил он, действительно, доходчиво и убедительно. В то же время, умел и слушать, а не только говорить. В отношении своем к Павлу он, как и другие, уступал тому первенство во всем.

Но еще больше Павел радовался прибытию своего давнего знакомого и друга по проповеди. То был римлянин, Тит, старый знакомый Павла еще со времен Антиохии. С ним и с Варнавой Павел относил пожертвования в Иерусалим еще десять лет назад, до знакомства своего с Тимофеем. Тогда-то заключили апостолы договоренность, что Павел и Варнава станут проповедовать язычникам. Потом Тит проповедовал в Сирии, а сейчас прибыл в Эфес с Крита, узнав, что Павел находится там и желая повидаться со старым другом и наставником.

Третьим важным знакомым Тимофея в Эфесе стал местный грек по имени Тихик. Родом он был из Лаодикии, и когда там родилась христианская община, стал одним из главных ее деятелей. Он

также вызвался в помощники Павлу в благовестии по разным общинам Азии.

Жизнь христианской миссии в Эфесе бурлила ключом. Никогда прежде еще не было у Павла столько помощников, друзей и просто знакомых. В училище Тиранна постоянно появлялись свежие люди. Поначалу Павел работал у Акилы, но потом в связи с притоком все новых людей ему уже не было бы возможности зарабатывать своими руками на хлеб, даже если бы это потребовалось.

Самым интересным и важным для Павла был рассказ Аполлоса о жизни коринфских братьев. Тимофей невольно заметил, что Павел выделяет их среди всех остальных, уделяет им больше внимания, чем его родным ликаонцам, например. Среди прочих церквей именно у коринфян проявлялось особое речение о духовных дарах. Именно там молились на непонятных языках, многие посреди собрания получали откровения и делились ими. Павла как-то особо трогала эта духовность. Но теперь новости, принесенные Аполлосом, словно возвращали его с неба на землю.

- Насколько я успел понять, - рассказывал Аполлос, - на них порою влияет их прошлое. На них сильно действует их языческое окружение. Тянет их порой поспрашивать. А праздники у них там без конца, одни перетекают в другие. А где поспрашивать, там и выпить лишнего, там и поблудить, к сожалению. Все виды блудилищ там налицо. Проституция легальная, проституция ритуальная, праздничная, будничная, - какая угодно. И вот, они в этом мире живут. Ну, при тебе, Павел, они стеснялись. Или лучше сказать, крепились. В твое отсутствие некоторые расслабляются. И это

главное. Именно то, кстати, что отмечено в послании собора: идолы и блуд. Это - самое главное, самое первое, от чего их надо оттаскивать, как коня и лошака крепкою уздой⁵³, - как в псалме сказано. Где-то в капище с друзьями зайдут, где-то съедят что-то идоложертвенное, а там и споют, и спляшут – в итоге и в блуд впадут. И мы еще не все знаем про каждого. За всеми же следить невозможно. Некоторые приходят потом и каются.

- Хорошо, если каются.

- А кто не кается, про того не узнаешь. Если сами друг на друга не сплетничают. Но у них ведь своя мораль такая сложилась, что идол это ничто, идоложертвенное – ничто, что они свободны от рабства закону. Если съедят что-то такое, якобы ничтожное, - то и ничего страшного. Ну, а раз ничего страшного, то и Бога не боятся, грешить не боятся. На тебя, кстати, ссылаются, дескать, мы же не рабы закону, мы свободные. Мы, мол, ходим по духу, дух наш ожил, а если плоть спотыкается, то плоть – это не самое главное.

- И когда ж они от меня слышали, чтобы я учил полагать плоти, а не жить по духу? Или что одно с другим совместимо? – возмутился Павел. – Никогда я им такого не говорил. Наоборот, внушал, что жизнь по духу и жизнь по плоти – это совершенно разные жизни. Ходящий по духу не станет сквернить плоть свою.

- Ну, это же греки, они плоть не уважают.

- Не уважают, зато услаждают, - вставил Лука. – С полным к ней презрением, но услаждают.

- Да, я это и сам замечал, - согласился Павел. – И заканчивается это тем, что в воскресение мертвых с

трудом верят. Мешает им это повышенное презрение к плоти.

- Зато не мешает ее услаждать, - сказал Аполлос. – Но вообще, Павел, у этого дела есть и другая сторона. Твои противники с иудейской стороны постоянно выставляют это на вид: вот, мол, к чему приводит Павлова проповедь свободы от закона. Вот они, мол, искупленные от клятвы закона, они и в капище, и в блудилище. И ходят там «по духу».

- Не по духу, конечно, - ответил Павел. – Но я понимаю все эти нарекания. Надо будет постоянно всем им об этом говорить. Настоящая жизнь по духу с такими грехами не совместима. Но ты прав, они все еще плотские люди. Младенцы в вере. С ними еще придется помучиться. Надо бы к ним туда отправиться, но сейчас пока не время. Здесь бросать дело тоже нельзя.

- Ну, и не разрывайся сердцем, - успокоил его Аполлос, - давай пока напишем письмо им. Краткое такое предупреждение. Передать можно просто со знакомыми корабельщиками, кто ходит на Кенхреи, на Афины. Они передадут Дионисию или Фиве. Те предупреждены. Короткое письмо передать можно. Длинное лучше отправлять с письмоноском, а то жалко будет, если потеряется. И, конечно, никого лично там поминать нельзя.

- Да, я понимаю, - согласился Павел. – Хорошо, Лука, носи чернильницу.

И он продиктовал следующее:

- Братья, не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо что общего у праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Может ли быть согласие у Христа с Велиаром? Или единство у верующего с неверующим? Какая

совместность у Храма Божия с идолами? А мы и есть храм живого Бога, потому что так сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них, и буду их Богом, а они будут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас. И буду вам Отцом, а вы будете моими сынами и дочерями, говорит Господь Вседержитель. Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим⁵⁴.

- Хорошо, - сказал Лука, дописывая письмо. – Я пока писал вот что подумал. Ты, Павел, говоришь, что они плотские, несмотря на все их духовные дары. Но вот им нужно писать о блуде и об идолах. А здешние задают вопросы о Христе и Боге, кто есть наш Господь по сути своей, был ли Он прежде, чем родился. Разница есть, правда?

- О больных и заботы больше нужно, - отозвался Павел. – Как в теле нашем, немощные и неблагообразные члены требуют большего попечения и прикрытия одеждой. Но, кстати, и об асийцах не думай высоко. Их духовные вопросы еще принесут нам немало и бед, и заблуждений.

Братьям письмо понравилось, и Аполлос отправил его с ближайшей оказией.

В собраниях Павел старался избегать обсуждения темы о предвечном бытии Христа. Он постоянно внушал людям, что у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им существуем⁵⁵. Сверх того он отлагал всякие обсуждения, говоря, что это – премудрость Божия, тайная и сокровенная, что о таких предметах нужно судить духовно.

Однажды после собрания, когда за ужином остались только Павел с Аполлосом, Тимофеем, Титом, Лукою и Тихиком, Аполлос все-таки эту тему продолжил:

- Братия, кто-нибудь из вас читал книгу Притчей?

Утвердительно кивнул только Павел.

- Я хочу сказать, - продолжил Аполлос, - уж если мы говорим о премудрости Божией, то в этой книге сама эта премудрость описана, как некая дочь Бога, рожденная прежде сотворения мира. Она взывает к людям, призывает их, беседует с ними, убеждает. Она построила себе дом, о семи колоннах, которые сама же сделала, она закалывает жертву и устраивает трапезу для тех неразумных, кто еще способен просить и искать разума. Она говорит, что у нее есть сила, что ею царствуют цари, и законодатели пишут справедливые законы. Она сама любит любящих ее, награждает их. В общем, кратко сказать, так может о себе говорить только дочь великого Царя, имеющая всю полноту Божиих полномочий⁵⁶.

- Я тебя понял, - отозвался Павел. – Ты дальше хочешь сказать, что мы же, мол, не призываем почитать богиню Софию. Или Хохму, как правильное сказать? И через это размышление выходишь на Иисуса. Видишь ли, есть такое греческое слово метафора. Иносказание, одушевление. Поэты любят влагать живую самостоятельную душу даже неодушевленным предметам. То же есть и в нашей еврейской поэзии. В псалмах горы скачут, как олени, а Иордан возвращается вспять. И это надо воспринимать иносказательно. Так и Божия премудрость – это сам Бог, Который действует мудро.

- Ну, хорошо, - продолжил Аполлос, - но моя рука со мною разговаривает? Или нога говорит мне что-нибудь? Или призывает мое око или ухо людей к себе? Если премудрость – это только свойство Бога, то почему оно так самостоятельно?

- Помяни мое слово Аполлос, мы еще услышим про богиню Софию, кроме бога Иисуса. И Дух Святой Божий тоже станет самостоятельным богом. А там и шехина, слава Божия. О ней тоже говорится, как и о премудрости. Это очень опасный путь. Плотские люди, надмеаясь плотским умом своим, вычитают это все из Писания, и начнут нам проповедовать пятерых или шестерых богов. Потом прибавят новых, подобных им. Есть же, скажут, у Бога, допустим, сила? – Есть. – Всегда она была, правда? Бог не бывал бессильным, так ведь? – Не бывал. Ну, вот вам и богиня Динамис - Сила Божия. И так далее. Разделят Бога на Его свойства и качества. Понимаешь? Бог будет представляться таким синедрионом или сенатом, члены которого: премудрость, слава, сила – это Его же собственные качества. И что тогда делать?

- Секретарем синедриона назначат Иисуса? – усмехнулся Лука.

- Так всегда рождалось многобожие, - продолжил Павел. - Какие-то сотворенные, видимые вещи, отчасти постижимые людям, назначались вторичными богами. А дальше богов будет все больше и больше. Это поистине путь к смерти. Бог не живет в таких сердцах. Бога из них изгнали, разделили на части, заменили. К синедриону богов обращаться не станут. Будут обращаться к конкретному богу-сенатору, ответственному за

данное дело: кто за удачную войну, кто за хорошую рыбалку, кто за женитьбу.

- Я это понимаю, - помолчав, продолжил Аполлос. – У нас в Александрии все понимают Писание только иносказательно. И прочитав книгу Притчей, богине Софии не поклоняются. Но все же не случайно в Писании так говорится о Боге и Его премудрости.

- А от Бога ли такая речь? Всякое ли слово в наших книгах является прямой речью Бога, лишь записанной пророками? И если притчи написал действительно царь Соломон, то ты же помнишь, как он окончил дни свои. Он стал почитать много разных богов. Хотя бы и не наряду с Богом Израиля, а как бы поменьше. Но это все, конечно, Богу было неужгодно и привело к очень плохим последствиям.

- Конечно, никакого спора не было бы, - согласился Аполлос, - мы бы так и понимали слова книги, как метафоры, если бы... Если бы не Иисус. Назывался бы Он не женским именем София, а как-то иначе...

- Мужским именем: Логос, например, - подсказал Лука.

- Да, например, так, - подхватил Аполлос, - и весь этот рассказ Премудрости о себе звучал бы, как пророчество об Иисусе. Он звучал бы так, словно Иисус говорит все это о себе. Что он рожден прежде бездн и гор, что устроил трапезу, приглашает на нее, любит пришедших и награждает их, - и так далее. Ведь сам, настоящий Иисус что-то в таком духе о себе и говорил, правда?

- Правда, - подтвердил Лука, лучше всех присутствующих знавший этот вопрос.

- А главное, что он жертву свою заклал, - задумчиво добавил Павел. – И в другом смысле, нежели там сказано о Премудрости.

Все притихли в благоговейном трепете. Павел продолжил:

- Дух свидетельствует мне, что в Иисусе раскрываются все Божии свойства, совершаются все его дела, что Он есть полное Божие слово к миру, откровение ему. И Дух же не велит мне прямо и открыто все это проповедовать и возвещать людям, лишь недавно уверовавшим в Бога Единого. И вы все прекрасно понимаете, почему так. Только духовный человек может судить об этом, и судить будет духовно. Душевный человек просто сочинит нескольких богов. И прежде чем судить о происхождении Сына Божия, человеку необходимо уверовать в Него, как в Икупителя, через которого Бог прощает ему грехи, дарует Святого Духа и вводит в новую жизнь, в свое Царство. Если слово о Кресте для человека праздно, если оно представляется ему скандальным или безумным, то уж ни в коем случае не следует ему говорить о предвечном бытии Сына. Кроме языческого, многобожнического толкования, ничего этим не добьешься⁵⁷.

Спустя какое-то время, ближе к зиме, Павел просил Тимофея посетить снова церкви Македонии.

- Прежде всего, нужно укрепить их в вере, - говорил он. – А, кроме того, и собрать пожертвования на Иерусалим. За нашу миссию по-прежнему приходится платить. Мне самому заниматься сборами нельзя никак. За мною просто следят, меня хотят подловить и обвинить в личном

обогащении. А в то же время сами денег ждут и требуют от всех языческих церквей. Поэтому, таким делом должны заниматься мои помощники, а лучше кто-то из местных, кого сама община позже направит с рекомендательным письмом вручить пожертвования. А я сам приду к вам туда, и далее в Коринф после Пятидесятницы. А если найдешь время и силы, может быть, и сам посетишь Коринф. Тогда дождайся меня там.

Тимофей отправился, хотя, конечно, роль сборщика податей ему и не нравилась. Базой своей он избрал Филиппы – город относительно тихий, где ждали его наиболее доброжелательные и щедрые люди, не склонные ни к излишним мудрованиям, ни к срывам назад, в языческие нравы. С радостью встретились и с Епафродитом, и с Лидией. Епафродит был особенно рад, что Тимофей посетил его родной город Колоссы, что там укрепляется христианская община.

Глава 12

Вновь в Македонии и Ахаии

Павел появился в Филиппах раньше назначенного им срока, неожиданно, сопровождаемый только Тихиком. По всему было видно, что оба они измучены дорогой и какими-то пережитыми опасностями. Павел рассказал, как им пришлось бежать из Эфеса по причине большого народного мятежа.

- Было там у них это весеннее празднество в честь их мерзостной богини, - рассказывал он, - и местные ювелиры, которые делают изображения их храма,

видимо, не досчитались выручки. Что-то им показалось мало. Обвинили в этом на своей сходке христиан, что мы, дескать, отвратили народ от почитания их богини. Бросились меня разыскивать. С кольями, с ножами, как это бывает. Двинулись к дому Акилы. Хорошо, Тихик меня предупредил. Прискилла спрятала меня в подвале. А ваши македонцы, Аристарх и Гай приняли удар на себя. И их, и Акилу толпа допрашивала, где я, но они меня не выдали. Тогда Аристарха с Гаем схватили и потащили в театр. Слава Богу, хотя бы на самосуд не отважились. А нормального суда в праздничный день там быть не могло. К тому же, они сами не понимали, чего хотят. В общем, как мне потом Аристарх объяснил, видимо, они спутали христиан с иудеями. Схватили еще каких-то иудеев, не могли решить, мы или иудеи больше портим им торговлю. Один от синагоги пытался оправдываться, ему не дали говорить. Все пьяные, кричат, славят свою богиню. Я уж сам хотел к ним выйти, но меня братья не пустили. Власти сами были в панике, не понимают, что делать. Меня уговорили не выходить, потому что убили бы точно. Аристарха и Акилу не убили только потому, что надеялись через них найти меня. Но когда горожане накричались, местный глава, римлянин, вышел к ним, наговорил всяких нежностей в адрес их богини и призвал все решать законным путем, обращаться в суды и к проконсулу. Они чуточку обмякли. А под конец он так ласково им намекнул, что привилегии от города могут быть отняты за мятежное поведение. Тут эти медники и серебряники сквозь густой хмель смекнули, что они потеряют еще больше, чем потеряли уже, - и помаленьку разошлись. Но мне пришлось бежать из

Эфеса, как тогда из Дамаска. Переодеться, остричься, чтобы не узнали. И вот так мы и пробирались с Тихиком вдвоем до Троады. Не заходили ни в одну общину, чтобы не наводить беду на братьев. Впроголодь добрались до Троады, только там уже, кажется, погоня отстала. А за нами Аристарх и Лука еще придут. Лука нужен мне. Я ведь совсем уже не тот, что тогда, в Дамаске, да даже и у вас в Листре. Такие походы без еды и воды мне уже не по здоровью совсем⁵⁸.

В доме Лидии он, наконец, смог отдохнуть и частично восстановить силы. На следующий день поделился с Тимофеем и Епафрадитом новыми своими заботами.

- Всякий раз большую и широкую проповедь приходится оставлять на полуслове. Наше дело в Азии далеко не закончено. Но теперь тут важнее другая боль. Это Ахаия, конечно, и прежде всего, Коринф. Как ты, Тимофей, ушел, приплыли в Эфес из Коринфа сам Стефан, первоначальник их общины, Фортунат и еще брат один, служащий им. И такое мне рассказали, что я вспомнил, как ты приходил ко мне из Листры в Антиохию. Тогда я всерьез опасался, что все труды у вас в Галатии погибли. Теперь то же самое думаю о Коринфе. И еще жальче. Город огромный, полтора года трудов, и, может быть, действительно, все прахом пойдет.

- Да что ж они натворили? – изумился Тимофей.

- Ну, ты помнишь, при тебе Аполлос говорил про их склонность к блуду. Вот теперь Стефан еще добавил подробностей. Кроме того, они там друг с другом разделились. Партии у них теперь. Кто-то за Аполлоса, кто-то за меня, как сам Стефан, конечно. Есть еще партия якобы Кифина, Петрова. Опасаюсь,

не Крисп ли ее создал? Это просто иудействующие. Даже судятся друг с другом кто-то у них в обычном проконсульском суде. Такой позор на весь город! И не понимают. На мое им письмо ответили так, довольно самоуверенно, что они понимают всю ничтожность идолов и не боятся съесть что-то идоложертвенное. В общем, я написал им еще письмо, большое, подробное⁵⁹. Долго старался успокоиться, взять себя в руки, не раздражаться. Помучил брата Сосфена своим диктантом: диктовал, а потом попросил убрать или смягчить некоторые свои выражения. Всячески хотел их не обидеть, но боюсь, что в такой ситуации это очень трудно.

- А сами-то они что, не понимают?

- Видимо, не понимают. Сам посуди. Один у них там, видно, не последний человек, спокойно взял в сожительство собственную мачеху по смерти отца. На них это не произвело впечатления, хотя и по их же законам это запрещено. И как бы я мог предвидеть и оговорить такой поступок заранее?

- Ну, а что, - вставил Епафродит, - все может быть. Эта мачеха, может быть, пасынку почти ровесница, давно знакомы, всякое в жизни бывает.

- Да ты что, - возмутился Павел, - сквернить ложе отца! Как ты сам-то не понимаешь? Я его заочно отлучил. Но понимаю, что они могут не согласиться. В общем, долго мне рассказывал Стефан, что у них там творится, пришлось по пунктам им отвечать. Одни блудят, другие против брака выступают, хотят разводиться с неверующими супругами. Хаос, в общем.

Павел помолчал и добавил:

- Самое главное выяснилось под конец. Уже собрался завершать письмо, как Стефан

проговорился, что некоторые из них в воскресение мертвых не верят, понимают его образно.

- Да, это не в диковинку, - ответил Тимофей. – Много раз с этим сталкивались. Помнишь, как ты сам проповедовал в Афинах и на этом самом месте перестали тебя слушать.

- Ну вот, пришлось еще им несколько страниц написать. Стефана отправили с письмом. И стало мне как-то тревожно. Понял я, что они обидятся и не поверят. Надо бы им еще написать.

- Не сделать бы хуже, - сказал Епафродит.

- Не знаю, куда тут хуже. Лично придти тоже страшно. Потом уже, как Стефан с Фортунатом отплыли обратно, Тит поделился со мной, что некоторые из создавшихся партий вообще считают меня самозванцем. Мне лично Стефан постеснялся это передать, а Титу проговорился потихоньку. Мол, проходил тут у них некий пришелец, наставник из обрезанных, показывал рекомендательное письмо, чуть ли не от Петра, а Павел, дескать, такого письма не имеет, и ему доверия нет.

- И как же теперь быть? – спросил Епафродит.

- Ну, пришлось отправить к ним Тита следом за Стефаном. Чтобы помог организовать сбор средств, а главное, чтобы лучше выяснил их настроения. Чего-либо писать с Титом я не стал. Решил пока считать, что я не знаю об их толках про меня лично. Сказал только, что прибуду к ним морем, после пятидесятницы. А тут вдруг весь этот погром в Эфесе и бегство. Тут, конечно, ждать корабля возможности не было, пришлось еле ноги уносить.

- Ну, может, им об этом и написать, - предложил Тимофей. – Что, мол, вышло тут изменение планов. А

кто-нибудь из нас это письмо снесет, прежде чем ты сам к ним придешь.

- Да, наверное, где-то так и придется. Но надо, конечно, дожидаться Тита. Мы еще в Троаде его подождали, но там его не было.

- Мимо нас бы он точно не прошел, - заверил Епафродит. — А у нас его не было. Значит, разминуться вы не могли.

- Остается ждать его здесь, - подытожил Павел. — Но и ты, Тимофей, прав. Кое-что можно написать им еще и без Тита⁶⁰. Особенно к этим, которые очарованы рекомендательным письмом из Иерусалима. У меня появились кое-какие соображения по поводу того, как мы, и как они читаем одни и те же книги Моисея и пророков. Я это давно духом чувствовал, как из одного и того же жизнеописания Авраама мы и они вычитываем совершенно разные уроки. Они следуют только букве текста, а сам текст остается неясным для нас, если не поглядеть на него назад, через все свершившееся во Христе. Теперь я понимаю, что все Писание нам теперь надо читать, имея в памяти то, что совершил Христос. И тогда вот эта тень таинственности и непонимания перед нами откроется.

- Они постоянно нас, тебя, то есть, обвиняют в отказе от Закона, - сказал Тимофей.

- Ты же знаешь теперь, что это не так. Просто одну и ту же книгу можно читать по-разному. Ну как бы по плоти и по духу, если старое наше сравнение использовать. По плоти читая, вычитаешь, что ты должен делать. По духу читая, увидишь Божии дела, что Бог делает во Христе с тобою и со всем миром. А дела плоти — они же мертвы. По плоти если читать, то в этой смерти, в этом рабстве букве, так и

останешься, духа жизни во Христе в себя непустишь.

- Да, давай, Павел, надо это написать, - загорелся Тимофей. - Как-то получше выразить все эти мысли. Если даже до Коринфян не дойдет смысл, все равно, твои письма уже грамотные братья переписывают и распространяют. Им пригодится.

- Хорошо, - согласился Павел. – Но все-таки я продиктую именно для них. Нужно объяснить и свои обстоятельства. И этот вопрос о рекомендательных письмах в первую очередь.

- Глупость, однако, - вставил Епафродит. – Ну вот, представь: сын от папы просит показать рекомендательное письмо деда. Чтобы дед написал: этот человек действительно, твой папа.

Все засмеялись, и Павел сказал:

- Ты хорошо сравнил! Действительно, в точку. Рекомендательное письмо! Да они сами – такое наше письмо, что стали христианами, обратились к Богу. Тогда со Стефаном-то я им написал, что наставников у них много, а отец, родивший их для Бога благовестием, только один. Действительно, а теперь они у деда справку какую-то спрашивают... Ладно, Тимофей, готовь папирус.

И вновь Павел диктовал, а Тимофей записывал и про беду, случившуюся с ним в Азии и про другие скорби Апостола, и про рекомендательное письмо, которое ожидали коринфяне от Павла.

- *Вы сами – наше письмо*, - развернул свою мысль Павел. – *Оно написано в наших сердцах, оно всем известно, его любой может прочитать. Всем видно, что вы и есть письмо Христа, оно написано, благодаря нашему служению. И не чернилами, а*

*Духом Живого Бога. И не на каменных скрижалях, а на скрижалях сердца из плоти*⁶¹.

Сказав о скрижалях, Павел перешел дальше к Моисею, вспомнил, как он закрывал свое сияющее лицо, возвращаясь к израильтянам с каменными скрижалями, на которых были написаны заповеди закона. Насколько же славнее служение Духа, насколько же выше заповеди, даваемые Духом через апостолов. И покрывало Моисея тоже оказалось не всеупомянуто:

*- Но умы их ослеплены, ибо то же самое покрывало доныне остается не снятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. Доныне, когда они читают Моисея покрывало лежит на сердце их, но когда обращаются к Господу, это покрывало снимается*⁶²...

Тимофей не все понимал до конца из того, что записывал, но уже помнил, что мешать Павлу, приставая с вопросами об отдельных неясных фразах, не нужно. Сказав еще о цели своей проповеди, Павел задумался, остановился и сказал самому Тимофею, не как диктовку:

- Знаешь, ведь наш пример и должен раскрывать служение Христово. Мы несем им радость, жизнь, обогащение, но можем это до них донести, только если самим нам приходится страдать и терпеть гонения. Наши скорби – это строительные камешки нашего успеха в благовестии. Но ведь точно так же и Христос пострадал для нас. Его страданием куплено наше воскресение.

- А что ты им в прошлом письме писал про воскресение? – спросил Тимофей.

- Ну, что все апостолы и множество братьев в Иерусалиме видели Иисуса живым. Что все они так проповедуют. Что мы верим в воскресение мертвых именно потому, что видели воскресшего Христа. И что восстанет тело не такое смертное и болезненное, какое легло в землю, но тело славы, духовное тело. Да, конечно, об этом не лишне будет вновь напомнить.

- Да, они все мечтают, - сказал Тимофей, - что отложат в последний час темницу своей души, снимут тело, как снимают грязную рваную одежду.

- Хорошее сравнение! – обрадовался Павел. – Сейчас и об этом напишем, что нагими нам ходить не придется. Только по порядку все. Пиши.

И он продолжал диктовать:

- ... *Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. Но сокроуище сие мы носим в глиняных сосудах,.. мы гонимы, но не оставлены, низлагаемы, но не погибам. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисуса открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь – в нас*⁶³...

Тимофей записывал и думал о Павле и о себе. Да, он всегда старался Павлу помочь, выполнить его поручения, как и другие братья, без которых Павел, измученный походами, болезнями и всеми бедами, ничего уже не мог бы делать. Но при этом все братья остаются как бы в его тени. Павел незримо покрывает их. Всякий раз гнев иудеев или язычников ищет именно его, Павловой души, а остальные

оказываются как-то сбоку. Хотя порою, спасая Павла, как Акила и Аристарх недавно, они ведь рисковали своей жизнью. Но, тем не менее, пока Павел с ними, действительно, смертные скорби он забирает как-то на себя, так что помощники его не только живы, но и не избиты, не замучены. Это, действительно, не похвальба...

А Павел продолжал:

- Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина разрушится, мы имеем от Бога жилище на Небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище, только бы и одетым, нам не оказаться нагими. Вот, Тимофей, то, о чем ты говорил. Так и напиши: ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью⁶⁴...

Он продиктовал еще полстраницы и задумался.

- Знаешь, Тимофей, они же, братья эти из обрезанных, постоянно напирают, что о жизни Иисуса по плоти они знают лучше нас, и что мы, дескать, об этом мало рассказываем. Но значения Его смерти и воскресения они при этом не проповедуют. И, возможно, сами не понимают. Ты же помнишь «Учение Двенадцати». Дать и наставление к крещению, и молитву на вечера и при этом ни разу не упомянуть о смерти Христа и его воскресении. Вообще, ни разу! Это ж надо умудриться. Здесь, именно здесь, вся беда! Если бы наши братья в Коринфе лучше чувствовали, как Христос страданием подарил им жизнь, что они обогатились Его нищетою, - не было бы всех этих соблазнов

среди них. Они могли бы, действительно, ходить по духу. Ни блудов этих, ни разделений не было бы.

- Вот видишь, - решился Тимофей вставить тайную шпильку, - ни пророчества, ни молитвы на ангельских языках им тут не помогли.

Он давно уже с Аполлосом и с Епафродитом делился на эту тему. Павлова благосклонность к духовным дарам Коринфян им всем не нравилась.

Павел отмахнулся резко:

- Сейчас речь не об этом. Пиши так: *Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего. Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем*⁶⁵.

Тимофей, не первый уже раз записывавший Павловы письма, знал и чувствовал по голосу, когда учитель думает, когда подбирает слова, когда осторожничают и боится обидеть адресата, а когда и сам хочет посоветоваться со своим писцом. Но знал он и кожей чувствовал и те моменты, когда на Павла, так сказать, «волна накатывает», когда мысль апостола звучит мощным, сильным потоком, заставляющим увидеть за ним нечто большее, чем собственный разум и личный опыт Павла, опыт немалый и сам по себе. И вот сейчас, Тимофей уловил эту ноту и напрягся, потому что записывать было трудно. Павел говорил быстро, Тимофей просил подождать, но под сокрушительным действием вдохновенного слова, он сам едва овладевал собственными пальцами.

- *Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас и давшего нам служение*

*примирения, потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы, посланники от имени Христова, и как бы сам Бог увещевает через нас, от имени Христова просим: примиритесь с Богом*⁶⁶...

Сердце Тимофея стучало от тайной радости, от осознания своего дела. Вроде ходишь тут с Павловыми поручениями, там что-то скажешь, тут на вопрос ответишь, здесь поработаешь, там милостыню для других соберешь, а здесь ее получишь, - а между тем, в этих мелких с виду делах совершается великое, общее Божие дело: люди примиряются с Богом. То самое, ради чего страдал Христос. И мы все, и Аполлос, и Епафродит, и Тит, и Аристарх, все мы этому причастны.

- Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделали праведными пред Богом...

И вновь Павел размышлял о том же, о собственных скорбях благовестников ради оживления духа их слушателей, возрожденных к новой жизни во Христе.

*- ... нас почитают умершими, но вот, мы живы, нас наказывают, но мы не умираем,.. мы нищи, но многих обогащаем*⁶⁷...

Здесь Павел иссяк и предложил сделать перерыв, отложить всю работу⁶⁸.

- Может, еще мысли придут. Может быть, Тит что-то принесет новое. Пока мы не дождемся его самого, или сведений о нем, все равно продолжать это письмо не будем.

Еще неделю или две прожил Павел, скрываемый от посторонних взглядов. Из Азии пришли Аристарх и Лука. Последний доложил Павлу, что уже наполовину упорядочил и переписал свои записи и даже прочитал всем получившуюся половину книги.

- Так и назовешь ее: Благая Весть Господа Иисуса, - предложил Павел. – Думаю, что Феофил будет доволен. Но прежде, чем ты ему отошлешь, надо будет с нее списки сделать. И даже не один. Да, Тимофей, тебе придется меньше путешествовать. Больше будешь переписывать.

- Чувствую, я уже привыкаю к этому делу. Навык укрепился уже.

Аристарх через день ушел в Фессалоники. Обещал дать знать, если встретит Тита.

А спустя три дня, уже вечером объявился и Тит, собственной персоной, очевидно, высланный Аристархом. Он же не думал, что Павел настолько раньше срока окажется уже на этой стороне проливов и будет ждать его.

Новости, принесенные Титом, оказались утешительными. На той мысли, что нужно все-таки искоренить блуд и перестать баловаться с идоложертвенным, согласились почти все. Те, кто даже с этим не согласились, просто сами покинули общину. Согласились братья и с Павловым осуждением того сожителя со своей мачехой, о котором уже говорилось. Кое-как смогли и собираться вместе. Крисп с так называемой «Петровой партией» не стал отделяться, но все-таки поставил свое условие.

- Он просил, чтобы я передал тебе, - говорил Тит, - что ему эти бесконечные говорения на непонятных наречиях надоели, и пророчества тоже. Да, они

прочли в твоём письме и согласились, что если среди этих говорений духом прозвучит хула на Самого Христа, то такое пророчество принимать не следует. Согласились не давать и женщинам впадать в экстазы и прорекать в собрании. И то хорошо. Но вот, хула на твоё собственное имя, Павел, наверняка там звучала. Обвинение тебя в самозванстве, если кто хотел бы убедительно его донести, наверняка облакал бы в форму пророчества. Вообще, в эту форму они могут облечь любые суемудрия, суеверия, глупости, вплоть до богохульства, – если только захотят. И кто отличит это все от настоящего пророчества? Ведь по внешнему виду все выглядит одинаково. Глаза закатил, рот разинул, – и понес! В таких условиях, когда общего, всеми признанного уважаемого наставника нет, может придти тьма разных духов, помимо Святого Духа, и такое там наговорят, что только уши затыкай. Ну и просто, Павел, все-таки уважь своих братьев по плоти. Действительно, иудеям это все слышать тяжело. Я не еврей, но даже я их понимаю. Да и ты ведь сам знаешь, что бормотанием в экстазе многие из них занимались в идольских капищах прежде, чем поверили твоей проповеди. И они просто это же искусство применили для новых целей. Далеко не всегда это был дар Святого Духа. Как поверить, что это дар, если человек этим бормотанием владел еще прежде своего крещения?⁶⁹

Павел выслушал и ответил кротко:

- Да, я понимаю, в прошлом письме я попытался хотя бы как-то упорядочить и ограничить все эти проявления. Но ведь я и сам порою так молюсь, и не вижу оснований, чтобы запретить говорение языками совсем. Но в целом я тебя услышал. Когда придем к

ним, разберемся на месте. Прямо запрещать это никак нельзя, потому что некоторые братья просто разбегутся. Прежде это все поощрялось, а год спустя запрещается, - как они иначе могут это воспринять? Здесь нужна осторожность.

- Павел, ты понимаешь, - продолжил Тит, - что наибольшую опасность для крепости общины представляют ревнители закона из обрезанных. Нам желательно их примирить на основании решения собора. Но примирить их можно только, если эллинская часть общины тоже покажет хорошие нравы и благоприличное поведение без этих постоянных экстазов, которые столь многочисленны, что вызывают подозрение: а не в театре ли ты находишься? Чем больше спокойствия, тем ближе будет к единству церкви.

- Да. Я писал им, что худые сообщества развращают хорошие нравы. Теперь вижу, что и худые привычки тоже, - заключил Павел.

Позвав Тимофея, он в присутствии Тита продолжил диктовать письмо. Похвалил коринфян за послушание и за покаяние, нарочито преувеличив его меру. Как бы мы сказали, выдал адресатам аванс похвалы. Распорядился и о денежных сборах на Иерусалим. А потом сказал:

- Ладно, Тимофей, спасибо. Я еще сам допишу своей рукой. Отдельную часть письма. Ты ее зачитай не всем. Только друзьям. Противникам нашим, постоянным совопросникам, этого слышать не следует. Я расскажу там немного личного, о своих скорбях за благовестие, о которых и вы с Титом не знаете, не только они. Это все было еще до нашего с вами знакомства. Друзья это поймут, враги используют, как повод для дальнейших нападок.

Многому из того, что я собираюсь открыть, они просто не поверят. Ладно, сейчас идите с миром⁷⁰.

Когда Тимофей прочитал эти дополнительные страницы, написанные Павлом, то удивился, насколько мало он знал о страданиях своего учителя в благовестнических путешествиях. Более десяти лет трудился Павел в Киликии и в Аравии, прежде чем встретил Тимофея в Листре. Раньше он не рассказывал об этом. Теперь перечислил все⁷¹.

По окончании письма Павел не стал терять времени и отправил Тимофея в Коринф, подготавливать почву. Сам он тоже собрался вскоре прийти туда. Он видел (и даже поставил в письме коринфянам на вид), что щедрость македонцев оттеняется их бедностью, и не желал злоупотреблять их гостеприимством. И прямо в день отбытия Тимофея из Фессалоник Аристарх поделился с ним, что весть о Христе дошла до областей Илирика, по сути, до самых границ империи. Там тоже нашлись верующие, которые желали бы увидеть Павла лично, и ему, вероятно, надо будет сходить туда⁷². Тимофей понял, что его ожидание в Коринфе может надолго затянуться, но спокойно отправился в путь, надеясь на гостеприимство коринфян и большие возможности там для обычного трудового заработка.

Прошло уж лет пять, как он покинул Коринф, и вот теперь вернулся туда снова. За эти пять лет он изменился и возмужал, его даже не сразу узнавали при встрече. Впрочем, добрая память о нем осталась, и встретили его вполне радушно. Еще по дороге Тимофей решил Павлово письмо не зачитывать и даже не говорить о нем ничего до тех пор, пока не соберутся все, кто соберется, на вечерю Господню. Лишь совершив благодарение и долгую молитву о

всех накопившихся нуждах, дав выговориться всем желающим и языками, и их толкованиями, он стал подводить итог собранию:

- Братья, никто из вас не предрек пророчески, что у меня к вам письмо от Павла, еще одно.

Все напряглись и приготовились слушать. Тимофей достал верхние листы, где закончил запись сам, и прочел все.

- А что за скорби его в Азии? - спросили его сразу же. Тимофей рассказал, что запомнил со слов Павла, и поделился своим наблюдением:

- Павел – главный противник всех противников Христа, как обрезанных, так и необрезанных. Вы помните здесь мятеж против него, организованный Сосфеном. Хотели схватить и судить именно Павла. Я помню две такие же истории в Фессалониках и Филиппах. Там и здесь искали только его. Мы с Лукою были уже с ним, но нас почему-то не трогали. В Эфесе было то же самое. Искали Павла, чтобы убить, а спутников его, даже схваченных, не били. Не говорю о том, как до этого в моей родной Листре он был забит камнями почти у меня на глазах. И тоже, убив Павла, его ненавистники насытились своей злобой, и беда отошла от всех прочих христиан. Поэтому его слова, что смерть царствует в нас, а жизнь в вас, это не игра и не преувеличение. Именно так и обстоит дело. И вообще вы не найдете другого проповедника, который привел бы к Христу столько людей, и воодушевил бы столько помощников, а не только приобрел множество врагов. Когда мы были у вас здесь пять лет назад, мы пришли всего четвером. Сейчас и асийцы и македонцы, научившись у Павла, стали трудиться в проповеди, основывая повсюду одну общину за другой. У Павла собралась большая

команда помощников. Вы сами знаете, что известность его сегодня гораздо больше, чем пять лет назад, когда он тут у вас в мастерской Акилы шил палатки и проповедовать умудрялся порой прямо за работой. И брат Аполлос, хорошо известный Вам, хотя и не хуже Павла образован и знает Писания, но и он сознательно уступает всегда Павлу первенство и в слове, и решениях по делам церкви. Вам следовало бы ценить своего первого наставника и благовестника. Я еще не рассказал вам о многих его трудах и бедах, бывших еще до того, как мы с ним встретились.

Тимофея выслушали весьма дружелюбно и с пониманием:

- Мы послушаемся его решений.

- Пусть это коснется не только тех, кого он отлучит или примет обратно, но послушаетесь и самих его мыслей, - продолжил Тимофей. - Кстати сказать, если он уж доходил до наказаний, то ведь только за блуд и за духовный блуд, за спокойное и сознательное вкушение пищи в капищах. В этой строгости с ним согласятся все: и Аполлос, и Кифа, и Крисп, и все братья из фарисеев, ревнители закона. И ревнители свободы духа для братьев из язычников. Также как и в вере в воскресение мертвых в духовном теле. Помните, он же вам, вроде писал об этом.

- Да, помним, он писал, что так веруют все братья.

- Тогда и не обижайтесь на него, а только сами за собою следите. Если мы умерли со Христом, то должны жить духом и не поблажать мертвым делам плоти. Другое дело, - это он мне особо объяснил, - если бы вы почаще вспоминали, как страдал за нас Христос, меньше бы тянуло вас к праздным

привычкам прошлой жизни и к ее неизбежным грехам. Вот видите, он пишет вам: старое прошло, ныне все новое. Ведь если одним главным словом отличить евангелие Павла от учения противящихся ему ревнителей закона, то это и будет крест Христов. Нам, в Листру он писал: когда у вас перед мысленным взором был предначертан Иисус, как бы у вас распятый, - то как вы были блаженны! А пытаясь жить по правилам иудейского закона, христианин теряет своего Господа из виду, не видит в нем Спасителя. Вот в чем вся суть.

- Да, - отозвались в собрании, - он и об этом нам писал.

- Вот, кстати, пока будет время, дадите мне то, первое письмо. Я его перепишу. Оно писалось без меня, меня тогда не было в Эфесе. Оно должно остаться и для других церквей. И в Македонии, и у меня на родине.

Когда почти все разошлись, Тимофей по велению Павла зачитал концовку письма оставшимся пресвитерам: Стефану, Фортунату, Гаю, странноприимцу церкви, и Ерасту. Они были тронуты до слез и тем новым, что узнали о своем учителе, и тем, что позволили себе так сомневаться в нем. Тимофей передал просьбу Павла, чтобы эти строки донести друзьям, а не врагам своим. Стефан на это отвечал так:

- Знаешь, Тимофей, от нас уже отошли некоторые братья. Обрезанные просто потихоньку вернулись в синагогу, и мы потеряли с ними общение. Были и те из эллинов, кто просто перестали ходить в наше собрание. Они, конечно, придумали там всякие к нам обвинения, что, мол, у нас разногласия появились, что они найдут (или нашли) настоящих учеников и

проповедников Христа. Мы даже пытались их уговаривать, чтобы они вернулись, но безуспешно. Так что остались здесь лишь те, кто Павлу все-таки поверит. Им этот конец послания тоже полезно было бы выслушать. А кто не желал бы встретиться с Павлом, тот и не пришел посмотреть на тебя.

Так Тимофей дождался в Коринфе Павла и его спутников. Те, действительно посетили общины Иллирика и пришли из Македонии только осенью. Встреча была доброй и теплой. Павел положил здесь, в Коринфе и перезимовать.

В первые же дни пребывания в Ахаии к Павлу из Афин пришел его давний знакомый и духовный сын Дионисий. Он был единственным из всех философов Афин, кто поверил Павлу тогда, когда он проповедовал в ареопаге. Потом там, в Афинах, образовалась небольшая община, поддерживавшая с коринфянами тесную связь. Дионисий ее и возглавил. Теперь он сделал Павлу очень серьезное предложение.

- Видишь ли, Павел, со смертью императора Клавдия немало наших братьев, особенно из обрезанных, потянулись в Рим. У кого-то в Риме были и родственники. В Риме, насколько стало нам известно, собралась огромная община. Больше десятка наберется там только тех, кого здешние хорошо знают. По весне, с открытием навигации, туда собираются и еще кое-кто из наших. Римляне говорили им, что о тебе там все хорошо знают. Наслышаны они и от наших, и не только от наших, но и от Асийцев и других братьев, кому случалось бывать в Риме. И, конечно, о тебе, как ты сам знаешь, повсюду споры и разноречия. Надо бы тебе как-то выбрать побольше времени и написать им письмо,

чтобы изложить все свое благовестие, все учение по порядку, обоснованно, доказательно, по Писанию. Не так, как ты писал к нам в Коринф, по нашим вопросам, порой совсем не важным, а порой и очень важным, - и все это вперемешку, включая всякие личные моменты. А надо написать теперь так, чтобы собрать все мысли воедино: и то, что написано тобою галатам и македонцам, и, может быть, повторить кое-что из того, что нам сюда писал. Но именно по порядку и не спеша. У нас есть один грамотный человек оттуда, Терций. Он сам римлянин, хорошо владеет пером. Он напишет так, как привыкли говорить столичные греки, и как легко поймут природные римляне. Как тебе такое предложение⁷³?

- Да, конечно, - согласился Павел. – Бог даст, по весне отправимся еще раз в Иерусалим, доставим пожертвования, а после этого, конечно, нужно побывать и в Риме.

- Говорят, там уже проповедовал лично сам Петр.

- Ну, надеюсь, там не образуется партия «Кифиных», как здесь, - улыбнулся Павел.

- И я надеюсь. Но хорошее послание от твоего имени точно было бы полезно. И там надо среди всего прочего раскрыть и твое отношение к закону, и к Израилю. Все-все по порядку.

Павел стал готовить послание. Но диктовать его начал не сразу. Со всей ответственностью он воспринял просьбу Дионисия и решил сначала собрать и упорядочить весь материал. Относительно тихая и спокойная обстановка в Коринфе позволила ему все идеи своего благовестия еще раз высказать, обдумать и, как говорится, довести до ума. Часть своих проповедей в Коринфе и бесед с братьями он кратко записывал сам в основных положениях. Затем

обдумывал, как все собрать по порядку. Наконец, он засадил за перо Терция. Да и сам Дионисий иногда присутствовал при этой диктовке, помогая Павлу выразиться точнее и яснее.

Тимофею тем временем нашлась другая работа. Он переписывал послание Павла в Коринф, записанное еще в Эфесе Сосфеном. Помогал и Луке в окончании его работы над Евангелием Иисуса. Павел ни за что не согласился бы отправить труд Луки в единственном экземпляре в Антиохию, где он, собственно, и был заказан. Конечно, его требовалось скопировать еще в нескольких списках в разные церкви. А ведь это была целая книга, не менее сотни листов папируса, исписанных с двух сторон. Грамотные братья использовали благоприятное время.

О работе Павла над письмом в Рим знала вся коринфская община. Беседы и обсуждения среди братьев, принявших наконец Павла, как подлинного отца по духу, родившего их благовестием, были теперь необходимы ему самому. Однажды Павел сам начал речь в собрании:

- Братья, мы уже говорили с вами, что Христос искупил нас от клятвы закона. Он принес нам такое оправдание, принимаемое верою, что мы теперь можем не наследовать проклятие, приносимое на нас по закону, который никто из нас не смог бы исполнить. Слышали вы это от меня не раз, правда?

Все утвердительно загудели.

- И мы с вами, - продолжал Павел, - не раз рассматривали пример Авраама, который получил обетования, который поверил Богу, и вера вменилась ему в праведность, и все это было задолго до ниспослания закона от Бога к своему народу.

Помните? Тогда спросим: а для Авраама является ли Христос спасителем? Искупил ли он и его, не бывшего под законом, но нареченного другом Божиим? Нуждался ли Авраам в том даре от Бога, который получили мы во Христе? Что скажете?

- Наверное, да, - раздались неуверенные голоса.

- Видите же, братья, читали вы сами в первой книге Моисея, что смерть царствовала над всеми людьми, даже праведными, со времен праотца Адама и до Моисея. И после Моисея. Вот и Авраам, хотя и вменилась ему вера его в праведность, хоть и наречен он другом Божиим, но умер и приложился к отцам своим, и погребен в Хевроне. И чтут могилу его и все сыны Израиля, и аравийцы, и другие народы тех мест. Вот мы считаем, что по вере в Христа, пострадавшего за нас и воскресшего, обретем примирение с Богом и дар вечной жизни с ним. А что же праотцы, неужели и они, оправдавшись тою же верою, не получают жизни? Конечно, получат.

Все напряженно устремились глазами на Павла, и он продолжал:

- В Фессалониках в синагоге мы обсуждали книгу Премудрости Соломона. Там написано, что праведники получают когда-то награду – жизнь вечную. И там же написано, что Бог смерти не сотворил, что смерть вошла в мир завистью дьявола. Того самого, кто соблазнил на грех Адама в раю. Вот со времен согрешения Адама смерть вошла во всех людей. Можно сказать, что в нем, в праотце всех смертных, согрешили все. И преступлением одного пришло осуждение всем. А теперь взгляните на Иисуса. Его послушанием Богу, притом послушанием даже до смерти, точно так же подается не осуждение, а оправдание всем. И таким образом,

Христос становится вторым Адамом. Но если в первом Адаме все погибли, все обрели смерть, то во втором Адаме все могут обрести жизнь. Все, предоставленные к жизни. Итак, мы искуплены не только от осуждения по закону.

- Так что, значит ли это, что надо как-то иначе переписать закон? - спросил кто-то.

- Нет, это значит, что сам по себе закон не есть источник греха. Заповедь закона свята и добра. Но дело в том, что и иудеи, желающие соблюдать закон, и язычники, чувствующие иногда праведность тех же заповедей закона, оказываются не в силах его соблюсти. Вот, допустим, я соглашаюсь с законом, что он добр, а исполнить заповеди его не могу. Ибо в плоти нашей и в членах наших находим мы иной закон – закон греха. Грех царствует в смертной плоти нашей.

- Поэтому мы и умираем? – вновь спросили Павла.

- Конечно. Смерть царствует в роде человеческом, потому что грех в нем царствует. И так идет со времен Адама первого. Но Христос – новый Адам, Он исправляет согрешение первого. И он силен нас избавить от закона смерти. Вот от какого закона нас нужно избавить! А не от Моисеева. Принявшие дар Христа живут уже не по плоти, а по духу. Живя по духу, они отменяют греховные дела плоти, - если только Дух Божий в них живет.

- А как Духу жить в нас? Что нам нужно делать, чтобы он жил в нас?

- Вы же знаете, он вселяется в нас верою. Он уже живет в вас, если вы его не угашаете в себе. Уже в самом крещении мы как бы погребаемся со Христом. Мы умираем для того смертного закона греха, от

которого нас избавил Христос, восстаем с ним, оживаем с ним. И будем после этого ходить в обновленной жизни. А кто духа Христова не имеет, кто не омертвел сам к мертвым делам плоти, тот и не Христов.

- И как же нам понять, кто имеет этого духа?

- По плодам духа. Когда придет в душу мир, благость, воздержание, кротость и любовь, то вас не потянет более на дела плоти, которые суть убийство, волшебство, блуд, идолопоклонство, распри, сребролюбие и все такое. И вы будете жить. Ибо закон жизни во Христе Иисусе победит в вас закон смерти, действовавший вас и губивший вас от первого Адама.

- А может ли человек потерять дух Христов? – спросил сам Крисп. – Ведь были же у нас братья с дарами пророчества или языков, а потом отошли от нас, вернулись в мир. Значит, сам Христос оставил их?

- Нет, я думаю, - ответил Павел, - что и не было в них спасительной веры. Ибо ничто не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе. Если Бог избрал нас и приобрел себе, как достояние свое, если выкупил нас от смерти дорогою ценою, то неужели Он нас, примиренных с Богом, друзей своих, просто потеряет по дороге, как пастух нерадивый иногда теряет овцу? Можно ли так думать о нашем Господе? Ведь, разыскивая нас, отбирая нас из уст смерти и начальника ее, дьявола, он делал все это ради грешников. Ведь каждый из нас был Богу противником или равнодушным, но не другом. И Сын Божий умер за нас, когда мы были грешниками, врагами Ему. И я, и вы. Ведь никто из нас не искал Бога на Его путях. Может быть, и искали, но не на

Его путях, не в Его воле, а в своей. И не сами мы нашли Его. Это Он нашел нас. Не мы платили Ему своей кровью. Мы не говорили ему: вот, прими наши страдания за наши грехи и помирись с нами. Не так было. Было совсем наоборот. Это Он приносит нам страдания свои. И теперь посланники Его умоляют весь мир: ради Его страданий примиритесь с Богом! – Павел запнулся и напомнил. – Я уже писал Вам об этом, помните? Так вот, если мы, будучи врагами Богу, примирились с Ним через смерть Христа, неужели же Он бросит нас погибнуть, когда мы теперь стали друзьями Ему, а не врагами? Сами подумайте и рассудите: разве такое может быть? Разве можем мы приписать Богу такую жестокость и неразумие? Никак. От любви Божией нас не отлучит ни страх, ни опасность, ни самая смерть.

Тут Павла спросил Стефан:

- Ты знаешь, Павел, что большинство иудеев отвергли Иисуса. Они не верят в Него, они отвергают Его дар. Некоторые из них уже умерли в своем ожесточенном неверии. Другие же преполовили дни свои, приближаются ко гробам своим, а веры в них нет, и, ты сам видишь, нет надежды, что еще появится в них вера. Что же это значит: Бог отверг народ свой?

Павел помолчал и ответил со скорбью в голосе:

- Не будь я сам иудеем, конечно, сказал бы: да, так и есть. Но я помню себя и свою молодость. Я был хуже всех неверующих иудеев. Они грешники, но я – то первый из них. И не раздумывал я понемногу, размышляя: а вот, исправлю я в себе это сегодня, а другое исправлю в себе завтра. Я думал, что угоден я Богу на своих путях, путях неведения и неверия. Но вот, Бог нашел меня, взял, остановил и обратил,

развернул в другую сторону. От моих путей смерти к своему пути жизни. И Он сделал это сам, без моей помощи и просьбы, без моей подсказки. Значит, все зависит не от человека подвизающегося, а от Бога милующего. Так и здесь. Положил Бог печать на их сердца. Сказано у пророка: закрыл очи и уши их, чтоб не видели очами, и не обратились сердцем. А у другого пророка сказано: ты открыл мне уши.

- То есть, ты хочешь сказать, что Бог сам лишил их веры и слуха? Тогда разве может Он их обвинять в час суда?

- Это Его святая воля. Пророки сравнивают его с гончаром. Да, Тимофей, - улыбнулся Павел в его сторону, - ты знаешь. Сам горшки делал для важного употребления и для грязного. И решаешь это ты, гончар, какой горшок у тебя для какой цели. Так и Бог – великий Гончар, а мы – глина в Его руках. Глина должна принять свою форму и выдержать обжиг. Но не пререкаться с Горшечником: ты, дескать, меня неправильно сделал. Мы не все знаем в путях Божиих, мы не можем понять, почему Он запечатал слух кого-то для слова веры. Но я верю, что это ожесточение, это запечатление слуха, произошло в Израиле лишь отчасти. И для того именно, чтобы пришли в Его народ вы – язычники, отчужденные от Бога, от отцов, от заветов и обетований. Скажите: если бы в каждом городе нас с радостью принимали бы во всякой синагоге, если бы иудеи нас, апостолов Христовых, несли на руках и осыпали цветами, то вы, смогли бы вы расслышать чудную весть Божию и поверить ей?

- Не знаем, - едва слышалось неопределенное мычание.

- А я подозреваю, что нет. Хуже того, скажу горькое слово для вас. Я очень опасаясь, что не пришли бы и мы сами к вам, язычникам, довольно было бы с нас радости и привета от сынов Израиля. Мы бы просто вас презрели. Не заметили бы вас, забыли бы вас. Но Бог устроил все лучше. Мы шли сначала к иудеям, но были отвергаемы. Нам верили немногие братья из обрезанных, предуставленные к вечной жизни. Остальные гнали нас – и вот, мы приходили к вам, несли вам весть про Царя Израиля, Которого отвергли сыны Израиля. И тогда вы верили нам. Значит, отвержение, иудеев служило к вашему призванию и помилованию. Они, как природные ветви лозы, отрезаны, чтобы привились вы. Они отломились неверием, а вы на их место прививаетесь верою. Чтобы все были помилованы. И когда вас, язычников войдет полное число, будет помилован и Израиль. Потому что Бог обещал это отцам нашим. Бог не может солгать. Израиль спасется, а его противление ныне – это временно, это даже не надолго. Ибо близок всему конец. Все проявили непослушание Богу, и иудеи, и язычники, каждый в свое время, но и помилованы будут и те, и другие. Ибо нет неправды у Бога, нет у Него лицепрятия. Он есть Бог и иудеев, и язычников, отец всех верующих и в обрезании, и в необрезании, по милости своей спасающий всех верующих в Него. Во Христе примиряются и каждый человек с Богом, и язычники с иудеями. Вот, Тимофей, ты помнишь, как у вас в Иконии это было? Как поняли братья и иудеи, и эллины, что только вместе они смогут выжить и составить один хор в славу своего Господа. Так будет и всюду. Это – глубина Премудрости Божией, которую мы познаем лишь отчасти, лишь с краешку,

так сказать...

Вот так, беседуя с братьями, Павел позже делал пометки в своих листочках. У него уже созрел план, как начать письмо. От веры в Единого Бога, в данный им закон, который написан частично прямо в сердцах язычников, нужно перейти к спасению иудеев и язычников через веру. Дальше к оправданию от греха Адама и еще дальше к судьбам Израиля. Лишь после уяснения всего этого Павел начал запись через Терция.

Когда письмо было готово, он зачитал его в собрании. Братии оно понравилось и все по одному стали вспоминать своих родственников и знакомых, тоже верующих, кто перебрался в Рим, или приходил оттуда. Сообщение со столицей было здесь довольно активным, и общих знакомых набралось немало. Просили передать им приветы. Терций едва успевал записывать⁷⁴.

Когда, наконец, письмо было готово, с него сделали еще несколько копий. Лишь после этого оригинал письма вручили диаконисе Фиве, отправлявшейся в Рим с самым началом навигации. В это же время Павел решил двигаться в Иерусалим, рассчитывая добраться до пятидесятницы. Только на этот раз он все-таки решил на обратном пути посетить и асийские общины. А уж если так, если прямого пути не получалось, то заодно посетить и македонцев снова. За путешествие с деньгами он теперь не опасался: помощников при нем было немало.

Пасху встретили в Македонии. После окончания пасхальной недели отправились двумя группами в Троаду. Там произошел случай, едва не закончившийся трагически, но по милости Божией

послуживший только к большому утверждению верных.

В доме Афанасия на третьем этаже его гостиницы вечером, накануне воскресного дня собралась вся община и беседовали с апостолами до полуночи. Сын хозяев Евтих, утомившись за день, задремал на подоконнике и сонным выпал из окна. Когда все сбежались вниз, казалось, он разбился насмерть. Дыхания не было заметно, хотя и крови тоже не было. Общему ужасу не было предела, и только Павел сказал, что душа его в нем. Евтиха положили на первом этаже на ложе, а Павел призвал всех подняться и молиться. Наверху он совершил вечерю Господню, и преломил хлеб. Разумеется, Тимофей заметил, что вся община молится только о Евтихе. Однако сойти вниз и взглянуть на его тело боялись. А Павел, проповедуя, старался не обращать на него внимания собравшихся. Словно бы ничего не случилось. Под утро снизу послышался шум, голоса. Подбежавшие увидели, что Евтих жив и даже встал на свои ноги. Теперь уже скорбь сменилась благодарностью Богу и верою. Сам Евтих, поняв, что произошло, дивился милости Божией⁷⁵.

- Теперь ты не только будешь внимателен в собрании, - обещал ему Павел, - но и станешь важнейшим свидетелем в Троаде о великой силе Христовой.

А Тимофей вспоминал Ермаса, исцеленного Павлом и Варнавой в Листре у него на глазах. Он рассказал Евтиху этот эпизод, добавив, что с того момента он сам, Тимофей, уверовал во Христа.

Впрочем, пора была на утро отправляться. Мелкими каботажными перевозками апостолы двинулись вдоль побережья на Эфес. Теперь с

Павлом были Тимофей, Лука, Гай из Дервии, и асийцы Тихик и Трофим. Последний вызвался сопровождать Павла и до Иерусалима, а Тихику и Тимофею надлежало остаться в Азии.

Павел поспешал прибыть в Иерусалим к празднику Пятидесятницы. Путь предстоял достаточно долгим, и он не хотел нигде задерживаться. В том числе и отходить от порта, поднимаясь до Эфеса (город стоял не на самом морском берегу). Дойдя морем до Милита, Павел послал Тихика в Эфес, чтобы он привел к нему только пресвитеров церкви. Накануне же он получил откровение, что в Иерусалиме его ждут узы и скорби за его проповедь, и он честно поделился этим с пришедшими пресвитерами, завещав им хранить веру, преподанное им слово Божие. На предложение асийцев не ходить в Иерусалим, передав пожертвования с кем-то другим (тут нашлись люди, желавшие ему в этом деле помочь), он ответил так:

- Вспомните, братья, на чем мы тут с вами расставались. У вас мне ничуть не безопаснее. Но пришло время мне позаботиться и о своих братьях по плоти, об иудеях. Я не знаю, что именно предлежит мне, но если бы Господь желал меня предостеречь, Он непременно повелел бы мне не ходить, - и я Его, безусловно, послушался бы. Но такого веления Он мне не дает. У меня есть повеление идти туда, и предостережение, что меня ждет. Я ведь помню в своей жизни (да и вы можете это помнить), что иногда пребывание в темнице дает слову проповедника больший простор. Такое случается.

- А если они тебя просто убьют? – спросил кто-то.

- Я думаю, такой исход Господь бы мне открыл. Но Он открыл иное, сказав об узах, о заключении. В

качестве утешения с вами останется на некоторое время Тимофей.

Павла проводили с глубокой скорбью, но медлить было нельзя, корабль отправлялся. На прощание Павел повелел Тимофею:

- Помоги им, чем сможешь, постарайся тихо пройти по разным общинам. Почитай им наши последние письма в Рим, да и в Коринф. Там для них найдется много важного.

- Мы их перепишем. Я или кто-то другой, непременно, - пообещал Тимофей. – А потом что? Пробраться в Иерусалим самому?

- Не надо, - ответил Павел. – Сходи в родную Галатию, посети маму, утверди верных и там. Может быть, сухим путем сходите в Антиохию вместе с Гаем. Дальше не знаю, приведет ли нас Господь еще свидеться и как именно.

В глубокой скорби Тимофей остался один. Впервые, спустя десять лет после знакомства с Павлом, надлежало ему самому разуместь волю Божию, слышать Его голос, и принимать свои решения в соответствии с этой волей уже самому. Вместе с пресвитерами, возвращавшимися в Эфес, он прибыл туда. Побывал в собрании, рассказал о зимовке Павла в Ахаии, прочитал письма в Коринф и Рим. Для того чтобы их переписать, у него нашлись помощники. Впервые он писал уже не своей рукой, а диктовал сразу нескольким из них, как это принято было в те времена у разных переписчиков книг. Общение с братьями утешало его, но не могло до конца отогнать тяжелую скорбь и беспокойство о Павле.

Вскоре, пройдя через Колоссы, Тимофей двинулся в родные места. В Колоссах он тоже оставил

Павловы письма для утверждения всех верных. И наконец, через Антиохию Писидийскую и Иконию достиг родных мест. За два года его отсутствия Евника уже состарилась и теперь просила его побыть, наконец, с нею. Афродисий, видимо, больше всех радовался прибытию Тимофея, ибо чувствовал свою общину заброшенной в глухой провинции. Где-то там, в больших приморских городах кипела жизнь, приходили все новые люди, благовестие распространялось, как любое общение. Были опасности, но были и великие приобретения людей для Царства Божия. А здесь, единственной ниточкой, привязывавшей Листру к остальному человеческому миру, оставалась римская военная дорога.

В отсутствие общения люди устают от самой светлой своей духовной надежды, если хранить ее приходится в замкнутом, небольшом кружке, не пользующемся популярностью у окружающих. Тимофей только теперь начинал понимать, почему в проповеди Павел начал ориентироваться на большие города с выходами к морю. В родной Листре община усыхала. Кто-то скончался, кто-то переселился в другие места, кто-то просто бросил свое собрание. Новых людей появлялось мало. Хотя при этом с внешней стороны гонений не было, подобных тому, что пережили апостолы в Филиппах, Коринфе и особенно в Эфесе.

Тимофей остался в родных местах и делился воспоминаниями. Кроме того, он понимал, что мать слабеет, и нужно позаботиться о ней до кончины. Из Антиохии к зиме пришла весть, что Павел действительно подвергся аресту и содержится в заключении в резиденции римских прокураторов в Кесарии. Бог явно показывал Тимофею, что теперь

время ему трудиться в родных местах. По примеру Павла он и работал своими руками в своей же мастерской, и время от времени посещал соседние общины.

Евника отошла ко Господу спустя года полтора. Она так и не увидела сына женатым, чего ей так хотелось. А через некоторое время Асийские братья передали Тимофею приглашение, чтобы он посетил их.

Глава 13

Тимофей отправляется в Рим

Едва только Тимофей по дороге в Эфес добрался до Колосс, его там встретили Архипп и Тихик. После приветствий и угощения они поделились с ним самым важным.

- Мы знаем, - сказал Архипп, - что Павел сейчас в качестве арестанта перевезен в Рим, на суд цезаря. Надо будет кому-то из нас туда отправиться, встретиться с ним, узнать, что с ним, поддержать его.

- Я готов до него добраться, - ответил Тимофей, - если общины помогут мне на дорогу.

- Поможем, только доберись, - просил Архипп, - и еще, если только сможешь, надо бы у него узнать один вопрос... Только он, похоже, мог бы разрешить мое недоумение.

- А что такое?

- Видишь ли, тут часть наших братьев стали как-то по-своему воспринимать благовестие. И мне это непонятно. С одной стороны, они считают себя Павловыми учениками. Они часто говорят, что Христос искупил нас от клятвы закона, что они умерли для закона, чтобы ожить для Бога. Кроме

того, это люди сильного духа. Они не потворствуют плоти, постятся и молятся подолгу. Говорят, что они хотят подражать ангелам, насколько возможно. Но я такого от Павла не слышал.

- Я слышал, - вспомнил Тимофей, - как Павел говорил, что сам усмиряет и поработывает тело свое, чтобы, проповедуя другим, самому не остаться без плода.

- Ну, эти тоже так говорят иногда, - продолжил Архипп, - но чаще они говорят, что плоть есть враг души, что дела плоти, поскольку они противны духу, то и сами рождены из дурного источника. А люди призваны быть равными ангелам. Причем и об ангелах говорят очень много. Они считают себя духовными (и это, похоже, действительно, так), и по откровениям своим говорят о каких-то небесных началах, властях и силах. Может быть, это у них разные виды ангелов, или как-то иначе.

- Об этом и эллины похожим образом рассуждают, - вставил Тихик. – Может, это просто другие названия стихий мира?

- Вот в том-то и дело, что у меня такое ощущение, что они здесь что-то не договаривают, - пояснил Архипп. – Опять же ссылаются на Павла, что духовное мерится только духовным, и что плотскому человеку это все только безумием покажется. А духовные, дескать – это только они. В общем, у них составил свой кружок⁷⁶.

- А о Христе они что говорят? – поинтересовался Тимофей.

- Я даже не знаю, что они говорят о нем меж собою. Главное – что Он дал людям Духа, призвал быть духовными, и освободил от клятвы закона. Ну, последнее, вероятно, касается только иудеев. Но

вообще, странно то, что о Христе они говорят не много. Возможно, считают его одним из этих начал, властей или сил.

- Или престолов, - добавил Тихик.

- Да. Вообще, эти слова какие-то странные. Я не помню, чтобы Павел говорил о небесных силах. Когда он говорил о властях века сего, то это или римские начальники имелись в виду, или, может быть, злые духи. Вот это все и нужно у него выяснить.

- Так они что, не ходят в собрания? – спросил Тимофей.

- Ходят. Но держат какой-то свой кружок духовных.

- Я слышал, - добавил Тихик, - что они считают, что плотской или душевный человек духовным не станет никогда. Для них духовность – это врожденное свойство.

- Что-то не помню, - ответил Тимофей, - чтобы так учил Павел. Напротив, когда он писал в Коринф, то призывал их там взрослеть в Господе. У него быть плотским означает быть младенцем в вере. По мере возрастания в Господе, человек и духовным станет.

- Да, и я помню, - сказал Тихик. – Но у этих, похоже, не так. А самое неприятное, что такие внутренние кружки в общинах не только здесь, в Колоссах появились, но и в разных местах Азии. В Лаодикии и Иераполе тоже «духовные» обнаружили и кружок составили. И в самом Эфесе, наверняка тоже так. Неслучайно Павел при расставании с нами предсказывал, что какие-то учителя пути развращенного еще появятся. Интересно, он этих имел в виду? Или кого-то другого?

- Я помню, как в беседах с Аполлосом он опасался, что братья тут еще придумают себе богиню Софию или Шехину. Но это тех касалось, кто Писание читал, - ответил Тимофей.

- В общем, все это нужно Павлу передать и выяснить, - заключил Архипп. – А то ведь мы даже не знаем, как ко всему этому относиться.

- Одно только помню, - сказал Тимофей, - что Павел никогда и ни по какому признаку не согласился бы делить общину на два сорта братьев. Будь ли то иудеи и язычники, будь ли то духовные и плотские, или еще какие-то хорошие и плохие. То есть, такие, средние, «полу-хорошие». Он наверняка с этим делением не согласится.

В итоге братья решили, что нужно все-таки Тимофею и Тихику двигаться в Рим. По дороге они прошли Эфес, посетили общину, пообщались с братьями. Ничего особенного или опасного во мнениях асийцев они пока не увидели. Но и не обольщались этим, памятуя слова Архиппа, что все эти непонятные учения про ангелов распространяются тайно, в кружке каких-то избранных.

Апостолы спешили дальше. Морем добрались до Кенхреи и Коринфа, посетили общины и там, и опять пробыли там недолго, поспешая в Рим. Попастъ туда можно было только морем. Отправились с ближайшей оказией.

Найти Павла в Риме не составило труда. Коринфяне передали адреса своих знакомых братьев, которые и вывели их на место заключения Павла. Прежде всего, Тимофей нашел самых давних и близких своих знакомых – Акилу и Прискиллу, которых не видел уже несколько лет. Они рассказали,

что община снимает Павлу дом, где он живет под домашним арестом. Дело его слушается, но пока непонятно, чем закончится. Проблема в том, что обвинения по сути дела просто нет, кроме какой-то голой ненависти, да и обвинители против Павла периодически то появляются, то исчезают. От того и само дело тянется столь долго.

- Однако, - добавил Акила, - Павел не теряет времени. С ним рядом живут несколько братьев, по сути, под тем же домашним арестом. И прежде всего, Лука. Он закончил первую свою книгу еще в Палестине. Вы читали ее?

- Отчасти даже переписывал, - ответил Тимофей.
- Так она сейчас готова?

- Да, она уже и Феофилу отослана в Антиохию, и у нас в общине список есть. Но мало того. Феофил попросил еще Луку описать все события, прошедшие с тех пор, начиная от Иерусалима, от вознесения Господа на небеса и сошествия Святого Духа. Лука сейчас над этим работает. Хочет описать все, прямо до сего дня. Вместе с Павлом вспоминают все по порядку.

- Прекрасно! – воскликнули Тимофей и Тихик.

- Но и это не все. В Риме до Павла проповедовал сам Петр. Причем он пришел не один. С ним был Иоанн-Марк, в доме которого они собирались еще в Иерусалиме. Этот Марк ходил и с Павлом, когда они были вместе с Варнавой. Ты его встречал?

- Варнаву встречал, - ответил Тимофей, - а Марка не видел.

- Ну вот, этот Марк он и есть племянник Варнавы. И стал учеником Петра. Важно, что он грамотный и рассказы Петра об Иисусе он записал. Записывал еще по дороге. И здесь Петр оставил его докончить

работу для столичной общины. И вот, Марк тоже встретился и с Павлом, и с Лукой. Представляете! Два писца, которые собирали всякие сведения об Иисусе, и все тщательно записывают⁷⁷. Это же так хорошо!

- Короче, у Павла там целый скрипториум? – употребил Тихик латинское слово.

- Можно сказать, да, - согласился Акила. – Я думаю, Марк сообщит Луке, что сам помнит из событий в Иерусалиме в самые первые годы. Впрочем, надеюсь, сами все увидите.

Встреча с Павлом и Лукой, спустя почти три года разлуки, была для Тимофея самым радостным событием. Здоровье Павла сильно пошатнулось за эти годы заключения без движения и свежего воздуха – если не считать спасения при кораблекрушении по дороге в Рим. Но он все так же живо интересовался событиями и настроениями во всех основанных им общинах. Тихик и Тимофей поделились сомнениями и вопросами от Архиппа из Колосс. Павел выслушал очень внимательно.

- Знаешь, Тимофей, - подытожил он, - тебя тут еще важная встреча ждет. Раз уж речь о Колоссах. Здесь в Риме до меня добрались совсем недавно еще два человека. И прежде всего, наш Филиппийский Епафродит, который в Колоссах зовется Епафрасом. Он донес до меня пожертвование от филиппийской общины. Но тут же, едва пришел в Рим, заразился чем-то и болел, лежал в горячке. Братья все за него молились, Лука потрудились над ним. В общем, Бог его помиловал, он выздоравливает. Живет он здесь же в Риме у одного из братьев. Завтра, может быть, появится здесь, если окреп. Так вот, он какие-то такие слухи, похожие на ваши рассказы, принес из

Лаодикий. Он побывал на своей родине, и примерно то же самое там услышал. Пока он болел, я решил написать в Асию письмо, прежде всего, в эту самую Лаодикий. Продиктовал Луке. Только передать письмо не с кем было. Ну, Тихик, ты видишь? Выхода у тебя нет. Придется тебе идти, больше некому. А вот, кстати, прочитайте.

Он дал им небольшую стопочку листов папируса. Когда окончили чтение, Тихик сказал:

- Да, все то же самое, те же силы, начала и престолы...

- И та же полнота какая-то, - добавил Павел. - Для тех, кто не видит полноты в Самом Христе.

- Точно, - ответил Тихик, - но Архипп передавал еще подробности. Что они там ангелов почитают, да на ангелов равняются. Не едят там чего-то, какую-то пищу, вино и мясо считают скверной и учат не дотрагиваться.

- Так! - вдруг воскликнул Павел. - Тогда сделаем немножко иначе. Ты и это письмо снесешь, и в Колоссы мы напишем⁷⁸. Тимофей теперь у нас появился, вот, пусть поработает. Повторим еще раз те же наставления, если хочешь, даже более подробно и четко. Да, кстати, тут и еще будет одно обстоятельство, - потом расскажу. В общем, ты не один пойдешь, Тихик. Будет у тебя спутник и помощник, по имени Онисим. Но это отдельная история. А что касается наших асийцев, то, конечно, слух тревожный. Снова верующие удаляются от благодати, подаваемой Христом. Как тогда, помните, братья из обрезанных увлекались соблюдением закона, точнее еврейского ритуала, галахи. Думали, что соблюдением перечня не обременительных дел этого закона они оправдаются перед Богом. Грубо

сказать: не станем есть свинину и работать в субботу – и спасемся. И у этих что-то подобное. Думают спастись своим надрывным постом. К свинине прибавили вино. То и другое назвали нечистым – и желают стать похожими на ангелов.

- Да, похоже, что суетой занимаются, - вставил слушавший все Лука.

- И все это от недостатка познания Христа, - заключил Павел. – Помните, братья, наши разговоры еще в Эфесе с Аполлосом. Я четыре года уклонялся от того, чтобы написать и сказать это прямо. Но вот тут, милостью Божией, нашлись подходящие слова. Суть в том, что во Христе обитает вся полнота. Они ищут полноты: полноты спасения, полноты благодати, полноты общения с Богом. Только во Христе эта полнота, - вот в чем дело. В нем вся полнота Божества телесно. Он неслучайно называл себя Сыном. Это больше, чем просто сравнение. Как иудеи сыном радости называют просто радостного. Он, Христос, Сын Отца в каком-то более важном смысле. Он рожден прежде век, - как и Отец его. Он есть полный образ Отца. Как от человека рождается человек, причем похожий на отца. Так кто рождается от Бога? Кто рождается от Вечного? Кто рождается от Всесильного? Кто рождается от Святого и Милостивого? Хочешь узнать каков Отец, невидимый и недоступный взору человека? Его и Моисей на горе не мог видеть. Так хочешь увидеть Бога – смотри на Христа. И Сын неотделим от Отца – потому Бог остается Един.

- Так как же его назвать? – спросил Тимофей. – Может быть, Премудрость? Помнишь, как Аполлос предлагал по книге Притч?

- Собственного имени Бога знать нельзя, - сказал Павел. – Может быть, слово Премудрость, как женское имя, здесь не подходит. Но остальное, что сказано там, как Премудрость рождается прежде неба и земли, и ею все остальное устроено, - это все точно относится ко Христу. Он рождается прежде всякой твари, всех этих сил и начал, чем бы они ни были, а затем им и для него устроено все. И Он же смирил себя, опустошил себя, став как собственный раб, как человек, покорился Отцу, стал для нас жертвой за грех. И через это становится для нас виновником спасения вечного, воскрешается Отцом, пленяет царство мертвых, возносится к Отцу. За этот подвиг увенчан у Отца еще большей славой. Так что незачем искать какой-то иной полноты и премудрости. Незачем искать Ему в помощники и сотрудники каких-то ангелов. Да, братья, уже пора это записать. Премудрость тайная, которую мы говорим людям духовным, - она именно в этом. Что образ Отца, бывший прежде века, сделал нас самих через все это сынами Богу и повелевает нам нести эту весть людям. А тайна эта прежде неведома даже ангелам была, а теперь возвещается всюду через нас и через церковь.

- А что за Онисим такой? – спросил Тихик, лишь только все согласились с Павлом.

- Ты не представляешь, до чего же тесен мир, - улыбнулся Павел в ответ. – В Колоссах церковь собирается в доме Филимона. У него дом для этого большой. И в этом большом доме – да вы с Тимофеем и Епафрасом его помните, - был у Филимона такой раб, по имени Онисим, полезный, то есть, пригодный. Ну и вот, однажды стал он Ан-онисим, непригодный, сбежал он от хозяина. А

Филимон тогда уже уверовал, относился к рабам по-отечески, не наказывал, не следил. Ну вот, раб и решил, что настал его час. Послан был Филимоном куда-то с деньгами за покупками – и был таков. Нашел свободу. С нею нашел и голод – когда деньги хозяина кончились. В общем, нагулялся он, перебивался какими-то заработками да подаяниями. А может быть, и воровал где-то, - кто ж его знает. Короче, все дороги ведут в Рим. Оказался он здесь. Ну, тут, по части просить милостыню да всякого устройства в жизни, понятное дело, указали ему на христиан. Обо мне он еще у хозяина слышал. Вот, в конце концов, и привели его ко мне. Ну, понял он свой грех, покался, уверовал в Господа Иисуса, вот помогает нам тут. Думаю, надо его и наказать, и простить в одно действие. Пусть с тобою, Тихик, вернется в Колоссы к хозяину. Пусть в глаза ему посмотрит.

- Хорошее наказание, - сказал Тимофей.

- А Филимон пусть его простит и примет. Это и Филимону хорошее наказание, - добавил Тихик.

- А обоим им пусть подастся прощение, - подытожил Павел. – И все в одно действие. Я теперь Онисиму верю. Он уже, конечно, не тот⁷⁹.

- Оказывается, Сам Христос такую притчу рассказывал, - сказал Лука. – Только там не раб сбежал, а сын от отца ушел. А потом покался и вернулся. Я эту притчу в свою первую книгу вписал. Когда ему прочитали, этому Онисиму – видел бы ты его слезы!

- Но только самого Филимона надо бы предупредить, - предостерег Тихик. – Мало ли как он...

- Да уж, конечно, - ответил Павел. - Напишу ему вообще своей рукою. Я, конечно, верю, что они помирятся. И не могу же я, сами понимаете, удерживать в своем услужении чужого раба! Тогда я получаюсь соучастник в преступлении, укрыватель краденного. Так ведь?

- Конечно. Надо ему вернуться, - согласился Тихик. – Ладно, беру его в обратный путь, раз уж ты ему веришь.

- Верю, верю. Не бойся. Тебе еще не завтра уходить, побудете здесь немного. А пока, Тимофей, вот тебе чернильница, садись и пиши.

И Павел начал диктовать послание в Колоссы. Передав приветствия и молитвы, помянув добрым словом Епафраса, первого христианина из Колосс, он перешел к главному:

- С радостью благодарите Отца за то, что Он дал вам право разделить жребий святого своего народа в Царстве Света. Он избавил нас от власти тьмы и переселил в Царство своего любимого Сына, благодаря которому мы получили свободу – прощение грехов. Он есть видимый образ Невидимого Бога, Первенец, выше всего творения, потому что через него было создано все – и небесное, и земное, и видимое, и невидимое. Престолы, господства, начала, власти, - все было создано через Него и для Него. Он был раньше всего, и в Нем все обрело единство и строй. Это Он – глава Тела, то есть, церкви. Он есть Начало, первенец, первым воскрешенный из мертвых, чтобы первенствовать во всем, потому что Бог пожелал, чтобы в Нем обитала полнота Божества. Он все примирил с Богом через Себя, через смерть свою на кресте, мир заключив со всем земным и небесным⁸⁰.

- Мне очень понравилось, - прервался Тимофей, - как ты об этом мире написал в прошлом письме, что дал нам прочесть. Христос соединил два народа, иудеев и эллинов, став краеугольным камнем для двух стен. И тут, получается, о том же.

- Ну, конечно, - ответил Павел. – Я и теперь хочу соединить их в одно тело. Христос примиряет и соединяет в своем Теле, в Церкви, всех. Не только иудеев и эллинов, не только рабов и свободных, но и вот, этих «духовных» с остальными. Просто я не знаю, как точно это указать, чтобы они себя узнали. Вы же и сами не знаете, насколько отделяются эти «духовные» от остальных братьев. Поэтому напомним о единстве христиан вообще. Пиши дальше: *И вас, некогда чуждых и враждебных из-за своих злых дел, он теперь примирил с Богом через свое земное тело, через свою смерть, чтобы в день суда поставить вас перед лицом Бога святыми, незапятнанными и безупречными*⁸¹...

Говорил Павел и о своих страданиях, сказал и о тайне слова Божьего:

- ...Он повелел мне возвестить вам во всей полноте слово Бога – тайну, веками скрытую от всех поколений. А теперь она явлена Его святому народу, которому Бог захотел открыть все богатство и славу этой тайны среди всех народов. Тайна в том, что Христос живет в вас, Он ваша надежда на грядущую славу. Это его мы возвещаем, увещая и наставляя людей со всей доступной нам мудростью, чтобы поставить их перед Богом совершенными в единении со Христом⁸²... Написал? Вот так и скажем, чтобы не искали иной премудрости, иной полноты какой-то.

И он продолжал диктовать, убеждая достигать познания Божией тайны, то есть, Христа.

- ...*И пусть телом я не с вами, но я с вами духом и радуюсь, видя вашу сплоченность и крепкую веру в Христа*⁸³.

- Хвалишь их на будущее? – улыбнулся Тимофей.

- Конечно. Я всегда так делаю. Помнишь, как ты сам записывал такие же похвалы Коринфянам? Ладно, не отвлекайся: *Смотрите, чтобы никто не завлек вас в сети пустым и лживым философствованием, идущим от людских преданий и стихий мира, а не от Христа, потому что в нем воплотилась и обитает вся полнота Божества. И вы обрели полноту жизни в единении с ним, Главой начал и властей*⁸⁴...

Павел по ходу дела просматривал свое предыдущее письмо, насколько мог разглядеть буквы. Он явно считал нужным кое-что повторить.

- ... *И вас, некогда мертвых из-за своих грехов и того, что вы, будучи необрезанны, не принадлежали к Божьему народу, - вас Бог вместе с Ним вернул к жизни. Он перечеркнул список наших долгов, предъявленных к оплате предписаниями закона, и уничтожил этот список, пригвоздив его ко кресту. И этим он обезоружил начала и власти, и, выставив их всем на посмеище, провел, как пленных в своем триумфальном шествии*⁸⁵.

- А это про что? – не понял Тимофей.

- В Риме оказался и не знаешь? Когда они кого-то победят, то торжественно входят в город, несут трофеи и ведут пленников. У них это называется триумф. Я уверен в Господе, что под этими властями и началами они почитают духов нечистых, просто, может быть, сами пока этого не понимают. Вводят

они каких-то ложных богов, - вот помяни мое слово. Прямо это писать я пока, думаю, не нужно. Хватит и такого сравнения. Дальше надо их предупредить от этого ложного поклонения ангелам и равнения на них в телесных воздержаниях. Чтобы поняли, что, убегая от иудейских правил закона, они вводят свои, почти такие же. Пиши: *Так пусть никто не осуждает вас за то, что вы едите и что вы пьете, и не спрашивает, соблюдаете ли вы праздничные дни, новолуния и субботы. Это лишь тень того, что должно было прийти, реальность же – во Христе! Не допускайте, чтобы вас осуждали люди, которые обожают смирение, поклоняются ангелам и распространяются о собственных видениях. Напрасно они кичатся своим умом, он у них все еще земной. Такие люди больше не связаны с Главой, которая питает тело и придает ему единство*⁸⁶...

Далее Павел перешел к наставлениям нравственным. Счел нужным повторить об отношениях между супругами, родителями и детьми, рабами и господами. Затем представил Тихика, как письмоносца, и продиктовал приветствия от всех присутствующих.

Так родилось еще одно важнейшее по значимости, хотя и короткое письмо апостола Павла. Двумя сходными по содержанию письмами он остался доволен. В конце нового письма в Колоссы предложил по прочтении обменяться письмами. На это Тимофей заметил:

- Оба письма надо вообще по всей Азии распространить. Полагаю, что и сам Филимон, и Архипп, и Сосфен в Эфесе тут вполне могут помочь. Любая община захочет иметь у себя список твоих обоих писем – свой собственный.

На следующий день увидались и с Онисимом, и с Епафродитом. Онисима Павел успокоил, показав и торжественно вручив Тихику собственноручное краткое письмо к Филимону.

- Путешествовать, особенно с письмами, нужно не менее чем вдвоем, - сказал он. – Вот даю Тихику письмо, написанное моей рукою. Думаю, даже уверен, что после его прочтения Филимон примет тебя, как брата. Но ты все-таки должен испросить у него прощения. И служить ему, сколько он попросит. Вы отправитесь вдвоем с Тихиком, и в Лаодикию, и в Колоссы. Расскажите все о здешней нашей жизни. Сами потрудитесь в проповеди Божьего Слова.

Тимофей подивился, когда это Павел успел написать еще одно письмо. Оно было запечатанным, поскольку предполагало только одного адресата. Никто из присутствующих тогда не догадывался, что оно станет, пусть и малой, но важной частью апостольского предания.

А Епафродит, только-только оправившийся от болезни, был весьма рад увидеть вновь старых друзей. Он был еще бледен и слаб, но собирался вскоре двигаться в путь. Особо он был доволен и тем, что в его родной город тоже отправляется Павлово письмо.

Вместе с Тимофеем сели они вновь за папирус.

- Надо филиппийцев поблагодарить и ободрить, - сказал Павел. – Напишем кратко, Епафрас, ты не обидишься?

- Напиши хоть как-то, - улыбнулся в ответ Епафрас, а затем добавил. – Мне кажется, нашим не нужно повторять про вот эти начала и силы, про эти все подражания ангелам. У нас об этом никто не спрашивал. Но вот, пожалуй, имело бы смысл

повторить о Христе уже прямо, что он есть образ Бога Невидимого. Ну, как ты им написал.

- Да, конечно, - согласился Павел. — Начнем, пожалуй, и доберемся.

Он начал диктовать и по ходу поделился своей важной радостью. Совсем недавно верующими стали некоторые служители при дворе, чуть ли не преторианцы. Павел, глядя на так и светящегося Епафродита, счел нужным порадовать македонцев и этой новостью. Папирус запомнил не только скорбь послания в Коринф из Македонии, но и радость этого письма. Был редкий день, когда Павел с учениками, действительно имел возможность увидеть добрый плод своих трудов и скорбей за проповедь Царства Божия. Слова радости и ободрения широким потоком ложились на папирус, пока Павел вдруг не задумался и перешел к научению:

- Ибо и в вас должны быть те же чувствования, что во Христе Иисусе. Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил себя самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став, как человек, смирил себя быв послушным даже до смерти и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних⁸⁷...

- Так достаточно будет? — переспросил Павел Епафраса, прервавшись в диктовке.

- Вполне, - согласился тот.

- Пожалуй, пока хватит указать на самое важное. А если и до ваших македонцев дойдут все эти мудрования о престолах и началах, - сам уже им разъясни.

Он продиктовал еще страничку и про Тимофея, и про Епафродита, который сейчас должен нести это письмо. И уже собирался заканчивать, как вдруг Епафрас вспомнил:

- Знаешь, Павел, пожалуй, нам пригодилось бы еще раз напомнить что-нибудь про сторонников обрезания. Их не очень слушают, но все-таки такие иногда появляются из Фессалоникских иудеев и повторяют примерно то самое, что уже распространяли в Коринфе. Кто-то из них даже напоминал, что истовые иудеи, правда, неверующие во Христа, язычников именуют псами. И на это, помню, Вар остроумно заметил: вы хвалитесь, мол, тем срамом, который сами же закрываете одеждой. Если это ваша похвала, так и ходите голыми!

- Хорошо сказал, - улыбнулся Павел. – Сейчас и про это напишем. Пиши: *берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания*⁸⁸...

Он вспомнил, что этот знак иудейского достоинства есть и у него самого, но вкупе со всей правдой по закону, он готов считать это просто мусором – по сравнению с познанием Христа и обретением Его правды. *Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном. Наше же житительство – на Небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа*⁸⁹.

- Отлично, - сказал Епафрас. – Это нужно было им заметить. Хорошо запомнится.

Они перешли к личным приветам и тем деталям, которые знал только сам Епафрас. Павел вдруг спохватился:

- О самом-то главном чуть не забыли. Пиши, Тимофей: *Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне*⁹⁰...- И он с глубоким чувством поблагодарил за пожертвование. Передал приветы, дописал своей рукою последнюю фразу – благословение.

- Все-таки я действительно очень благодарен вам, - подытоживал работу Павел. – По сравнению с другими церквями ваши братья меньше всего доставили мне огорчений и забот. Это правда. Вот и стойте так в вере и любви.

Епафродит был явно доволен похвалою. Еще через несколько дней он отправился в Македонию. Ушли и Тихик с Онисимом в Асию. Тимофей познакомился с Марком, помогал и Луке сразу копировать часть его повести о деяниях апостолов. Однажды Лука, обсуждая с Павлом и Тимофеем тексты, только что отправленные в Асию, сделал такое замечание:

- В последние дни перед страданием своим, Иисус как-то спросил в Храме, как люди думают, чей сын должен быть Мессия? И услышав, что он будет сыном Давида, привел им строку из псалма: *сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, пока положу врагов твоих подножие ног твоих*.

- Знаю, - отозвался Павел, - знаю, что все грамотные евреи относят этот псалом к Мессии. И эти слова значат, что Христос – это Господь, а не раб.

- Через строчку там говорится еще более удивительное: *Из чрева, прежде денницы Я родил Тебя*. Это Бог к Мессии говорит! – продолжил Лука.

- Все верно. Значит, Сын Божий рождается от Отца прежде всего сотворенного, - согласился Павел. – Мы об этом и написали. Я знаю этот псалом и

дальше. Дальше в этом псалме Сам Всевышний говорит Сыну, причем с клятвой: *Ты – священник вовек по чину Мелхиседека*⁹¹. Я имел это все в виду, когда писал асийским церквам. Он же, ради которого и через которого сотворен мир, Он и есть глава Церкви, и примиритель людей в своем теле. Дело священника – примирение с Богом.

- А что за Мелхиседек и что за чин Мелхиседека? – спросил Тимофей.

- Ну вот, мы же читали. В книге Бытия, в рассказе про Авраама, появляется это таинственный человек. Он – священник Бога, Единого Бога, Которому верит и Авраам. И он благословляет Авраама после его победы над пленившими Лота. Авраам в ответ дарит ему десятую часть своей добычи. И больше, кроме этого места, в Писании о нем не говорится ничего.

- Странно, - удивился Тимофей. – А почему тогда в псалме его вспоминают?

- Вероятно, предполагается, что читатели сами знают, - предположил Лука.

- Здесь нечто большее, - вдруг воодушевился Павел. – Это слишком не простой псалом. Мысли в нем слишком высоки, чтобы быть просто человеческими. И если его приводит Сам Христос, прилагает к себе, значит, это крайне важно. И слова о священнике – тоже. А вот, и сами подумайте. Мы же с вами об Аврааме говорили много. Аврааму вера вменилась в праведность – и это было прежде обрезания, тем более, прежде закона. Священство установлено только Моисеем, и стало законным принимать священников только из рода Аарона. А до этого жили люди, как Авраам, верующие в Бога, главы родов, - и они были сами священниками Богу. Приносили жертвы Богу. Таков не только Авраам, но

таков и Иов, и Иофор, тесть Моисея. И Бог принимал их служение. А это было до закона, до рождения самого Аарона.

- Но почему все-таки Мелхиседек? Почему именно он поминается в псалме, а не тот же Иов или Иофор? – продолжил расспросы Тимофей.

- Трудно сказать, не ко мне вопрос, - ответил Павел. – Тут надо помолиться и подумать. Я уверен что это не случайно. Имя Мелхиседека что-то значит. Мессия будет священником – так, наверное, хотел сказать пророк, - причем не по чину Аароновой череды. Ну, это, конечно, так и есть. Господь наш рождается в колене Иуды, не имеющем отношения к священству Ааронову. Но именно его священное служение и есть подлинное. Священник примиряет людей с Богом и друг с другом. Ни один священник, ни первосвященник не может сам понести это служение примирения.

- Ты писал, что его несем мы, - вставил Тимофей. – Так и диктовал: мы несем служение примирения с Богом. Я сам записывал.

- Да. Но это не наше служение, а Христово. Подлинный мир наш дал именно Он, примирив, прежде всего, иудеев и язычников. Затем в нем становится одним раб и господин, варвар и скиф, мужеский пол и женский. Его служение – всеобщее и полное. Оно превосходит Аароново священство во всем. И знаешь, почему именно Мелхиседеков чин помянут в псалме? Наверное, потому, что Мелхиседек перед Авраамом возникает ниоткуда. Ни поминается его рождение, его предки, его кончина. Он показан так, словно бы существует вечно. Так вот, священство Мессии именно таково: оно подлинное, действенное и пребывает навек.

- Да, это очень важная и новая мысль, - сказал Лука после краткой паузы. – Доселе все были уверены, что Христос – это Царь. И говорили о Нем, как о Царе. А тут – священник.

- Так во времена Авраама, когда жили по чину Мелхиседекову, царь и священник совпадали в одном лице. Глава рода – он одновременно есть и царь, и священник. Разделение служений добавилось позже. А во Христе соединяется все вновь. Христос, как священник, принес одну жертву, но зато единственно действительную. Примирил в себе все человечество, земное примирил с небесным. И царствует, как Царь. Потому что Он – единственный посредник между Богом и людьми.

- Знаешь, Павел, - сказал Лука. – Это тоже надо будет донести братьям.

- Да, Бог даст, решится же дело мое. Может, скоро придет освобождение.

Освобождение Павла, действительно, вскоре пришло. Но сначала беда случилась с Тимофеем. Он привык посещать Павла совершенно свободно, а Павел все-таки считался арестантом. И вот, под какую-то проверку Тимофей и подвернулся. Нес арестанту папирус и чернила, нарушая тем самым правила. Был арестован теперь и сам. Римским гражданином он не был, и почетных условий ему не полагалось. Попал в общую тюрьму.

Впрочем, посещавшие его братья утешили его, сказав, что если вскоре Павел будет признан невиновным, то и его, Тимофея, освободят, поскольку никакого состава преступления за ним не останется. Оставалось только ждать и бездействовать.

Обвинение на Павла в суде рассыпалось как бы само собою. Сами обвинители не явились, очевидно, покинув Рим. Три с лишним года в общей сложности тянулось это дело, у которого, по сути, больше не оставалось состава преступления, даже вымышленного. Павел был освобожден. Вскоре, действительно, был отпущен и Тимофей⁹².

А некоторое время спустя из Иерусалима пришли тревожные новости. Оказалось, что синедрион воспользовался сменой римских прокураторов. Пока римского чиновника в Палестине не было, устроили суд на Иаковом и пресвитерами Иерусалимской общины. Суд этот, как и в случае расправы над Стефаном, быстро перешел в самосуд. Очевидно, так это и планировалось. Иакова и его близких толпа забила камнями и всем, что под руку попало.

Тех из Двенадцати, кто еще был жив, в Палестине, по-видимому, не было. Община в Иудее осталась обезглавленной. Павел принял решение сам отправиться в Кесарию и Иерусалим, как только позволит погода и здоровье. Но сначала решил предварить свое путешествие посланием. Это было тем более необходимо, что иудейские братья относились к нему, мягко сказать, настороженно. Разумеется, такое послание он хотел написать на родном языке. И тут уже ни Лука, ни Тимофей не были ему помощниками. Только Марк, не забывший родной язык, мог ему тут пригодиться. Они и в беседе между собою перешли на арамейский, так что Лука и Тимофей тихонько оставались в стороне. Они только просили Марка перевести потом это письмо, или хотя бы его содержательную часть, на греческий, чтобы по возможности отнести его в асийские и македонские общины⁹³.

Пока Павел работал с Марком, Тимофей работал с Лукою, помогая ему сделать список с новой его книги, описывающей все их апостольское служение. Оригинал Лука обещал отослать тому же Феофилу в Антиохию⁹⁴, а списки Тимофей полагал подарить македонцам, асийцам, и, даст Бог, донести и в свои родные места. Работу торопились закончить к общему сроку. Дорога морем предстояла дальняя; понятно, что передать послания в Антиохию и Иерусалим лучше было с одной оказией.

Эпилог

Ныне мы не можем сказать, как развивалась проповедь апостолов дальше. Здесь следовало бы оставить реконструкцию и при желании сочинять дальше свою историческую повесть, уже практически без опоры на какие-то документы. Повествование очевидца и участника событий (Луки) кончается примерно на этом месте. Где были дальше Павел и Тимофей, остается только гадать.

У нас остаются еще три послания апостола Павла: одно к Титу и два к Тимофею, причем второе из них — очевидно, предсмертное. По этим посланиям невозможно установить, как перемещались, с кем сталкивались апостолы. Ясно только, что Павел ставит Тимофея старшим (епископом) в Эфесе, а Тита — на Крите. Причем обоим дает право и поручение самостоятельно, уже вместо себя, рукополагать пресвитеров. Тем самым закладывает основы церковной иерархии. Противники церковной иерархии и тщатся отобрать эти послания у Павла, называя их подложными, и сочиненными, якобы впоследствии.

Однако у нас есть и настоящие, доказанные подделки под Павла, например, его, так называемая, «переписка с Сенекой», или т.н. «Деяния Павла и Феклы», из которых всякий может увидеть, каков был уровень подделок «под Павла» и каков здесь контраст с посланиями Титу и Тимофею. Кроме того, противники этих пастырских посланий Павла вынуждены переделывать и сюжет его кончины. Якобы он, вопреки высказанным прежде надеждам на свое освобождение, был казнен в Риме, так и не увидев свободы.

Гораздо вероятнее, впрочем, что кончина Павла последовала четырьмя годами позже, когда пришло гонение на христиан в связи с поджогом Рима. А тогда, в 62 г, его ожидания на освобождение оправдались. И он действительно, мог посетить христианские общины где угодно, от Рима до Иерусалима, но каких-то сведений об этих маршрутах Павла у нас нет.

Ничего однозначно достоверного не знаем мы и о дальнейшей судьбе Тимофея. Не знаем, например, был ли он когда-нибудь женат. В житии его записано, что он, епископ Эфеса, принял там мученическую кончину от разъяренной толпы наследников одного серебряника Дмитрия, искавшего убить Павла. Год же кончины указывается 80. Проверить эти сведения по другим источникам возможности нет. Но сами они правдоподобны. Ибо Веспасиан и Тит Флавии, державшие в эти годы власть в Риме, не устраивали государственных гонений на христиан. Поэтому более распространенный житийный сюжет – ответ мученика перед языческим царем или правителем – если бы он был приложен к Тимофею, выглядел бы вымышленным. А самосуд со стороны эфесских

фанатиков, как мы можем заключить на примере Павла, был очень даже возможен.

Как бы ни окончил свои дни Тимофей, но делу Христову, делу своего учителя Павла, он остался верен до конца, о чем свидетельствует обращенное к нему предсмертное письмо Апостола языков. Через его руки прошло все то апостольское наследие, которым мы пользуемся до сих пор, как первым и главным ориентиром своего христианского упования.

Примечания

¹Из Деян. 16, 1 не следует однозначно, что Тимофей родился и жил именно в Листре, а не в соседней Дервии. Но именно в Листре происходят те важные события, которые могли бы свести Тимофея с Павлом и связать их узами дружбы. Не указан так же и род занятий Тимофея.

²Первая по времени молитва евхаристии, относящаяся именно к апостольскому веку, приведена в Дидахэ, Учении 12 Апостолов. В приложении приводится этот важнейший документ эпохи. Мы полагаем весьма правдоподобным, что некоторые, наиболее афористичные элементы евхаристической молитвы были распространены еще ранее, чем были записаны. Конечно, невозможно себе представить, что совершая евхаристию, апостол Павел использовал бы для этого какой-то записанный текст (даже свой собственный!) Всякий раз эта молитва приносилась по вдохновению, своими словами – см. об этом, кстати, Дидахэ 10, 7. Тем не менее, даже при таком молении, как показывает практика, определенные афористичные, образные фразы и выражения и общий смысловой порядок службы достаточно быстро «отвердевают», становятся элементом традиции. В Дидахэ эта традиция и запечатлелась в не окончательно

«затвердевшем» виде, но отдельные «центры кристаллизации» в ней должны были быть и чуть раньше. Мы их фиксируем. К таким же «центрам» или «формульным» выражениям автор книги самовольно причисляет «формулы причастия» из более поздней литургии (не позднее конца III века), носящей имя апостола Иакова: *Тело Христово* и *Кровь Христова, Чаша жизни*. Сама простота этих выражений ручается за их древность, и может восходить к самым первоначальным временам.

³ Сюжетной основой нашей первой главы служит гл. 14 Книги Деяний Апостолов.

⁴ Быт. 17, 10-14.

⁵ Ср.: Деян. главы 11-13, Гал. гл. 2

⁶ Ирод Агриппа I был провозглашен царем Иудейским, как Ирод великий, и считался таковым семь лет. О нем сообщает Иосиф Флавий («Иудейские древности», книги 18 и 19, особенно же см.: 19, 8,2 – о кончине Агриппы и хронологии его царства).

⁷ По вопросу о времени написания Павлом своего письма к Галатам среди исследователей давно уже нет единства. Смущение возникло от того, что собственно область Галатия в центральной части малоазийского полуострова не упоминается Лукою в книге Деяний св. Апостолов. Лишь в одном стихе (Деян. 16, 6) Лука говорит, что апостолы прошли через Галатийскую страну, но не говорит, что там проповедовали. И еще всего лишь один раз некие «галатийские церкви» помянуты Павлом в 1 Кор. 16, 1. Тогда приняли считать, что в эти области Павел зашел во второе свое путешествие после апостольского собора, относимого более-менее единогласно к 49-50 годам, и будто бы там проповедовал. А потом уже, после возвращения из второго путешествия, около 54 г в Антиохии Павел получает известия о смущениях в этих общинах по вопросу обрезания – и пишет им знаменитое послание.

Затем историки взяли во внимание тот факт, что римские провинции, нарезанные в империи во времена Павла, не совпадали по своим границам с более ранними административными областями, и даже имели с ними разные названия. При этом Павел всю топонимику в своих посланиях ведет по римской системе. Для него нет, например, Эллады, а есть Ахаия. И главный город ее не Афины, а Коринф с резиденцией проконсула Ахаии. Точно так же он едва ли разбирается в наречиях народов Писидийской и Ликаонской областей, уже давно эллинизированных и включенных в состав Римской империи. Павел едва ли отличает эти народы от собственно галатов (они же галлы, они же кельты), часть которых переселилась в Малую Азию из Европы еще во II веке до н.э. Те и другие в его время входят в одну административную провинцию Галатия, и потому для Павла галатами вполне могут называться именно те жители Антиохии Писидийской, Иконии и Листры, которые просвещены его проповедью в первое путешествие (Деян. гл.13 и 14). Датировка этого первого путешествия относительно надежна. Оно совершилось вскоре после года кончины Ирода Агриппы (что описано в Деян. гл. 12), относимой по Иосифу Флавию к 44 г. и до указа Клавдия об изгнании евреев из Рима (51 г.).

Все это дало основания к тому, чтобы старую «галатийскую теорию» поправить. Теперь адресатами послания к Галатам вполне резонно могли считаться те люди, кому Павел благовествовал в свое первое путешествие и на кого потратил целый год, проведенный в тяжких трудах и смертельных опасностях. А вовсе не как-то мимоходом, чтобы Лука, очевидец уже второго путешествия Павла, просто опустил бы в своей книге упоминание о благовести этим людям. К сожалению, коррекция адресатов послания почему-то не у всех вызвала решимость скорректировать и время написания самого письма. Так, например, о. Александр Мень полагал, будто споры о законе и обрезании в галатийских

церквях возникают уже после апостольского собора и послание Галатам написано тоже после апостольского собора в 54 г, по возвращении Павла в Антиохию после своего второго путешествия. Хотя при этом он полагает, что галатийскими церквями следует считать общины именно тех городов, где Павел проповедовал в свое первое путешествие.

Таким образом, старая версия предполагает примерно следующую хронологию.

46-48 г. – миссия Павла в Южной Галатии. Возвращение Павла в Антиохию.

49-50 г – споры о законе в Антиохии и поход Павла с Варнавой на Апостольский собор. (Деян. гл. 15)

49-53 г. – второе путешествие Павла (Деян. гл 16 – 18,22). И, возможно, заход в некие области центральной Галатии, о которых, возможно, одним только словом упоминает Лука, ведущий дневник этого путешествия как его участник.

53-54 г. – Послание к Галатам.

Такова старая, «классическая» галатийская датировка.

Возражения против нее вкратце сводятся к следующему.

Как сказано выше, адресатами послания следует считать именно «героев» первого Павлова путешествия, а вовсе не каких-то воображаемых «центральных галатов», о которых не дается никаких сведений. Если так, то у нас есть прямое указание Луки, что именно этим людям Павел во второе свое путешествие уже **передает письменные установления** Апостольского Собора в Иерусалиме (Деян. 16, 4-5). Это высший авторитет из всех церковных инстанций! И именно это послание собора однозначно разрешает тот самый вопрос, который является центральным в Послании к Галатам: христианам из необрезанных обрезание не обязательно.

Почему же после решения собора вообще мог снова встать тот самый вопрос, который этим собором уже решен? И почему Павел в письме Галатам ни разу не

сослался на решение Собора, не процитировал его письменный текст? Если еще учесть, что этот самый текст этим самым людям он лично читал два года назад? Вместо этого Павел доказывает, что его Евангелие (т.е. очевидно, трактовка Евангельских событий) дана ему по откровению свыше, - что бы там ни говорили авторитетные апостолы. В такой ситуации, когда общее решение авторитетных апостолов письменно зафиксировано, зачитано и уже не пересматривалось, притом это решение вполне благоприятно для Павла, - такие ссылки только на личное откровение абсолютно неуместны и крайне не убедительны. Все говорит о том, что Павел, работая над посланием к Галатам, общего соборного решения Церкви еще не имел в руках. Просто потому, что его еще не было.

Так возникла идея о более ранней датировке Послания к Галатам, которую мы разделяем и воспроизводим в своей реконструкции. Похоже на то, что вопрос о принятии язычников в Церковь обострился к тому времени настолько, что и послание к Галатам, и необходимость немедленного собора апостолов в Иерусалиме осознаются в окружении Павла одновременно, как его сторонниками, так и противниками. Конфликт достиг своей кульминации, - что и отражает тон Послания. При этом общего авторитетного суждения еще нет, его нужно искать.

Оба послания Коринфянам (а их без больших споров датируют около 56-58 г, то есть, почти одновременно со старой версией датировки Послания к Галатам), отражают полемику Павла против иудействующих христиан. Однако там вообще не ставится вопрос о том, что кто-то предлагает братьям из язычников принимать обрезание, ставя его условием спасения. Оно и понятно: к середине 50-х годов эта часть «иудейского вопроса» в Церкви окончательно соборно решена. Остаются другие аспекты той же проблемы, но о навязывании обрезания эллинам речь уже не идет. В еще большей степени это же

относится и к чуть более поздним посланиям Павла к Римлянам и (отчасти) – Филиппийцам.

Важным аргументом в пользу ранней датировки послания к галатам является тот факт, что в нем Павел настаивает, что он был в Иерусалиме лишь дважды (Гал. 1, 18 – две недели с Петром и Гал. 2, 1 – с Варнавой и Титом). Оба случая отражены и в Деяниях: соответственно: 9, 27-28, и 12, 25. Если послание написано после Собора, то в нем не учтен и третий визит Павла на сам собор, - или же визит предыдущий. Маловероятно, что Павел ошибается в таком важном для себя же обстоятельстве, как число визитов, которое притом легко проверяется.

Кроме того, Павел утверждает, что его слушатели слишком *скоро* поменяли свою веру на *иное благовестие* – Гал. 1, 6. Это, хотя и косвенный довод, но все-таки свидетельство, что между посещением Павлом общин Галатии и письмом к ним проходит очень малый срок, а не 6-8 лет как в рамках старо-галатийской теории.

Сторонникам старой датировки приходится идти и на другие очевидные и неуклюжие натяжки для подтверждения своей теории.

Во-первых, Дееписатель описывает поход Павла в Иерусалим с пожертвованиями для голодающих в год смерти Ирода Агриппы – 44 г. Наверняка, именно тогда встреча Павла с высшими апостолами носила частный характер, и именно она легко согласуется с описанием визита Павла в Иерусалим в Гал. 2, 1-3. Сторонникам «старо-галатийской» датировки приходится этот визит 44 г из Деян. 12 игнорировать вообще, а описанное Павлом в Гал. 2, 1-3 выдавать за апостольский собор. Но в таком случае, Павлу следовало сослаться на общее решение, а не на тот (довольно жалкий) аргумент, что Петр, Иоанн и Иаков не принуждали Тита к обрезанию.

Во-вторых, второе путешествие Павла, имевшее своим началом именно посещение южно-галатийских общин, им же и основанных ранее, приходится воспринимать как-то

«проскоком», словно Павел, кроме приветствий ничего там и не говорил. Хотя Лука прямо указывает, что обсуждение послания апостольского собора там было и принесло радость христианам.

В-третьих, визит Павла в Иерусалим в Деян. 18, 22, упомянутый Лукой очень кратко, расцвечивается, как серьезный конфликт Павла с местными ревнителями закона, который якобы и служит к тому, что эти ревнители бросаются развращать галатийских христиан. Вообще-то, это крайне маловероятно для краткого визита Павла с большими пожертвованиями от всех церквей в пользу Иерусалимских братьев. Так сразу кусать кормящую руку – это было бы слишком нагло даже для самых неистовых ревнителей закона. Совсем не так ведут они себя тремя годами позже, принимая Павла (с его пожертвованиями) *радушно* – см.: Деян. 21, 17.

В-четвертых, написание самого письма Павлом из Антиохии в Галатию непосредственно перед самым его личным отправлением туда – уже в третье путешествие – тоже является насилием над смыслом.

Доводы же в пользу «старогалатийской» датировки не стоит считать слишком серьезными.

Во-первых, Пасху страданий Господа по старой традиции относили к 33-34 г, прибавляли к ней пару лет до обращения Савла и еще те самые 14 лет, которые упомянуты Павлом в Гал. 2, 1, и получается, как раз 49 или 50 год. Но и сама эта пасха, более вероятно, (с учетом просчета в датировке рождества Христова), относится все-таки к 29 или 30 году; обращение Павла могло последовать приблизительно в тот же год, и тогда 14 лет вполне уложатся и до 44 года. Можно считать, что 14 лет отсчитываются от Пасхи страданий, - ведь не указано же прямо, от какой точки они отсчитываются! Да и несложно допустить, что и сам Павел (или писец его письма) мог просто ошибиться в счислении этих лет. Такая натяжка будет гораздо меньше той смысловой, когда сама тема послания подменяется не актуальной в то время.

Во-вторых, год обращения Павла оттягивают к концу 30-х на основании его слов, что в тот год *областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск* (2 Кор. 11, 32). А к Арете Дамаск относился уже после смерти Тиберия (37 г). Но и здесь проще допустить неточность самого Павла, которому по большому счету в тот год было совершенно все равно, собираются ли его казнить воины прокуратора Вителлия или воины царя Ареты.

В-третьих, указывают на стих Гал. 4, 13: *я в немощи плоти благовествовал вам в **первый** раз*, - делая из этого вывод, что было еще и второе благовестие, а его-то и относят ко второму путешествию. Но это не обязательно. Подобно сему, утверждать, что Иисус был ***первенцем*** Марии (Мф. 1, 25), вовсе не означает предполагать у Нее последующих детей от Иосифа. Первенец все равно остается первенцем, даже если не было второго. Так и теперь благовестие в первый раз тоже вовсе не обязано предполагать наличие второго.

И наконец, важным следует признать и такой косвенный довод. По описанию собора Апостолов Лукою (Деян. гл. 15), заметно, что Павел там лишь защищается от обвинений и его правоту свидетельствует Петр, берущий ответственность за прием язычников в Церковь на себя. По сути, именно Петр спасает дело Павла. А послание к Галатам содержит критику Петра, причем достаточно жесткую. Такая критика представляла бы Павла крайне неблагодарным человеком, если бы звучала после собора, хотя до собора она звучит вполне оправдано.

Отметим, что фрагменты из текста послания к Галатам мы воспроизводим далее по разным переводам: синодальному и переводу РБО (В. Кузнецовой).

⁸ Кто был писцом и письмоноском послания к Галатам? Прямого указания в Новом Завете об этом нет. Точный перевод стиха 6.11: *отсюда я пишу своей рукою большими буквами*, - дает основание предполагать, что не все письмо записано самим Павлом, но лишь его концовка. Если вопрос с датировкой нами разрешен выше, то и наше

предположение о том, что письмоносцем был именно Тимофей, становится достаточно правдоподобным. Действительно, отправляясь во второе путешествие, Павел идет на очень рискованный шаг: расстается с самим Варнавой, который хотел бы взять с собою племянника Иоанна-Марка, оставившего апостолов на полдороге в их первом путешествии (Деян. 15, 38-40). Вместо них берет с собою Силуана и Луку. Если Павел именно сейчас так щепетилен в отношении своих спутников, то совершенно невероятно было бы предполагать, что он возьмет с собою в спутники какого-то юношу, почти неизвестного ему. Очевидно, этот юноша должен был быть Павлу весьма дорог, а не просто знаком. Кроме того, Павел из предсмертного своего послания поминает Тимофею по имени его мать Евнику и бабуку Лоиду, (вероятно, уже умерших), и это дает уверенность в том, что он знал всю эту семью, причем с хорошей стороны (см.: 2 Тим. 1, 4-5). Там же есть и еще одна очень важная деталь, уже «обыгранная» в нашем тексте: слезы Тимофея. Чем-то были дороги они Павлу, что он помнит о них всю жизнь и вспоминает перед смертью! Вероятно, что Павел воспользовался гостеприимством этой семьи в самой Листре, а Тимофея – за какую-то особую заслугу-услугу! – считал годным к апостольскому служению вместе с собою.

⁹Гай Дервянин поминается в Деян. 20, 4, как еще один сотрудник Павла. Это упоминание относится к более позднему времени, чем описываемое нами теперь.

¹⁰Эта глава воспроизводит события, описанные в Деян. 16, 1 – 18, 22.

¹¹Дословная цитата Деян. 15, 24-29.

¹²Пересказ Деян. гл 15.

¹³Вопрос, зачем Павел обрезал Тимофея, причем уже после своих наставлений о законе и благодати, давно не дает покоя исследователям. Нередко здесь выискивают какое-то двоедушие самого Павла. Впрочем, и Лука говорит, что Павел на это пошел не по внутреннему убеждению, а *ради иудеев, находившихся в тех местах*

(Деян. 16, 3), то есть, под внешним давлением и ради успеха проповеди Тимофея, а не в качестве условия его личного спасения. Мы приводим свою версию, вплетая в сюжет роль матери, каковая (роль) могла оказаться весьма важной, но на страницы Луки нисколько не попасть.

¹⁴Эта сцена в Иконии не имеет прямых указаний в Деян. – чистая авторская выдумка.

¹⁵Император Гай, сын Германика, носил еще со времен своего детства в германских легионах прозвище Калигула, что значит сапожок, с которым и вошел в историю.

¹⁶Вполне возможно, что упомянутый в Деян.13, 1 Луций Киринейнин, пресвитер Антиохийской общины, и есть евангелист Лука. Если это не так, то все равно Лука – это именно греческое прочтение римского имени Луций. В Рим. 16, 21 Луций помянут рядом с Тимофеем, и это тоже с большой вероятностью, поминается именно Лука - евангелист, врач Павла. Понятно, что для римских читателей имя его приводится в римском написании. В любом случае, в Деян. 16, 11 впервые повествование начинается от первого лица множественного числа. Это означает, что Лука сопровождает Павла во всем втором путешествии, скорее всего, до Иерусалима.

¹⁷Воспроизводим сцену выступления апостолов в синагоге в Фессалониках, кратко упомянутую в Деян. 17, 2-4.

¹⁸Прем. Гл. 2. Премудрость Соломона – второканоническая книга, написанная в межзаветный период, как и вся иудейская литература, содержащая хотя бы какие-то мысли о посмертном бытии. Весьма вероятно, что Павел был знаком с этой книгой, ибо его богословие о страдании всей твари из-за греха первого человека и восстановлении этой твари через сынов Божиих во Христе (см.: Рим. Гл 7-8) служит прямым продолжением мыслей Премудрого о том, что Бог смерти не сотворил, что смерть появляется по зависти дьявола через согрешение человека.

¹⁹ Прем. 4, 16

²⁰ Прем. 5, 1-2

²¹ Ис. 53, 5-6

²²*Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства* – 1 Тим. 4, 14

²³ см. об этом 1 Кор. 11, 23-29, о чаше Господней.

²⁴ см. примеч. ².

²⁵Сосипатр, Аристарх и Секунд – фессалоникийские христиане – Деян. 20, 4. О Епафродите подробнее речь идет ниже, см. примеч. ⁵².

²⁶Первое Послание к Фессалоникийцам упоминает, что Тимофей возвратился из Афин в Македонию, а затем опять присоединился к Павлу в Коринфе. Само послание несет не Тимофей, а кто-то другой. Скорее всего, - кто-то из Фессалоникийцев, возможно, провожавший Тимофея к Павлу в Коринф.

²⁷Согласно 1 Кор. 1, 14, Павел лично крестил только этих братьев с их семьями.

²⁸О беспорядочности в коринфском собрании свидетельствует 1 Кор. Обратим внимание, что ни в одном другом письме Павел не упоминает о пророках, о говорении языками, об обилии духовных даров у рядовых верующих, не призывает *ревновать о дарах духовных*. По-видимому, именно этими дарами и отличалась Коринфская церковь, в которой, несмотря на это, (или именно благодаря этому?), накопилось много проблем.

²⁹ 2 Фес. 2, 7-9. Второе послание Фессалоникийцам написано Павлом вместе с тем же Силуаном и Тимофеем, но никто из них не несет его. Видимо, письмоношцем здесь послужил кто-то из македонцев. Отметим, что Силуан вскоре исчезнет из книги Деяний навсегда. Значит, 2 Фес. написано вскоре после первого, тоже из Коринфа, с теми же «соавторами».

³⁰Силуан покидает Павла. После сидения в Коринфе он уже не поминается рядом с Павлом. Убыть он мог, скорее всего, именно в Иерусалим. Судя по тому, что очень вскоре одна из партий в Коринфе именуют себя «Кифиными», Петровыми, а посещение Коринфа Петром

не упомянуто нигде, вероятно такое предположение, что в Коринфе среди других партий выделилась особая группа христиан. Они тяготели к позиции Иерусалима, которую узнали через визит кого-то из них в Палестину, а не через гипотетический визит самого Петра в Коринф. Их-то и поминает Павел, как «Кифиных» в 1 Кор. 1, 12.

³¹ Иак. 1, 19; 3, 1; 3, 10.

³² Иак. 2, 1-4.

³³ Иак. 2, 10-12.

³⁴ Иак. 2, 14-17.

³⁵ Иак. 2, 14-19.

³⁶ Иак. 2, 20-23.

³⁷Послание Иакова и Дидахэ имеют ряд смысловых параллелей, позволяющих отнести оба документа к одной и той же, очень ранней христианской традиции. Дидахэ обильно цитирует евангельские изречения, но при этом очень часто не в каноническом прочтении, а с маленькими отличиями. Этот документ ничего не говорит о систематических гонениях от властей на христиан, но много говорит об апостолах и пророках, упоминает о соблюдении христианами правил иудейской диеты (по желанию). Все это, равно как и громкое молчание Дидахэ в евхаристической молитве о страданиях и воскресении Христа, совершенно не соответствует реалиям христианской церкви второго века, поэтому в научном мире уже сложился консенсус, что это документ первого века, а именно Иерусалимской традиции. Полагаем возможным возникновение его в первой половине 50-х годов, как развитие идей собора и как мягкое, не прямое возражение мыслям Павла, изложенным в Гал.

³⁸ Дидахэ главы 1-6, концовка – 6, 3.

³⁹ Дидахэ 7, 1.

⁴⁰ Дидахэ гл. 9 (вся).

⁴¹ Дидахэ 10, 5-7.

⁴²См.: Деян. 18, 12-17. Проконсульство Галлиона в Ахаии датируется по другим источникам 51-52 годом. Именно в это время Павел пребывает в Коринфе. Именно

эти годы общеприняты в библеистике Нового Завета, как одна из «реперных точек», по которым датируются события книги Деяний. Наряду с годом смерти Ирода Агриппы I, - 44 г.

⁴³ В конце второго путешествия Павла Тимофей исчезает из виду и обнаруживается рядом с Павлом уже в Эфесе в его третье путешествие. Вполне возможно, что этот промежуток времени Тимофей провел в родных местах, будучи туда послан самим Павлом.

⁴⁴Община в Троаде, судя по рассказу в Деян. 20, 6-12, была к концу третьего Павлова путешествия уже значительной. В рассказе существенной деталью является именно этот трехэтажный дом. Скорее всего, хозяева дома сами были верующими, первыми представившими свое помещение для собраний. А основателями этой общины были, скорее всего, ученики Павла, в первую очередь – именно Тимофей.

⁴⁵Павел в Коринфе пробыл полтора года (Деян. 18, 11). Скорее всего, это значит: добрался осенью, отплыл весной, через полтора года.

⁴⁶Раз в два года там проходили состязания певцов и актеров, в которых принимал участие сам император Нерон.

⁴⁷Далее излагается история, называемая условно третьим путешествием апостола Павла. Основная ее канва изложена в Деян. 18, 22 – 21, 15.

⁴⁸Учение Аполлоса до того, как Акила и Прискилла его поправили (Деян. 18, 25-26), нам неизвестно. Замечания Деяписателя на этот предмет чрезвычайно кратки. Сложно понять, что именно имеется в виду под словами: *знал только крещение Иоанново*. Воздержимся от того, чтобы самостоятельно реконструировать это учение, как не имеющее важного значения для общего повествования.

⁴⁹Продолжатели общины Иакова в Иерусалиме после Иудейской войны 70 г. разделились. В частности, из них выделилась секта эбионитов, которые, признавая воскрешение Богом Иисуса из мертвых, тем не менее,

считали Иисуса сыном Иосифа и Марии, и соответственно, не признавали божественность Иисуса в каком бы то ни было смысле. О них пишет историк Церкви Евсевий Памфил («Церковная история», том 3, 27), отмечающий среди прочего, что эти еретики были жесткими противниками Павла и настаивали на соблюдении обрядового закона иудеев. Несомненно, их верования должны были зародиться именно при жизни Павла.

⁵⁰ Богословскую мысль Павла (как это всегда бывало и дальше в истории) наверняка двигала его миссионерская деятельность. Люди задавали вопросы, приходилось искать ответы. Вполне возможно, что вопрос о Божественной природе Христа встает перед Павлом приблизительно в это самое время, поскольку окончательный письменный ответ на эту тему мы прочитаем в посланиях Павла из тюрьмы – Ефессянам, Колоссянам и Филиппийцам, написанных через 3-5 лет. И нет ничего удивительного, если именно этот вопрос поставили Павлу служители мистериальных культов, прежде всего, почитатели Митры, поскольку таковые наверняка в Эфесе были и распространены были даже больше, нежели в Балканской Греции.

⁵¹ Именно об этих краях у нас есть документально подтвержденные сведения о наличии христианских церквей в следующих городах этих провинций: сам Эфес, Смирна, Филадельфия, Пергам, Сарды, Фиатир, Лаодикия. К ним обращается автор Апокалипсиса. Помимо этого еще, Траллия и Магнезия, куда направил свои послания Игнатий Богоносец в самом начале второго века. Отдельно следует упомянуть еще город Колоссы (и соседствующий с ним Иераполь), куда Павел, спустя годы после описываемых у нас событий, еще отправит целых два письма: Колоссянам и Филимону, бывшему тогда содержателем дома, где собиралась христианская община. И хотя упоминания этих городских христианских общин чуть более поздние, чем описываемое нами время, нет

сомнения, что хотя бы главные из них были основаны как раз тогда, когда Павел пребывал и трудился в Эфесе.

⁵²Епафродит из Македонии поминается в посланиях Павла из заключения: к Филиппийцам, Колоссянам, и Филимону. Эти три послания, судя по передаваемым приветам от одинаковых лиц, написаны буквально одно за другим. Из них видно, что Павел в Риме ожидает скорого освобождения из-под домашнего ареста, в котором он имеет возможность писать письма. Однако представление Епафродита в этих трех письмах отличается. В послании к Филиппийцам он представлен, как посланник этой церкви, принесший в Рим пожертвования на миссию Павла, претерпевший там тяжелую болезнь, выздоровевший и возвращающийся обратно с самым этим письмом – см.: Флп. 2, 25-30. 4, 18. А в послании к Колоссянам (Кол. 1, 7-8 и 4, 12), мы встречаем Епафраса, который оказывается *ваш* и первый проповедник в Колоссах. Этот человек передает в Колоссы привет, молится о колоссянах, но, очевидно, сейчас в Колоссы не идет, ибо письмо туда несут Тихик и бывший раб Онисим (с отдельным личным письмом к Филимону, бывшему своему хозяину). Епафрас передает привет и Филимону тоже (Флм. 23). Теперь учитываем, что Епафрас – это сокращенная форма имени Епафродит, и тогда картинка складывается. Да, это, скорее всего, один и тот же человек, родом из Колосс, и известный там по своему сокращенному имени (как Димас – это, конечно, сокращенный Димитрий, а самого Тимофея в Листре наверняка звали Тимас, просто Тим – и это обращение вполне нормально на родине героя). Теперь же Епафродит проживает и проповедует в Филиппах, и в месте сего нового проживания и служения его уже не зовут сокращенным именем – и это тоже понятно. Если же Епафраса Колосского и Епафродита из Филипп считать разными людьми, то крайне маловероятно, чтобы в одно время в одном месте рядом с Павлом оказались эти два разных человека с одним именем, передающие порознь свои приветы верующим. С

большой вероятностью можно полагать, что Епафродит был знаком с Тимофеем со времен проповеди апостолов в Македонии.

⁵³ См.: Пс. 31, 9.

⁵⁴ См.: 2 Кор. 6, 14 – 7,1. (Опять комбинируется синодальный перевод и перевод РБО). Этот отрывок разрывает связный текст послания, поэтому существует предположение, что этот листок папируса и был тем самым «нулевым» посланием к Коринфянам, которое сам Павел поминает в 1 Кор. 5, 9: *я писал вам в послании не сообщаться с блудниками*. Нет сомнения, что прежде 1 Кор. Павел писал в Коринф какое-то иное письмо, причем именно преследовавшее цель отвратить братьев от общения с языческим окружением. Тогда указанный отрывок идеально подходит на роль этого «нулевого письма», (хотя и был понят адресатами не совсем правильно, что и потребовало уточнений от Павла в той же 5 главе 1 Кор.). Вполне возможно, что коринфские христиане сохранили этот листок, случайно вложив его посередине Второго Послания Павла. И в таком виде оно и стало копироваться дальше. Эта гипотеза указана в примечаниях к изданию Нового Завета в переводе РБО. Она представляется нам обоснованной.

Невозможно определить дату отправления этого «нулевого» письма и его письмоносцев. Предположение о том, что тему письма принес Павлу в Эфес Аполлос, а отправлено оно просто через знакомых моряков ради срочности, и потому не содержит личных имен и конкретных им указаний, - целиком автора книги.

⁵⁵Чеканная формула (1 Кор. 8, 6), несмотря на содержащийся в ней нерешенный парадокс, производит впечатление настолько отшлифованной, что даже не верится, будто она родилась только по ходу записи письма. Наверняка она уже звучала у Павла в Азии, возможно даже, и в литургическом употреблении.

⁵⁶ См.: Притч. Главы 8 и 9.

⁵⁷Мысли, изложенные во 2-й главе 1 Кор., тоже, вероятнее всего, родились у Павла раньше, не по поводу самого этого послания. Именно служение в Азии привело Павла к различению между плотским человеком и духовным, к наличию премудрости Божией тайной и сокровенной, недоступной властям века сего, открываемой лишь духом. Что же именно могло быть содержанием этой Божией тайны в понимании Павла? В посланиях из заключения, Ефессянам и Колоссянам, Павел пишет о тайне Божией, и именно там раскрывает «высокую христологию», т.е. учение о Божественной природе Христа. Поэтому очень вероятно, что именно служение в Азии, посреди которого и рождено 1 Послание Коринфянам, впервые подводило Павла к этой теме. И также понятно, почему он избегал ее обсуждать не только с Коринфянами. Он предвидел, что из признания Христа Богом, Единым с Отцом, непременно выйдет языческое многобожие, противопоставление Сына Отцу, Милостивого Христа – «жестокому Богу» Ветхого Завета, а людей духовных – людям плотским. Краткое предсказание об этом прозвучало в прямых словах Павла эфесским пресвитерам – см.: Деян. 20, 29-30. Потом, в учениях гностицизма эти идеи получили свое глубокое развитие и широкое хождение, затемняя и полностью извращая евангельскую весть.

⁵⁸Исследователи Нового Завета сопоставляют мятеж в Эфесе под предводительством Дмитрия (Деян. гл. 19) с 1 главой 2 Кор., где упомянута *великая скорбь*, случившаяся с Павлом в Азии с реальной угрозой жизни. Расхождение в тональности описания заметно. Современному читателю описание Луки может показаться в чем-то даже ироничным: какие-то пьяные фанаты скандируют лозунги, а потом расходятся по домам. Однако, угроза расправы от этой пьяной толпы, очевидно, была вполне реальной. Возможно, Лука не был непосредственным очевидцем всего этого события, включая бегство Павла из Эфеса и возможную охоту на него. Кроме того, первая и

подчеркнутая благодарность Павла Акиле и Прискилле, выраженная среди приветов в Послании к Римлянам (16, 3), именно за то, что они рисковали ради него жизнью, скорее всего, по времени и смыслу должна относиться к этому же эпизоду. Вероятно, после отбытия Павла из Эфеса супруги решили вернуться в Рим, потому еще, что император Клавдий умер (54 г) и его указ о выселении иудеев из Рима, видимо, уже не работал. А оставаться им в Эфесе было уже опасно.

⁵⁹Тимофей не имеет отношения ни к записи, ни к передаче 1 Послания Коринфянам. Очевидно, оно написано в Эфесе, а в Коринф передано с теми же Стефаном, Фортунатом и Ахаиком, которые и принесли из Коринфа вопросы христиан (см.: 1 Кор. 16, 17). Однако в нем отмечается, что на момент написания этого письма Тимофей находится в Македонии и может каким-то образом дойти до Коринфа (см.: 1 Кор. 16, 10-11).

⁶⁰Начало Второго Послания к Коринфянам дает основание думать, что Павлу стало известно о своих адресатах нечто новое, по сравнению с моментом отправки туда Первого Послания. Конкретно, Павел отвечает на требование предъявить некие рекомендательные письма и на сомнения в его апостольском достоинстве (чтобы не сказать прямее: обвинение в самозванстве). Такие настроения появились в общине, и Павел об этом узнает, и отправляет туда Тита, о чем не раз свидетельствует 2 Кор. На этом основании у библеистов возникает гипотеза, о существовании еще одного письма, быть может, краткой записки между Первым и Вторым Посланиями, которую нес Тит. При этом, судя по очевидной связи датировок этих посланий с книгой Деяний, времени между двумя имеющимися у нас посланиями проходит не более 3-4 месяцев, максимум полгода. За столь малый промежуток сложно предположить прибытие еще нового гонца из Коринфа с новой информацией и посылку нового ответа. Более правдоподобным считаем свой вариант: Стефан и его

спутники не все сказали лично Павлу, потому что постеснялись пересказать такие глубоко личные обвинения.

⁶¹ 2 Кор. 3, 2-3, перевод РБО.

⁶² 2 Кор. 3, 14-16.

⁶³ 2 Кор. 4, 6-12.

⁶⁴ 2 Кор. 5, 1-4.

⁶⁵ 2 Кор. 5, 14-16.

⁶⁶ 2 Кор. 5, 18-20.

⁶⁷ 2 Кор. 6, 9-10.

⁶⁸ Второе Послание Павла к Коринфянам несет печать смыслового и эмоционального разрыва. До 7 главы оно слишком скорбное. Павел вынужден увещать явно обиженных на него людей и даже оправдываться перед ними. В 7 главе вдруг происходит перелом, довольно резкое изменение и тональности, и тематики. И причина сего названа здесь же. Вернулся Тит с хорошими вестями из Коринфа. С Павлом и Тимофеем они встретились в Македонии, где и продолжается запись второй части письма, уже значительно более радостной. Много в этой второй части уделено внимания сбору средств, - просьба, которая была бы совершенно неуместною посреди упреков в первой части послания. Письмоносец послания не назван, но с большой вероятностью это был именно Тимофей, отправленный Павлом в Коринф впереди себя, чтобы подготовить верующих.

⁶⁹ Следует обратить внимание на тот факт, что поощрение пророчеств и говорения языками присутствует во всем Павловом письменном наследии только однажды – в 1 Кор. С другими церквями этот вопрос не поднимался даже намеком ни в книге Деяний, ни в посланиях Павла. Отсюда можно с большой вероятностью заключить, что в других общинах такие выражения молитвы, если и случались, то не носили систематического характера. Такие проявления молитвенности не требовалось как-то искусственно «обрабатывать», рассматривать, как дары Духа и ревновать о них. Трудно отказаться и от желания

провести параллель между этими проявлениями и всеми беспорядками в церковной общине Коринфа. Это не лично наша авторская выдумка. Ф. Фаррар, например, рассматривает Коринфскую общину крайне критично, включая и оценку глоссолатии, как прямого продолжения языческих привычек новообращенных христиан.

⁷⁰Конец 9 главы 2 Кор. вполне мог бы завершить все послание. По сути, Павел здесь dokonчил все мысли и как бы попрощался с читателем. Прочие главы производят впечатление, что написаны позже. Здесь вновь меняется тон письма и создается атмосфера глубоко личного, интимного откровения души. Трудно поверить, что сам Павел хотел бы эти слезные страницы огласить на весь мир. Очень вероятно, что именно они помогали врагам христианства, врагам лично Павла, таким, как Лев Толстой, обосновывать свои негативные чувства, упрекать Апостола в самолюбовании и неискренности.

⁷¹Бросается в глаза, что перечень всего пережитого Павлом в 2 Кор. гл. 11, явно превышает все, упомянутое Лукой в его хронике. Есть только две возможности: или признать 11 главу послания сильно отредактированной чужой рукой по принципу: кашу маслом не испортишь, - или же все злоключения Павла, перечисленные там и не находящие себе места в книге Деяний, отнести на счет времени до знакомства Павла с Лукой и Тимофеем. Мы выбираем второй путь.

⁷²Провинция Иллирик (включающая современные Сербию, Хорватию и Черногорию) упомянута Павлом лишь в Рим. 15, 19. Наиболее вероятно, что он кратко посетил эти места именно в рассматриваемый нами период.

⁷³Версия, будто Дионисий Афинский подает Павлу саму идею написать послание к Римлянам, – полностью наша. Указаний на это нет. Однако все исследователи согласны, что это послание написано именно во время сидения Павла в Коринфе в третье его путешествие, т. е. в

описываемое нами время. Что-то неизвестное нам должно было побудить его к такому письму.

⁷⁴У исследователей давно возникает недоумение, почему в Послании к Римлянам, в незнакомый город, Павел передает столько личных приветствий, а в Послании к Ефесянам, где у него должно было быть много друзей, – ни одного. Строилось предположение, что где-то в древности перепутаны странички, и приветствия ефесянам попали не в то послание. Считаем это предположение слишком натянутым. Кажется, все можно объяснить проще, как показано в нашем тексте. Отсутствие личных приветов в Еф. объясняется ниже, см.: прим.⁷⁸

⁷⁵Сюжет подробно изложен в Деян. глава 20. Мы лишь добавляем свои предположения о судьбе Тимофея. Далее мы не видим его в Палестине рядом с Лукою и Павлом, сам же Лука, очевидно, находится с Павлом неразлучно. Поэтому, естественно, последние главы книги Деяний, написанные Лукою, как очевидцем, мы опускаем. Логично предположить, что Тимофей это время провел в Азии и Галатии, трудясь среди тех, основанных Павлом общин.

⁷⁶Два очень похожих по темам и мыслям послания Ефесянам и Колоссянам ставят читателям вопрос: каковы же были на самом деле неправые мудрования братьев, которые и хотел исправить Апостол? В самих посланиях указаний маловато. Непонятно откуда взявшиеся почитатели ангелов и вот этих *начал, престолов, властей и господств*, которые явно не земного происхождения. Однако, судя по обращению св. Игнатия Богоносца к тем же самым Асийским церквям, очевидно, что к его времени, к первым годам второго века, в Азии уже полностью высказаны и явно проповедуются гностические идеи. Отдельные собрания «духовных», отрицающих воплощение Христа, а через это принципиально отвергающих евхаристию, а также церковную иерархию. Ключевое именование этих еретиков – гностики – свидетельствует, что они ищут

особого духовного знания, крайне гнушаясь материальным миром, как таковым. Видя на этом этапе (рубежа веков) практически созревшие гностические идеи, исследователи и на времена Павла делают, так сказать ретроспективный взгляд. Весьма разумно предположить, что некоторые из этих идей, разрушительные для христианских общин в 90-100 годах, зародились в зачатках своих еще при Павле, на рубеже 50-60-х годов. И при этом, как свидетельствуют послания Ефессянам и Колоссянам, Павел еще не переходит к прямым обличениям и упрекам, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что суть новых тайных учений Павлу была еще не ясна. Ведь эти тайные идеи дошли до него лишь в пересказе учеников – скорее всего именно Тимофея, который записывает послания к Колоссянам и Филимону, и Тихика, который несет эти послания в свои родные места. И вместо прямых обличений Павел предпочитает ограничиться положительным исповеданием своего благовестия, раскрывая в нем «высокую христологию» - учение о Божественной природе Христа, причем подчеркивает Его превосходство над этими *началами, властями и силами*, как бы ни понимать сущность этих сил.

⁷⁷Привет от Марка, племянника (или двоюродного брата) Варнавы Павел передает из заключения сразу в двух письмах (Кол. 4, 10 и Флм. 24), и там же одновременно передается привет от Луки. Считаем это достаточно серьезным доказательством того факта, что два евангелиста в это время встречались, причем, так сказать, при ногах узника Павла, провели некоторое время в общении и «сверили часы» своего благовестия. Очень вероятно, что «иерусалимские главы» книги Деяний, написанные в некоторых местах с живостью очевидца, основываются на воспоминаниях именно Марка. Например, 12 глава об освобождении Петра из темницы ангелом, как Петр приходит в дом именно Марка, и его встречают названные по имени, но совершенно не

упоминаемые в прочем повествовании мать Марка Мария и служанка Рода. От кого эти неважные детали могли стать известны Луке, природному антиохийцу? Сюда же можно отнести и другие фрагменты Луки, которые дают основания подозревать использование неких предварительных записей, причем на арамейском оригинале. Это песнь Девы Марии, песнь Захарии, отца Иоанна Предтечи (Лк. Глава 1) и допрос первомученика Стефана (Деян. гл. 7). Вполне возможно, что эти сведения, или часть из них Лука почерпнул именно от Марка и именно в описываемое время.

⁷⁸Послания из заключения, можно сказать, «прошиты» одними и теми же поминаемыми лицами и одними и теми же идеями. Поэтому очевидно, что они написаны практически одновременно. Чуть менее конкретно послание к Ефесеянам, а послание к Колоссянам уточняет ряд деталей в плане исправления неправых мнений адресатов. Из этого делаем вывод, что второе из них написано несколько позже, по получении дополнительной информации. Во всех трех посланиях (Флп., Кол. Флм.) поминаются Тихик (письмоносец, упомянутый и в Еф. 6, 20 он же несет и Кол. 4, 7), а также Лука, Марк, Епафрас\Епафродит (см. примеч.⁵²), Аристарх, Иисус\Иуст и Димас. Это доказывает, что все четыре письма написаны практически одновременно. Смущает лишь то обстоятельство, что в Послании к Ефесеянам не упомянут по имени ни один человек. В объяснение приводятся две гипотезы: или это послание писалось первым, и тогда еще не было у Павла уверенности, что вскоре он окажется на свободе, а потому он не хочет подставлять под удар никого в случае перехвата письма. Или же, предполагается, что письмо это адресовано в Лаодикию, и именно на него намекает Павел в Кол. 4, 16, предлагая после прочтения обменяться письмами. В Кол. 2, 1 Павел упоминает, что Лаодикийцев он в глаза не видел, - вот, чем объясняется и отсутствие личных приветствий! Но со временем, как некое окружное

послание всем Асийским церквям, это письмо и стало именоваться: К Ефесеянам.

⁷⁹В послании Филимону игра слов в значении имени Онисима (пригодный) отражена прямо в стихе 11. Стихи 18-19 очень прозрачно намекают, что Онисим покинул хозяина, что-то у него прихватив с собою. Вероятно, Павел и обещает возместить эту потерю. Так же как и указывает, что письмо это написано его собственной рукою.

⁸⁰ Кол. 1, 12-20. Перевод РБО.

⁸¹ Кол. 1, 21. Перевод РБО.

⁸² Кол. 1, 25-28. Перевод РБО.

⁸³ Кол. 2, 5. Перевод РБО.

⁸⁴ Кол. 2, 8-9. Перевод РБО.

⁸⁵ Кол. 2, 13-15. Перевод РБО.

⁸⁶ Кол. 2, 16-19. Перевод РБО. Именно послание к Колоссянам в переводе РБО имеет значительные отличия от синодального перевода и пространные комментарии, поэтому считаем интересным для читателя привести именно этот вариант перевода.

⁸⁷ Флп. 2, 5-10

⁸⁸ Флп. 3, 2

⁸⁹ Флп. 3, 19

⁹⁰ Флп. 4, 10

⁹¹ Пс. 109.

⁹²Данный выдуманный сюжет основывается нами на единственном указании: *брат наш Тимофей освобожден* (Евр. 13, 23). Значит, был в заключении – так надо понимать.

⁹³Послание к Евреям оставляет исследователей перед некой двойственностью. С одной стороны, перед нами очевидно богословие Павла, причем Павла позднего, излагающего «высокую христологию». В этом послании Христос, Сын Божий ставится выше ангелов, назван образом ипостаси Отца, через которого и веки сотворены (см.: Евр. гл. 1). Он же и примирил Бога с людьми в качестве Первосвященника по чину Мелхиседекову. Все

это, а так же обращение снова к истории Авраама, дают настолько тесное переплетение с идеями Павла из других посланий, что его авторство кажется несомненным. С другой стороны, стиль и язык послания сильно отличаются, вследствие чего многие еще в древности (например, Ориген и Евсевий) ставят авторство Павла под большое сомнение. С третьей же стороны, очевидно, что автор послания к Евреям – глубокий и сильный богослов, но из всех лиц того времени у нас нет ни одного известного сколько-нибудь подходящего кандидата (кроме Павла!), кому могли бы мы с какой-то достоверностью вручить авторство сего послания.

Выход из такого затруднения (хотя его тоже подвергают основательной критике) заключается все-таки в том, чтобы стиль послания «свалить» на переводчика или редактора. Вполне разумно предполагать, что евреям Иерусалимской общины (а речь, наверняка идет именно о них) Павел написал бы по-еврейски. Очевидно так же, что он вряд ли бы дерзнул их поучать через голову еще живого и здравствующего апостола Иакова. Достоверно и то, что Иаков и часть иерусалимских пресвитеров погибли в 62 г, при смене прокураторов Иудеи Феста и Альбина. Об этом сообщает Иосиф Флавий (Иудейские древности, книга 20, гл. 9, 1), а за ним Евсевий. Сама фраза Послания: *поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. 13, 7) – вполне может указывать именно на это событие. Вот вероятный повод написания Послания.

И если оригинал с большой вероятностью написан по-еврейски, то с той же вероятностью, писцом этого письма был Марк. Именно его мы видим именно в это время в Риме рядом с Павлом. Ему же, возможно, принадлежит и перевод письма на греческий в том виде, как оно дошло до нас. Вполне возможно, что такой перевод был пересказом или редакцией, что и обусловило перемену стиля. То есть, фактически мы признаем, что греческий вариант

Послания Павел не писал и не диктовал, но при этом именно он и остается автором этого документа.

⁹⁴Книга Деяний св. Апостолов кончается заключением Павла в Риме. Неизвестно никакого варианта этой книги с каким-либо продолжением. Из этого делается простой вывод о времени окончания работы автора над ней: это именно начало 60-х годов. Невозможно допустить, что если бы Лука писал позже, то он по каким угодно причинам опустил бы дальнейшие события в Риме, а именно гонение при Нероне, в котором, согласно древнейшему преданию погибают и Павел и Петр. Значит, книга закончена при жизни обоих, около 62 года. Из чего следует, что первая книга Луки, его Евангелие, адресованное тому же Феофилу (хотя бы ее первая редакция!), написана еще несколько ранее.

Именной указатель

Имена, вымышленных персонажей нашей книги помечены звездочкой *. Имена лиц, упомянутых в Новом завете, снабжены ссылкой на первое по времени упоминание их, или самое подробное и яркое из таковых упоминаний.

Акила (вероятно, сокр. от Аквилон) – спутник Павла. Деян. 18, 2

Аполлос – апостол, помощник Павла. Деян. 18, 24.

Аристарх – пресвитер из Фессалоник. Деян. 20, 4

Афродисий* - пресвитер из Листры.

Афанасий* - держатель молитвенного дома в Троаде.

Вар* – пресвитер из Филипп.

Варнава – апостол, спутник Павла в первом путешествии. Деян. 4, 36.

Вителлий – проконсул Сирии во времена Иисуса.

Гай Дервянин – христианин из Дервии. Деян. 20, 4.

Гай Калигула – римский император 37-41 г.

- Гай – странноприимец Коринфской церкви. 1 Кор. 1, 14.
- Гай – македонец, спутник Павла. Деян. 19, 29.
- Галлион – проконсул Ахаии. Деян. 18, 12.
- Димас – ученик Павла в Римском заключении. Кол. 4, 14.
- Евдокия* – жена Афанасия из Троады.
- Евника – мать Тимофея. 2 Тим. 1, 5.
- Евстафий* – христианин из Листры.
- Евтих – христианин из Троады – Деян. 20, 9.
- Епафродит, он же Епафрас – Флп. 2, 25. См. примеч. ⁵²
- Ермас – хромым, исцеленный в Листре. Имя дано автором. Деян. 14, 8.
- Иаков – брат Иисуса Деян. 15, 13.
- Захария* – уверовавший из иудеев, противник Павла.
- Клавдий – римский император 41-54 г.
- Крисп – начальник синагоги в Коринфе Деян. 18, 8.
- Лидия – первая уверовавшая в Филиппах Деян. 16, 14.
- Лоидас – бабушка Тимофея. 2 Тим. 1, 5.
- Лука, он же Луций (?), евангелист, врач Павла, Деян. 13, 1 (?) или 16, 10.
- Марк евангелист. Деян. 12, 12.
- Павел апостол Деян. 8, 1.
- Петр (Симон) – первоверховный апостол Иисуса Мф. 4, 18.
- Прискилла (уменьш. от Приска) жена Акилы – Деян. 18, 2.
- Онисим – беглый раб Филимона из Колосс – Флм. 10.
- Секунд – христианин из Фессалоник Деян. 20, 4.
- Силуан – апостол, спутник Павла, он же Сила – Деян. 15, 27.
- Сосипатр – христианин из Вериы Деян. 20, 4.
- Сосфен 1 – начальник Коринфской синагоги, сменивший Криспа Деян. 18, 17.
- Сосфен 2 – пресвитер Эфесский, принятый Павлом в соавторы 1 Кор. 1, 1.
- Стефан 1 – первый мученик Христов – Деян. 6, 5.

Стефан 2 (он же Стефанин) – один из первых христиан Коринфа. 1 Кор. 1, 16.

Тиберий - римский император 14-37 г.

Тимофей – апостол, ученик Павла. Деян. 16, 1.

Тит – апостол, ученик Павла. Гал. 2, 1.

Тихик – христианин из Асии, письмоносец Кол., Еф., Флм. - Деян. 20, 4.

Феофил – держатель церкви в Антиохии Сирийской. Лк. 1, 1, Деян. 1, 1.

Фива – диакониса из Кенхреи. Рим. 16, 1.

Филимон – держатель церкви в Колоссах. см. посл. К Филимону.

Фортунат – христианин из Коринфа. 1 Кор. 16, 17.

Ясон (Иасон) – христианин из Фессалоник, принявший первым апостолов. Деян. 17,5.

Приложение

Учение двенадцати Апостолов (Дидахэ)

Учение Господа через двенадцать апостолов языкам.

Глава 1

1. Два есть пути, один – жизни и другой – смерти, и великое различие между этими двумя путями. 2. Путь жизни есть сей. Во-первых, возлюби Бога, сотворившего тебя, во-вторых, ближнего твоего, как самого себя, и все, что ты не хочешь, чтобы произошло с тобою, и сам другому не делай. 3. Учение сих слов таково. Благословляйте проклинающих вас и молитесь о врагах ваших, поститесь о гонителях ваших. Ибо какая благодать, если вы любите любящих вас? Не то же ли делают и язычники? Вы же любите ненавидящих вас, и не будет у вас врага. 4. Удаляйся от плотских и телесных похотей. Если кто даст тебе удар по правой щеке, обрати к нему и другую, и будешь совершен. Если заставит кто тебя (идти с ним) одну милю, иди с ним две. Если кто

возьмет у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку. Если кто возьмет у тебя твое, не требуй обратно, ибо ты и не можешь. 5. Всякому просящему у тебя давай и не требуй обратно. Ибо Отец хочет, чтобы всем было дано от Его даров. Блажен дающий по заповеди, ибо он не повинен. Увы берущему: если кто берет, имея нужду, он будет не повинен, но не имеющий нужды даст ответ, зачем и для чего он взял. Будучи в заключении, он будет допрошен о том, что сделал, и не выйдет оттуда, пока не отдаст последнего кодранта. 6. Но и о сем сказано: пусть запотеет милостыня твоя в руках твоих, пока не будешь знать, кому даешь.

Глава 2

1. Вторая же заповедь учения: 2. не убивай, не прелюбодействуй, не совершай деторастления, не блудодействуй, не кради, не волхвуй, не изговляй волшебных снадобий, не убивай дитя погублением, и родившегося не умерщвляй, и не желай того, что принадлежит ближнему. 3. Не клятвопреступствуй, не лжесвидетельствуй, не злословь, не злопамятствуй. 4. Не будь двоемыслен или двуязычен, ибо двуязычие – сеть смерти. 5. Да не будет слово твое ложно или пусто, но наполнено делом. 6. Не будь стяжателем, ни расхитителем, ни лицемером, ни злонравным, ни гордым. Не злоумышляй против ближнего твоего. 7. Не ненавижь никакого человека, но кого обличи, о ком молись, кого возлюби – больше души твоей.

Глава 3

1. Чадо мое, беги всякого лукавого и всего, подобного ему. 2. Не будь гневливым, ибо гнев ведет к убийству, ни ревнителем, ни сварливым, ни вспыльчивым, ибо все это рождает убийства. 3. Чадо мое, не вождедей, ибо вождество ведет к блуду, не сквернословь и не смотри нагло, ибо все это рождает прелюбодеяния. 4. Чадо мое, не гадай по птицам, ибо это ведет к идолослужению, не заговаривай, не счисляй (звезды), не занимайся очищениями, не желай и смотреть на это или слышать,

ибо все это рождает идолопоклонство. 5. Чадо мое, не будь лжецом, поскольку ложь ведет к воровству, не будь сребролюбом, ни тщеславным, ибо из всего этого рождаются кражи. 6. Чадо мое, не ропщи, ибо это ведет к хуле, не будь самодовольным, ни зломысленным, ибо все это рождает хулы. 7. Но будь кроток, ибо кроткие унаследуют землю. 8. Будь терпелив и милостив, и незлобив, и покоен, и благ, и трепещи постоянно тех слов, которые ты услышал. 9. Не превозносись и не давай душе твоей впадать в дерзновение. Да не прилепляется душа твоя к превозносящимся, но пребывай среди праведных и смиренных. 10. То, что случается с тобой, принимай как благо, зная, что помимо Бога ничто не происходит.

Глава 4

1. Чадо мое, глаголющего тебе слово Божие помни ночью и днем, и чти его как Господа, ибо где господство глаголется, там Господь. 2. Взыщи ежедневно лица святых, чтобы упокоиться тебе в словах их. 3. Не создавай раскола, но умиротворяй враждующих. Суди праведно; когда обличаешь согрешения, будь нелицеприятен. 4. Не двоедушествуй, будет ли или нет. 5. Не будь простирающим руки, чтобы брать, и убирающим, когда нужно дать. 6. Если имеешь (что) от (трудов) рук своих, отдай в искупление грехов твоих. 7. Давай не колеблясь, и давая, не ропщи, ибо ты знаешь, Кто есть добрый Воздаятель награды. 8. Не отвергай нуждающегося, но во всем будь общник с братом твоим и ничего не называй своим. Ибо если вы общники в бессмертном, то тем более в смертном!

9. Не отнимай руки своей от сына своего или от дочери своей, но от юности учи страху Божию. 10. Не повелевай рабу твоему или служанке, уповающим на того же Бога, в горечи твоей, чтобы не перестали они бояться Бога, Который и над ними, и над тобой. Он приходит не для того, чтобы призвать (взирая на) лицо, но тех, чей дух Он уготовил. 11. Вы же, рабы, повинуйтесь господам вашим как образу Божию, со стыдением и страхом. 12.

Возненавидь всякое лицемерие и все неугодное Господу. 13. Не оставляй заповеди Господни, но храни, что принял, не прибавляя и не опуская ничего. 14. В церкви исповедуй согрешения твои и не приступай к молитве с совестью лукавою. Сей есть путь жизни.

Глава 5

1. Путь же смерти таков. Прежде всего, он лукав и исполнен проклятия. Убийства, прелюбодеяния, вожделения, блудодеяния, кражи, идолослужения, волхования, изготовления снадобий, хищения, лжесвидетельства, лицемерия, двоедушие, хитрость, гордыня, злоба, самодовольство, любостяжание, сквернословие, ревнование, дерзость, высокомерие, бахвальство, бесстрашие; 2. гонители благих, ненавидящие истину, любящие ложь, не ведающие воздаяния праведности, не прилепляющиеся благому, ни суду праведному, бдящие не во благо, но в лукавство; от которых далеко кротость и терпение, любящие суетное, преследующие воздаяния, не милующие нищего, не болезнующие об удрученном, не ведающие Создавшего их, убийцы детей, губители создания Божия, отворачивающиеся от нуждающегося, удручающие угнетенного, защитники богатых, бедных беззаконные судьи, все грешные. О если бы вы, чада, избавились от всех таких!

Глава 6

1. Смотри, чтобы кто тебя не заблудил с сего пути учения, поскольку учит тебя вне Бога. 2. Если можешь понести все иго Господне, будешь совершен, если же не можешь, что можешь, то делай. 3. Что (касается) пищи, понеси, что можешь, от идоложертвенного же весьма берегись, ибо это – служение мертвым богам.

Глава 7

1. Что же (касается) крещения, крестите так: сказав предварительно все это, крестите во имя Отца и Сына и Святаго Духа в воде живой (то есть проточной – *ред.*). 2. Если же не имеешь воды живой, в иной воде крести; если

же не можешь в холодной – в теплой. 3. Если же не имеешь ни той, ни другой, возлей на голову воду трижды во имя Отца и Сына и Святого Духа. 4. Прежде же крещения да постится крещающий и крещаемый, и если могут - некоторые другие. Вели же (обязательно) поститься крещаемому день или два до крещения.

Глава 8

1. Посты же ваши да не будут с лицемерами. Ибо они постятся во второй и пятый (день) недели (понедельник и четверг по нашему счету, как постились фарисеи – ред.) Вы же поститесь в среду и пятницу. 2. И не молитесь, как лицемеры, но как повелел Господь в Благовествовании Своем, так молитесь: Отче наш на небе, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, как на небе (так) и на земле; хлеб наш насущный дай нам сегодня, и прости нам долг наш, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твоя есть сила и слава во веки. 3. Трижды в день так молитесь.

Глава 9

1. Что же (касается) благодарения, благодарите так. 2. Прежде о чаше: Благодарим Тебя, Отче наш о святой лозе виноградной Давида отрока Твоего, которую Ты явил нам через Иисуса, Отрока Твоего; Тебе слава во веки. 3. О преломленном же (хлебе): Благодарим Тебя, Отче наш, о жизни и знании, которые Ты явил нам чрез Иисуса, Отрока Твоего; Тебе слава во веки. 4. Как был этот хлеб преломленный рассеян по горам и, собранный, стал един, так да соберется и церковь Твоя от концов земли в Твое Царствие. Ибо Твоя есть слава и сила чрез Иисуса Христа во веки. 5. Пусть же никто не ест и не пьет от Благодарения вашего, кроме как крещеные во имя Господне. Ибо об этом сказал Господь: не давайте святыни псам.

Глава 10

1. По насыщении же так благодарите: 2. Благодарим Тебя, Отче Святой о святом имени Твоем, Которое Ты вселил в

сердца наши, и о знании, и вере, и бессмертии, которые Ты явил нам через Иисуса Отрока Твоего. Тебе слава во веки. 3. Ты Владыко Вседержитель, создал все имени Твоего ради, пищу и питье дал человекам в наслаждение, чтобы благодарили Тебя. Нам же Ты даровал духовную пищу и питье, и жизнь вечную чрез Иисуса Отрока Твоего. 4. Прежде всего благодарим Тебя, ибо Ты силен. Тебе слава во веки. 5. Помяни Господи церковь Твою, (чтобы) избавить ее от всякого лукавого, и усовершенить ее в любви Твоей, и собери ее от четырех ветров, освященную, в Царствие Твое, которое Ты уготовал ей. Ибо Твоя есть сила и слава во веки. 6. Да придет благодать, и да прейдет мир сей. Осанна Богу Давидову. Если кто свят, да приходит, если кто не (свят), да кается. Маранафа. Аминь. 7. Пророкам же предоставляйте благодарить, сколько хотят.

Глава 11

1. Если кто, придя (к вам), будет учить вас всему этому, прежде сказанному, примите его. 2. Если же сам учащий, повернувшись (в другую сторону), будет учить иному учению, в нарушение, не слушайте его; (если же) в прибавление праведности и познания Господа, примите его, как Господа. 3. Что же (касается) апостолов и пророков, по повелению Благовествования делайте так. 4. Всякий апостол, приходящий к вам, да будет принят, как Господь, 5. но пусть не остается у вас больше одного дня, а если будет необходимость, то двух. Если же останется три дня, это лжепророк. 6. Отправляясь, апостол пусть не берет ничего, кроме хлеба, (достаточного) до следующей остановки. Если же просит денег, это лжепророк. 7. И всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не обсуждайте, ибо всякий грех простится, этот же грех не простится (см.: Мф. 12, 31 – *ред.*) 8. Не всякий же говорящий в духе – пророк, но (только) если имеет нравы Господни. Ибо по нравам познается лжепророк и пророк. 9. И всякий пророк, в духе определяющий трапезу, не ест

от нее, если же не так, то это лжепророк. 10. Всякий же пророк, учащий истине, если не делает то, чему учит, - лжепророк.

11. Всякий же пророк, проверенный, истинный, созидаящий таинство Церкви в мире, но не учащий делать то, что он делает, (да) не будет судим вами, ибо он имеет суд с Богом. Ибо так делали и древние пророки. 12. А если кто скажет в духе: дай мне деньги или еще что-нибудь, не слушайте его. Если же скажет, чтобы дали другим, нуждающимся, никто да не судит его.

Глава 12

1. Всякого приходящего во имя Господне принимайте. Затем же, проверив его, узнаете, ибо будете иметь разумение правое и левое. 2. Если пришелец (направляется) в другое место, помогите ему, насколько можете, но пусть не остается у вас больше, чем на два или три дня, если будет необходимость. 3. Если же он хочет остаться у вас, будучи ремесленником, пусть трудится и ест. 4. Если же не владеет ремеслом, по разумению вашему позаботьтесь, чтобы христианин не жил среди вас праздным. 5. Если же он не хочет так делать, он христопродавец: таких берегитесь.

Глава 13

1. Всякий же пророк истинный, желающий остаться у вас, достоин пропитания своего. 2. Также и учитель истинный, достоин и он, как трудящийся, пропитания своего. 3. Всякий начаток произведенного в точиле и на току (вина и хлеба – ред.), коров и овец, возьми и дай начаток пророкам, ибо они архиереи ваши. 4. Если же нет у вас пророка, дайте нищим. 5. Если изготавлиаешь хлеб, возьми начаток и дай по заповеди. 6. Также и распечатав сосуд вина или масла, возьми начаток и дай пророкам. 7. Возьми и начаток денег и одежды и всякого имущества, по твоему разумению, и дай по заповеди.

Глава 14

1. В день Господень, собравшись, преломляйте хлеб и благодарите, исповедав предварительно согрешения ваши,

чтобы жертва ваша была чиста. 2. Всякий же имеющий спор с другом своим да не входит к вам, пока они не примирятся, чтобы не была осквернена жертва ваша. 3. Ибо о ней сказал Господь: *на всяком месте и во всякое время приносите Мне жертву чистую, ибо Я – Царь Великий, говорит Господь, и имя Мое дивно в языках* (ср.: Мал. 1, 11-14 – *ред.*)

Глава 15

1. Поэтому рукополагайте себе епископов и диаконов, достойных Господа, мужей кротких и не сребролюбивых, и истинных, и испытанных, ибо вам служат и они службу пророков и учителей. 2. Не пренебрегайте ими, ибо они почтены среди вас вместе с пророками и учителями. 3. Обличайте друг друга не во гневе, но в мире, как имеете в Благовествовании. Со всяким, презиравшим другого, пусть никто у вас не разговаривает и не выслушивает (его) пока он не покается. 4. Молитвы же ваши и милостыни, и все дела так творите, как имеете в Благовествовании Господа нашего.

Глава 16

1. Бодрствуйте о жизни вашей. Свильники ваши да не угашаются и чресла ваши да не распоясываются, но будьте готовы, ибо вы не знаете часа, когда Господь наш придет. 2. Часто собирайтесь, ища подобающее душам вашим, ибо не принесет пользы вам все время веры вашей, если не станете совершенны в последнее время. 3. Ибо в последние дни умножатся лжепророки и губители, и овцы обратятся в волков, и любовь обратится в ненависть. 4. Ибо по умножении беззакония возненавидят друг друга, будут преследовать и предавать, и тогда явится мировой обманщик, словно сын Божий, и сотворит знамения и чудеса, и земля предастся в руки его, и будет (он) творить беззакония, каких никогда не было от века. 5. Тогда придет тварь человеческая в огонь испытания, и многие соблазняются и погибнут, а пребывшие в вере своей спасутся от этого проклятия. 6. И тогда явятся знамения истины: сперва знамение, распростертое на небе, затем

знамение гласа трубного, и, в-третьих, воскресение мертвых; 7. не всех однако, но как сказано: придет Господь и все святые с Ним. 8. Тогда увидит мир Господа, грядущего на облаках небесных... *(рукопись обрывается)*.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава 1. В Листре.....	9
Глава 2. Визит новых апостолов.....	37
Глава 3. В Антиохию.....	54
Глава 4. Письмо от Павла землякам Тимофея.....	68
Глава 5. Второе путешествие Павла.....	75
Глава 6. Путь в Европу.....	94
Глава 7. От Фессалоник до Коринфа.....	105
Глава 8. Послания к Фессалоникийцам.....	129
Глава 9. Спор с Иерусалимом.....	145
Глава 10. Тимофей возвращается домой.....	162
Глава 11. В Эфесе.....	167
Глава 12. Вновь в Македонии и Ахаии.....	186
Глава 13. Тимофей отправляется в Рим.....	218
Эпилог.....	240
Примечания.....	242
Именной указатель.....	266
Приложения (Дидахэ).....	268